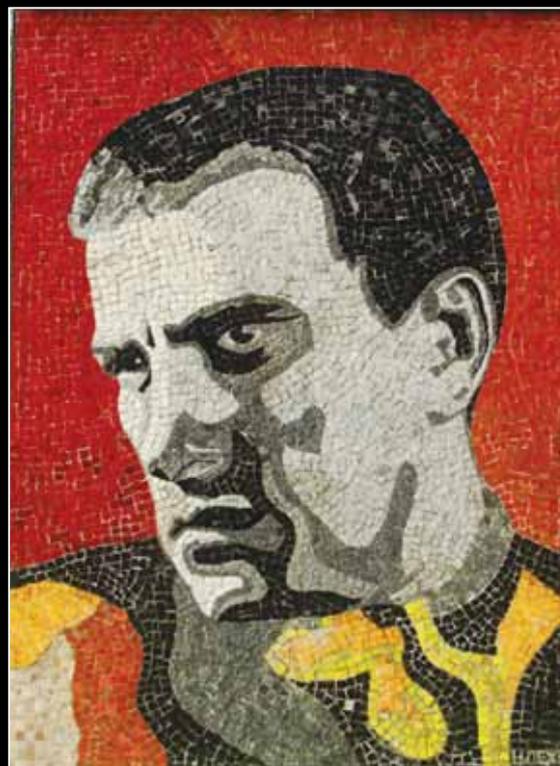
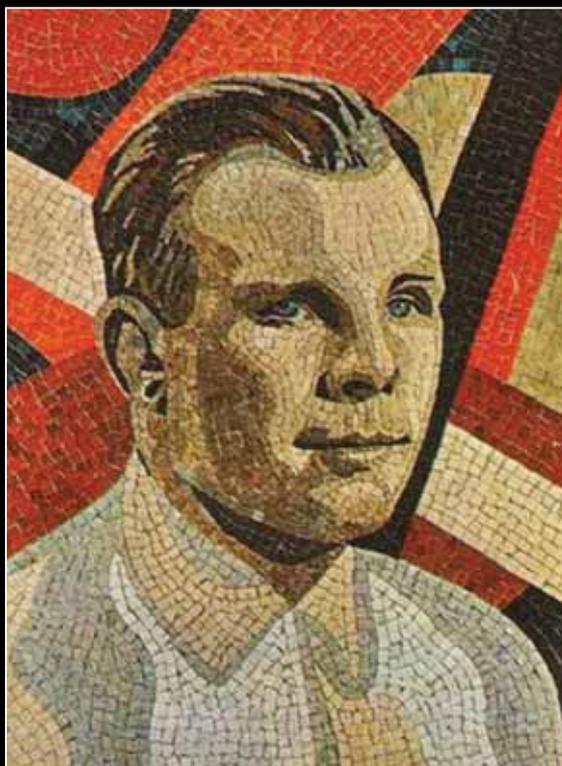

ТЕАТР «РОМЭН» —
*единственный в мире
цыганский репертуарный
театр*

О жизни и творчестве художницы Нади Леже читайте на стр. 50

Неизвестное об известном	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Старик Лазарь Иосифович4
Из российской истории	
<i>Светлана Марлинская</i>	Бедная Анна 10
Это интересно	
<i>Александр Ралот</i>	Господин, товарищ, нужный человек 14
<i>Елена Воробьева</i>	Андрей Жемчужный: «Приходите в наш театр, и вы не пожалеете!»31
Звезды не гаснут	
<i>Юрий Осипов</i>	«Лунный Пьеро» 19
Рассказ	
<i>Олег Визер</i>	Отец писателя36
Судьба художника	
<i>Ирина Опимах</i>	Надя Леже и ее мозаики50
Поэзия	
<i>Ирина Путьева</i>	Стихи65
Чем живем	
<i>Майя Кир</i>	Один день из жизни волонтера военного госпиталя в Луганске70
Замечательные современники	
<i>Наталья Покачалова</i>	Александр Клевицкий: «Я еще не все сказал, точку ставить рано»74
Антиутопия	
<i>Александр Куприянов</i>	Бабочка Когню88
Путевые заметки	
<i>Лариса Новосельская</i>	Рио, где-то на Марсе 114
Остросюжетный роман	
<i>Екатерина Маркова</i>	Плакальщица 122
Кроссворд. Эрудит	188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актерский коллектив театра «Ромэн».
Фото из театрального архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж — 8200

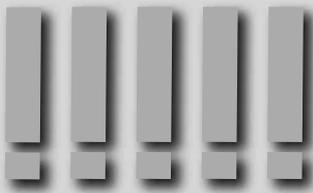
Зак. №

Цена свободная

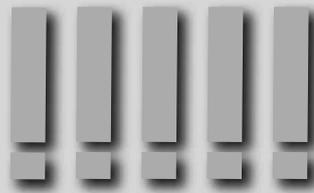
Номер подписан в печать: 16.09.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

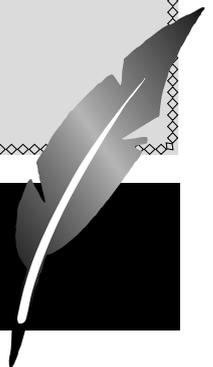
Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2025 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

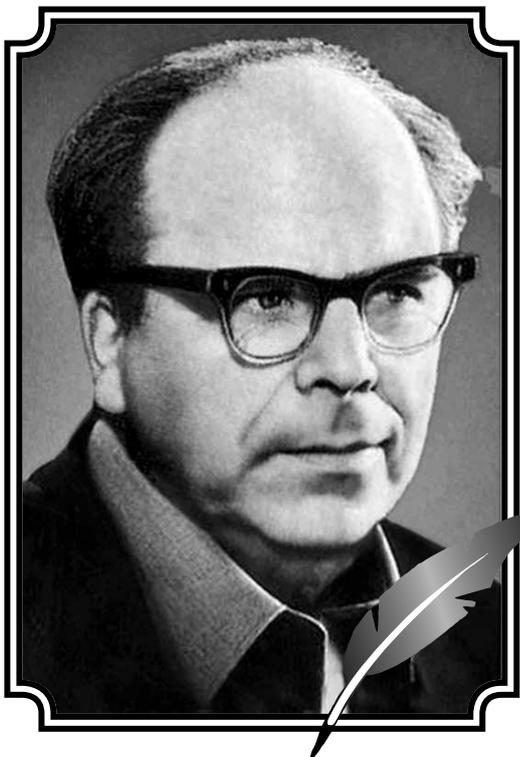
Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Старик Лазарь Иосифович

Почти у каждого советского ребенка в доме была книга «Старик Хоттабыч». Но даже если не было, то наверняка этот ребенок смотрел по телевизору фильм-сказку про Вольку Костылькова, про джинна, выпущенного им из лампы, и про все приключения, случившиеся после этих событий.

Дети редко обращают внимание на фамилию автора на обложке книги. Мне запомнились только инициалы «Л.И.Лагин». Но кто стоял за волшебной восточной сказкой, отсылающей нас к «Тысяче и одной ночи»?

Лазарь Иосифович Гинзбург (таково было имя будущего писателя при рождении) родился в 1903 году в Витебске, в небогатой еврейской семье, где кроме него было еще четверо детей. Отец, Иосиф Файвелевич, перегонял плоты на Западной Двине, мама, Хана Лазаревна, воспитывала детей. В семье говорили на идиш, слова из которого Лагин впоследствии использовал во многих своих произведениях.

Глава семьи, как мог, старался поднять ее благосостояние. Поначалу выходило не очень — бедность была такова, что праздничным блюдом в семье считались драники.

В гостях же у более зажиточных соседей можно было отведать квашеной капусты.

Когда Иосифу Файвелевичу наконец удалось скопить немного денег, он открыл лавку скобяного товара в Минске, куда семья переехала из Витебска. Лазарю на тот момент было 4 года. Как верующая семья, поселились они неподалеку от синагоги, а до 13 лет мальчик учился в хедере — начальной религиозной школе.

Следы этого обучения можно проследить в текстах Лагина. Так, в первом издании «Старика Хоттабыча» джинн, вырывая волосы из бороды, приговаривал не «трах-

тибидох-тох-тох» (это выражение было придумано актером Николаем Литвиновым для радиоспектакля), а «лехододиликраскало», что означает «Иди, мой друг, встречай свою не-

лая его отблагодарить, пытается помочь ему во всех его делах, финансовых и сердечных. Получается, естественно, комично. Вероятнее всего, именно эта книга и вдохно-

После окончания службы в армии надо было что-то делать со своей жизнью, и Лазарь поступил в Институт красной профессуры, защитил диссертацию, стал кандидатом экономических наук и доцентом. При этом он продолжал писать. В издательстве «Правда» в те годы выходил журнал «Крокодил», где трудились Катаев, Ильф и Петров, и Лазарь Иосифович прекрасно влился в эту компанию. Он говорил, что написанная им книга «Старик Хоттабыч» задумывалась как памфлет, сатира, и только вмешательство редакции сделало из нее волшебную сказку

весту» — начало субботнего еврейского гимна.

После хедера Лазарь поступил в Высшее начальное училище Минска. Курс обучения в этом учебном заведении длился два года, и программа включала в себя изучение математики, физики, географии, истории. А вот гуманитарных предметов, в частности, языков, включала меньше. Однако это не мешало Лазарю интересоваться литературой, в том числе и иностранной. Когда мальчику было тринадцать лет, в его руки попала книга английского писателя Ф. Энсти (Томас Энсти Гатри) «Дьявольский джинн и медный кувшин». Сюжет таков: молодой лондонский архитектор покупает на аукционе старинный медный кувшин и выпускает из него джинна. Джинн, же-

вила будущего писателя на создание своего «Старика Хоттабыча».

В 1917 году Минск сначала был захвачен немецкими войсками, потом отошел Германии по результатам Брест-Литовского мира, а в январе 1919 года стал столицей Советской Социалистической Республики Белоруссии в составе РСФСР.

Поскольку вместе с входом в Минск польских войск в городе начались еврейские погромы, Лазарь Гинзбург, как и другая революционно настроенная молодежь, отправился добровольцем на фронт. К 1919 году он уже окончил училище, в декабре ему должно было исполниться 16 лет.

Но на фронте у него довольно быстро обнаружился туберкулез, после чего Лазарю выдали путевку на лечение в подмосковный санаторий

«Подсолнечное», бывшую клинику для нервных больных, где теперь лечили красноармейцев. Всю зиму он провел там, периодически наезжая в Москву, где посещал студию при Литературно-издательском отделе Наркомпроса, созданную Валерием Брюсовым. Там он познакомился с Маяковским и Шкловским. Последний предложил ему написать для ОПОЯЗа (Общество изучения поэтического языка) работу о системе повторов в «Тысяче и одной ночи». Когда Лазарь пришел в библиотеку за книгой, ее вынес востоковед Мустафа Османович, сам похожий на волшебника: с бородой, в цветной жилетке, в остроносых туфлях... Ну, вылитый Хоттабыч!

В начале 20-х Гинзбург вступил в комсомол и взялся за выполнение

партийных задач: собирал первичные ячейки, агитировал, занимался хлебозаготовками. Эта нетворческая работа не мешала ему писать стихи. Правда, их качество он оценивал так: «Говоря откровенно, у меня имеется немалая заслуга перед отечественной литературой: я вовремя и навеки перестал писать стихи».

Искал он и другие свои таланты. Так, в 1923 году Гинзбург поступил в Минскую консерваторию: обладатель красивого баритона, он любил петь и надеялся стать певцом. Однако вскоре — уже через год — консерваторию он бросил.

В 1924 году семья переехала из Минска в Москву. Отец переквалифицировался в наборщика в газете «Известия», а Лазарь поступил в Институт народного хозяйства имени Карла Маркса (будущий Плехановский университет).

В 1925 году в армию призвали граждан 1903 года рождения — попал в их число и Лазарь Гинзбург. Его направили в Ростов-на-Дону. Его главное впечатление о пребывании в этом южном городе было связано с приездом Маяковского. Поэт и сам выступал с чтением своих стихов, и слушал ростовских поэтов в подвале Дома печати. Гинзбург впоследствии вспоминал об этом событии: «Владим Владимыч все внимательно выслушал, скептически посмотрел на меня и сказал: «Ваша поэма родилась не из сердца. Это, батенька, литературщина. Своими глазами надо смотреть на окружаю-

щий мир, а не через пенсне классиков. А вот маленькое ваше стихотворение мне, как ни странно, понравилось...»

Служба продлилась 5 лет, и к ее окончанию Лазарь Гинзбург задумал концерт. Он позвонил Маяковскому, чтобы пригласить его, но тот, чуть помедлив с ответом, сказал: «Голубчик, я себя последние дни омерзительно чувствую. Позвоните мне денька через три-четыре...»

Этот разговор происходил десятого апреля тысяча девятьсот тридцатого года, в одиннадцатом часу утра». Маяковский застрелился в 10.15. Возможно, автор «Старика Хоттабыча» был последним, с кем разговаривал поэт перед смертью.

По окончании службы надо было что-то делать дальше со своей жизнью, и Гинзбург поступил в Институт красной профессуры. Его работы печатались в газете «За индустриализацию». Он же пошел по научной стезе: в 1933 году защитил диссертацию, стал кандидатом экономических наук и доцентом. Но и его литературный опыт не пропал втуне: его направили в газету «Правда» — укреплять экономический отдел.

В издательстве «Правда» в те годы выходил «Крокодил», сатирический журнал, где трудились Катаев, Ильф и Петров. Гинзбург прекрасно вошел в эту компанию со своим узнаваемым стилем. О «Старике Хоттабыче» он говорил, что книга задумывалась как памфлет, как сатира, и

только вмешательство редакции сделало из нее волшебную сказку.

В 1934 году Гинзбург стал Лагиным — этим псевдонимом он подписал свой первый сборник — «153 самоубийцы». Собрал он псевдоним легко — из первых букв имени и фамилии. Есть еще, правда, легенда, что писатель был влюблен в некую Галину, и сделал «Лагин» анаграммой слова «Галин», но это едва ли похоже на правду. В сборник вошло несколько сатирических рассказов, один из которых, «Эликсир сатаны», рассказывал о лекарстве, позволяющем лечить лилипутов, заставляя их расти. Со временем из этого рассказа получилась повесть: в 1947 году увидел свет «Патент АВ», где богатый негодяй намеревался вырастить из шестилетних детей личную армию.

Лагин относится к числу тех писателей, которые считают своими главными произведения отнюдь не те, что их прославили. Он был скорее фантастом, сродни Беляеву, сатириком, сродни Булгакову, но никак не сказочником.

Откуда взялся «Старик Хоттабыч», теперь судить трудно. Тут тебе и «Медный кувшин», и Шкловский, и «Тысяча и одна ночь», и Москва, еще дышащая идеалами революции, еще молодая, злая, склочная, как булгаковская Аннушка. Большинство литературоведов, пишущих о Лагине, сравнивают джинна Хоттабыча с Воландом.

У Вольки Костылькова, кстати, был реальный прототип — сын скульптора Веры Мухиной и врача Алексея Замкова. Вообще-то его звали Всеволод. У мальчика, которого дома называли Воликом, был костный туберкулез, и после тяжелой операции на ноге он учился ходить на костылях. Лагин дружил с его родителями и, бывая в гостях, развлекал его арабскими сказками. Он же выдумал обращение — Волька ибн Алеша. А «Костыльков» появился от костылей. Всеволод Замков, ставший большим ученым, с теплотой вспоминал об этом знакомстве.

Дочь писателя, Наталья Лагина, вспоминала: «Мама рассказывала: когда он писал, она, уходя на работу, запирала его на ключ, оставляя на столе тарелку с огромным количеством конфет. Он был сладкоежкой и патологическим лентяем, когда дело касалось его собственного творчества». К вечеру конфеты заканчивались, зато появлялся текст.

В 1938 году «Старика Хоттабыча» начал печатать журнал «Пионер». Первые главы появились в конце года, а окончание — в январе-феврале 1939, но уже в газете «Пионерская правда». Слава пришла к писателю сразу, но насладиться ею он не успел, потому что в литературных кругах начались чистки. В декабре 1938 года арестовали Михаила Кольцова, и стало ясно, что следующим будет Лагин, его заместитель. Спас положение Александр Фадеев. Он послал Лагина и карикатуриста Бориса Ефи-

мова, брата Кольцова, в длительную командировку на Шпицберген. Когда писатель вернулся, беда уже прошла мимо — его больше не искали.

В Москву он вернулся в 1940 году, женился на Татьяне Васильевой, сотруднице «Крокодила». По словам дочери, Татьяна была очень красива, «вылитая Любовь Орлова».

Всю войну Лагин трудился журналистом в составе Черноморского флота. Его военное звание — майор береговой службы. При этом были и медаль «За оборону Севастополя», и бои за Одессу, Николаев, Херсон... И... юмористический раздел «Рында» в газете «Красный Черноморец».

Младший брат Лазаря — Файвель — погиб на Курской дуге в 1943 году. Другой брат, Шевель, воевал до 1944 года, потом был отозван с фронта восстанавливать донбасские шахты.

После войны вернуться к мирной жизни не удалось: жена в 1946 году забрала дочь и ушла к пресс-атташе югославского посольства, хотела уехать за границу, но Лагин не выпускал дочь. Через какое-то время ее нового мужа расстреляли, а сама она снова вышла замуж — на этот раз за советского писателя Николая Вирту. Сам Лагин больше не женился. Дочь в 16 лет ушла жить к отцу и взяла с собой бабушку с материнской стороны.

Переиздавая в какой-то момент «Хоттабыча», автор внес в сказку

изменения, соответствующие политической ситуации: вместо заведующего хозяйством кустарной артели «Красный пух» Феоктиста Хапугина появился американский капиталист Вандендаллес; в одной редакции Хоттабыч превратил его в собаку, в другой — велел ему катиться, откуда приехал, и тот «укатился колбаской» в Америку через океан. А Волька превратился в неутомимого пропагандиста достижений Страны Советов.

по большей части идеологически выверенные. Например, в истории «Атавия Проксима» рассказывается о государстве-континенте Атавия, которое решило спровоцировать международный ядерный конфликт и свалить это на коммунистов. Один из исполнителей приказа забыл открыть шахты, и ракеты ушли в глубь земли, так что континент оказался оторван от Земли и заброшен на околоземную орбиту.

В 1938 году «Старика Хоттабыча» начал печатать журнал «Пионер», а последние главы вышли уже в газете «Пионерская правда». Слава мгновенно пришла к писателю. Когда же началась Великая Отечественная война, Лагин не остался в стороне, начал работать журналистом в составе Черноморского флота и получил звание — майор береговой службы. Были и медаль «За оборону Севастополя», и бои за Одессу, Николаев, Херсон, и... юмористический раздел «Рында» в газете «Красный Черноморец»

В те годы, по воспоминаниям дочери, мало кто мог чувствовать себя в безопасности — то были годы борьбы с космополитизмом. Мужа сестры Лагина сослали в Киргизию, сестру с дочерью «уплотнили», оставив им в квартире одну комнату из трех. Лазарь Иосифович старался сохранить свое положение, как только мог — для себя и семьи.

В 1949 году он перенес первый инсульт, но продолжал работать, в основном, писал памфлеты —

Последнее его крупное произведение — «Голубой человек», история о советском студенте, попавшем в 1894 год, где он встречается с Лениным. Соцреализм во всей своей полноте, не претендующий ни на толику юмора.

Лазарь Лагин умер в 1979 году после пятого инсульта. Мы помним его автором доброй сказки, где можно получить 22 мяча на футбольном поле или полный поднос эскимо в цирке... □

Бедная Анна

Кто такая Анастасия Ягужинская, знают не только читатели, интересующиеся историей, но и те, кто смотрел телесериал «Гардемарины, вперед!» А вот судьба ее матери, Анны Гавриловны Бестужевой-Рюминой, была не менее интересной и трагичной. Как получилось, что одна из блестящих красавиц царского двора XVIII века завершила свой жизненный путь в далекой Сибири?..

14 апреля 1751 года вдали от родины, в изгнании, скончалась одна из блестящих дам 18 века, статс-дама царского двора, графиня Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина, урожденная Головкина, в первом браке Ягужинская, одна из центральных фигур заговора «Ботта-Лопухиных».

«Она одна из самых приятных и образованных дам в России, говорит в совершенстве по-немецки и очень хорошо по-французски, принадлежит также к искуснейшим танцовщицам и, кажется, очень веселого характера», — говорили о Бестужевой в светских кругах.

Анна — одна из дочерей графа Гаврилы Ивановича Головкина и Домны Андреевны Дивовой. С детства

она находилась в семье, приближенной к царскому двору: дедушка Анны был двоюродным дядей царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I, а отец — государственным канцлером. Анна росла вместе с тремя братьями — Иваном, Александром, Михаилом, и двумя сестрами — Натальей и Анастасией.

Еще в юности она овладела французским и немецким языками, прекрасно танцевала. Но когда переболела оспой, лицо ее так и осталось испорченным страшной болезнью.

По тем временам Анна Гавриловна долго не могла выйти замуж. Тогда император Петр I вместе со своей супругой Екатериной посодействовали ее браку с генерал-прокурором

Сената Павлом Ягужинским, истинным европейцем, лютеранином. Граф сразу обратил внимание на Анну на одной из ассамблей. Испорченное оспой лицо не оттолкнуло его от этой приятной и образованной женщины. Он быстро оформил развод с первой женой, и они с Анной обвенчались. В этом браке родился сын Сергей и три дочери. Но сын умер, не успев жениться и оставить после себя наследников, так что род Ягужинских, столь блистательно начавшийся, пресекся.

Павел привык жить на широкую ногу: балы, ассамблеи, приемы. Анна всегда сопровождала его. Пара выглядела благополучно, но несколько странно. В свете Ягужинских уважали и боялись, особенно импульсивной Анны Гавриловны.

В 1736 году графиня стала вдовой. Павел Ягужинский умер от лихорадки и подагры.

Шесть лет спустя она вторично вышла замуж за Михаила Петровича Бестужева-Рюмина. Брак был не по любви, но взаимной склонности.

Никакие интриги при дворе не обходились без участия Бестужевой. Сначала мужу — прирожденному дипломату — удавалось оградить супругу от последствий ее авантюры. Но судьбу обмануть невозможно, Анну Гавриловну погубила слишком тесная дружба с первой красавицей при дворе Натальей Лопухиной: она оказалась в числе участников заговора против императрицы Елизаветы Петровны, вернее, стала жертвой дворцовых интриг.

Павел Ягужинский

Толкований об этом множество. По официальной исторической версии, этот заговор, во главе которого стояло семейство Лопухиных, был раскрыт летом 1743 года. Разговор пьяного подполковника Ивана Лопухина с поручиком Бергером о недовольстве правлением императрицы стал поводом для доноса в Тайную канцелярию. Его схватили и подвергли таким зверским пыткам, что он не выдержал и стал давать показания, оговорив многих невинных людей, в том числе, и свою мать — Наталью Федоровну. Упоминалась и семья Бестужевых-Ягужинских: «В Москве приезжал к матери моей маркиз Ботта, и после его отъезда мать пересказала мне слова Ботты, что он до

тех пор не успокоится, пока не поможет принцессе Анне. Ботта говорил, что и прусский король будет ему помогать, и он, Ботта, станет о том стараться. Те же слова пересказывала моя мать графине Анне Гавриловне Бестужевой, когда та была у нее с дочерью Настасьей». Эти показания сыграли на руку тайному советнику и интригану Лестоку, который давно уже строил козни против своего давнего врага вице-канцлера Бестужева. Увы, своей цели он до конца не добился: Бестужева к расследованию так и не привлекли, да и сама Анна Гавриловна ни словом не упомянула мужа на допросах.

Но есть и обычная тривиальная версия, когда простая женская зависть императрицы Елизаветы Петровны сыграла роковую роль для представительниц знатных дворянских родов. Наталью Федоровну Лопухину — первую красавицу во дворе — императрица не любила. В-первых, никто не может быть красивее Елизаветы, а во-вторых, Лопухи-

на вела себя вызывающе. У них уже была стычка. По этикету никто на балу не имел право надевать платье нового фасона, пока его не обновит сама императрица. Это же правило касалось прически. И вдруг Наталья Федоровна на балу, может, по глупости, а, вернее всего, из бравады, копируя Елизавету, украсила свою прическу розой. Елизавета прервала танцы, заставила Лопухину встать на колени и собственноручно срезала розу с ее головы вместе с прядью волос. После этого она закатила негоднице две увесистых пощечины. Лопухина от ужаса и неожиданности лишилась чувств. Когда ее уносили из зала, глядя ей вслед, Елизавета бросила: «Ништо ей дуре!» — и опять пошла танцевать.

Как гласила дворцовая молва, с этого конфуза началось хитросплетение мнимого заговора против новоявленной государыни Всея Руси, в которое была вовлечена и неблагонадежная сестра сосланного на Колыму Михаила Гавриловича Головкина — графиня Анна Бестужева-Рюмина, ближайшая подруга Лопухиной.

Все трое Лопухины и Анна были приговорены к смертной казни через повешение. Но накануне казни императрица поменяла свою волю и смягчила наказание. Во время экзекуции Анна отдала палачу свой нательный крест с бриллиантами, так что били ее несильно, хоть и прилюдно, и отрезали лишь маленький кончик языка. После этого Бестужеву сослали в Сибирь. Содержалась она в Спасском мужском монастыре как аре-

Слева:
*Михаил
Петрович
Бестужев-
Рюмин*

*Анна
Гавриловна*

стантка. Затем жила в доме, из окон которого была видна Богородицкая церковь. Говорят, графиня любила ходить в эту церковь и смотреть на нее из окна своей комнаты, а перед кончиной завещала похоронить ее в этом тихом местечке.

Умерла она в 1751 году, в возрасте примерно 50 лет. Похоронили графиню Бестужеву на церковном кладбище, расположенном вокруг Богородицкой церкви, в Залогe, даже не поставив на могилу креста. Теперь от нее не осталось и следа — поверх старых могил стоят жилые дома и проходят дороги...

Вот так закончилась печальная жизнь одной из самых ярких пред-

ставительниц дворянского рода и царского двора, от которой не осталось даже могилки...

P.S.: Что же касается ее мужа, Бестужев не долго горевал и женился на своей давней любовнице австрийке Иоганне-Генриетте-Луизе фон Карловиц, женщине со скверным характером. Ее дети тут же отреклись от матери, опасаясь гнева императрицы.

Спустя 20 лет после вынесения того страшного приговора по «Лопухинскому делу» Петр III издал приказ, позволявший оставшимся в живых ссыльным вернуться в Петербург. Увы, Анна Гавриловна Бестужева до этого дня не дожила... □

Господин, товарищ, нужный человек

**Начало двадцатого века.
Российская империя.
Санкт-Петербург**

Заслышав шаги возле двери, мальчишка поспешно выключил фонарик, сунул книжку под подушку и укрылся с головой. Спустя минуту в детскую вошла мать. Подобрала оброненный фонарь и прошептала: «Негодный мальчишка! Ну что с ним делать? Ведь испортит же глаза этаким чтением». Поправила одеяло, прислушалась к ровному дыханию сына и тихонько, чтобы не потревожить сон, вышла. А Вячеславу в это время снилась его будущая редакция. Толпа рекламодателей, перебивая друг друга, уговаривали владельца опубликовать в журнале «Роскошная жизнь» фотографии и описание именно их усадьбы и дома....

Вступив во взрослую жизнь, юный Вячеслав Клымов с азартом принялся за осуществление мечты. Искал спонсоров для будущего

журнала. Убеждал, что никто из состоятельных людей не откажется от покупки пары-тройки десятков экземпляров издания, в котором подробно описаны их роскошные хоромы, опубликованы фотографии особняков, комнат и каминов, сделанные лучшими специалистами.

Не сразу, но дело пошло. Журнал стал популярным в высшем обществе. Немалую роль в этом сыграла реклама автомобилей. Богатые люди начала прошлого века желали побыстрее обзавестись собственной дорогостоящей «игрушкой». Не стали исключением и члены царской фамилии. Главный редактор «Роскошной жизни» был вхож в дом великого князя Андрея Владимировича. Того самого, женатого на легендарной Матильде Кшесинской.

1914 год. Петроград

— Отдаю должное вашему безупречному вкусу. — Вячеслав Клымов подошел к окну и рассматри-

вал на свет рюмку, наполненную дорогим французским коньяком.

— Подарок от союзников. Презент. Сейчас готовим отряд наших славных воинов для отправки во Францию. Будут сражаться там бок о бок с тамошними «красноштанниками», — ответил великий князь Романов и ткнул пальцем в бутылку «Камю».

— Позвольте мне, гражданскому человеку, высказаться на тему наших неудач на фронте. Так сказать, взгляд со стороны.

Князь сделал глоток и, поставив рюмку на подоконник, кивнул:

— Валяйте! Это даже интересно.

— Враги передвигаются сплошь на мотоциклах и автомобилях. Наша же армия по старинке тащит пушки и пулеметы на убогих лошадаках, реквизированных, по случаю войны, в близлежащих деревушках. Войску катастрофически не хватает грузовиков. И я могу незамедлительно договориться об их поставке в нужном количестве прямым из Североамериканских штатов.

— О как! Вот уж не думал, что господина Клымова интересует что-то, не касаемое издательской деятельности. — На лице гостя появилось обидное выражение.

— Я, как и вы, князь, патриот, и желаю скорейшей победы русскому оружию.

— Ну полноте! — перебил его князь и добавил: — Непременно поговорю с министрами. Уверю,

ваше предложение не залежится в долгом ящике...

Просьбу великого князя трудно не выполнить. Грузовые автомобили действительно были в русской армии в дефиците. Но Клымов не подкачал. В Америке смог добиться того, чтобы крупный заказ для воюющей России был исполнен в первую очередь. Транспортные суда направились в сторону Владивостока, однако коммерсант не последовал за ними. Остался за океаном и продолжил сотрудничество с автомобильной корпорацией.

Январь 1917 года. США. Детройт, штат Мичиган. Офис главы автомобильного концерна

— Вы — коммерсант, я — тоже. Ваши заводы изготавливают превосходную продукцию, а я нахожу надежных и платежеспособных покупателей. Согласитесь, мы нужны друг другу. Но... как и труд любого человека, мои потуги должны быть достойно вознаграждены.

— Вячеслав Парамонович, не тратьте время. Назовите сумму.

— Семьсот пятьдесят тысяч долларов.

— Однако! Никто в североамериканских штатах не получал такой гонорар за банальное посредничество. Вы, сударь, — нахал!

— В таком случае сами назовите сумму, в которую оцениваете

мой труд! — горячился посетитель.

— Двести пятьдесят тысяч! И ни цента больше!

— Это унижительно, но я согласен, так как надеюсь на долговременное сотрудничество с вашей фирмой. Деньги прошу перевести не в Россию, а в надежный швейцарский банк.

— Как скажете. Но Российская империя все еще воюет с Германией. Предлагаю означенную сумму депонировать здесь, в качестве задатка по новому контракту. Или вы не собираетесь возвращаться на родину? — Хозяин кабинета пристально посмотрел в глаза гостя, ища там ответа на вопрос.

— В Петрограде банальный рябчик в ресторане за годы войны подорожал как минимум вдвое. А в Альпийской республике цены не изменились ни на фунт. Над предложением я подумаю. Позже. А сейчас разрешите откланяться. Дела ждут. — Вячеслав Парамонович поднялся с места и попрощался с главой концерна.

В революционную Россию удачливый предприниматель не вернулся. Осел в поверженной Германии. Купил в окрестностях Берлина особнячок с садом. Женился на секретарше, красавице Бетте, и занялся любимым издательским делом. Печатал других и публиковал книги собственного сочинения. Стал популярным автором, правда, в соседней стране, во Франции.

Эмигранты из России с удовольствием покупали или брали в знаменитой Парижской Тургеневской библиотеке его книги.

Жизнь удалась. Но Клымову хотелось большего. Предпринимательская жилка никак не желала оставить его в покое.

Двадцатые годы прошлого века. Берлин. Офис большой кредитной организации.

— Гер Клымов, если я не ошибаюсь, руководитель советского банка, господин Ройзенман, не только ваш соотечественник, но и хороший знакомый. — Управляющий был сама любезность.

— Допустим, — неохотно ответил Вячеслав Парамонович.

— До вас, наверное, тоже доходят слухи, что нынешнее руководство России регулярно приобретает в Европейских странах товары и оборудование в кредит. И набрало уже столько, что, вероятно, не сможет рассчитаться по векселям.

— Подобные слухи распространяют эмигранты. Насколько мне известно, Советы вполне платежеспособны.

— Отвечаете за эти слова? Ваш знакомый взял у нас кредит. Причем весьма солидный...

В голове Клымова одна мысль сменяла другую.

— Советам меньше всего нужны международные скандалы. Им

архиважно устанавливать дипотношения со странами Европы и Америки. Значит, последнее продадут, но по векселям расплатятся. Конечно, положение моей бывшей родины отчаянное, полностью согласен. Но я готов оказать помощь Германии, милостиво приютившей меня в трудное время, — вслух произнес он.

— Каким образом?

— Выкуплю их векселя. — Клымов неожиданно наклонился к уху директора и прошептал: — Но с дисконтом. Я же рискую, причем очень. Предлагаю тридцать процентов от номинала.

«Грабеж среди бела дня, — размышлял управляющий. — Отказать, и немедленно! А вдруг этого Ройзенмана снимут с должности и отправят в Сибирь, на лесоповал? Или того хуже — расстреляют. Что тогда?» Вслух же он произнес:

— Этот вопрос я один не решаю. Такое в компетенции только Совета директоров.

И все же через неделю сделка состоялась. А через полгода Министерство финансов Советского Союза выполнило принятые на себя обязательства, и Клымов из богатого человека превратился в более чем состоятельного.

Двенадцать лет спустя

— Дорогой сосед, — солидный бургер в новом, с иголки, мун-

дире со свастикой на груди подлил Клымову шнапса. — Мы с вами жили душа в душу больше десятка лет. А посему я предлагаю похорошему продать мне это жилище. — Он обвел руками просторную гостиную большой виллы.

— Не понял? — резко отодвинул от себя рюмку Вячеслав Парамонович. — С какой стати?

— А с такой, что к власти пришли мы. Люди из народа. Если на вашей бывшей родине солдаты и матросы такие хоромы банально экспроприируют, то фюреру не грех позаимствовать их опыт.

— Это вы из народа? — возмутился Клымов. — Позволю себе напомнить, что соседний особнячок размерами никак не уступает этому.

— Согласен. Но у меня жена — чистокровная арийка, а не еврейка, как ваша! Следовательно...

— Понял, — перебил его Клымов. — Но у меня большое хозяйство. Куры, хрюшки, обстановка, посуда, книги...

— С этим помогу. По-соседски, — сказал гость и опрокинул в себя стопку шнапса. — Выбью вагон. Отправитесь с комфортом. Это барахло великому Рейху без надобности. Только не возвращайтесь в Советский Союз. Отберут подчистую. Прямо на вокзале. Ха-ха! Там с этим гораздо строже, чем в Германии. Все народное. Никакой частной собственности на лопаты и грабли. Ха-ха!

В отдельном товарном вагоне, готовящемся к отправке в Париж, кудахтали куры, хрюкали свиньи, гоготали гуси. Каждая особь — в отдельной добротной клетке.

— До чего же жадный этот русский! — переговаривались между собой вокзальные носильщики. — Хорошо, хоть помет не вывозит.

Тут к ним подошел Клымов, и разговор смолк.

— Получите причитающиеся, — протянул бригадир пачку купюр Вячеслав Парамонович. — Сдачи не надо. Это на выпивку и за труд. — И, не оборачиваясь, поспешил к роскошному автомобилю, из багажника которого также доносилось разноголосое кудахтанье...

Франция. Городок Шату. Близ Парижа

— Не думала, что буду жить в покоех, ранее принадлежавших самой Мате Хари и Максу Линдере. — Бетта подошла к окну и смотрела на протекающую неподалеку Сену.

— Дорогая, оставь, пожалуйста, лирику. Достань побыстрее из походной сумки слабительное и скорми лекарство нашей живности. Сейчас самое время...

А уже вечером чета Клымовых любовалась бриллиантами, рубинами и изумрудами, благополучно миновавшими строгую немецкую таможеню в желудках домашних животных и птиц.

В Шату зачастили эмигранты. Хлебосольный Вячеслав Парамонович с супругой принимали всех. Усаживали за стол, обильно, по-русски, угощали. Но итог этих посиделок был одинаков.

— Денег не дам. Все в деле. Бизнес — как бездонная бочка, сколько ни вкладывай, все мало...

Осень 1945 года. Франция, Париж. Советская миссия

На стол генерала дежурный офицер положил толстую папку и сказал:

— Список эмигрантов. Как вы просили. Подлежат депортации и суду на территории СССР. Обратите внимание на вот эту фамилию — я ее специально подчеркнул.

Хозяин кабинета прочел и тут же попросил устроить связь с Москвой.

— Так точно. Понял. Есть, оставить в покое, — говорил в трубку генерал, машинально вставая и приняв стойку «смирно». — Да, оказывал финансовую и иную помощь Советскому Союзу! Конечно, полное содействие, если обратится...

Вячеслав Парамонович Клымов не обратился. Продал бизнес, почти ослеп. Сказалась давнишняя привычка детства читать с фонариком под одеялом. Прожил девяносто лет и нашел упокоение на русской части местного французского кладбища. □

Юрий Осипов

«Лунный Пьеро»

Вспоминает Константин Паустовский: «Однажды в литературно-артистическом обществе пел Вертинский... Я помнил его еще гимназистом, молодым поэтом, писавшим изысканные стихи... В тот вечер канонада заметно приблизилась... От нее звенели бокалы на столиках. Но за столиками курили, чокались, спорили и смеялись... На эстраду вышел Вертинский в черном фраке. Он был высок, сухощав и непомерно бледен. Все стихло. Официанты перестали разносить на подносах кофе, вино и закуски и остановились, выстроившись в шеренгу, в глубине зала.

Вертинский сцепил тонкие пальцы, страдальчески вытянул их вниз и запел. Он пел о юнкерах, убитых незадолго до этого под Киевом...

*Я не знаю, зачем и кому это нужно?
Кто послал их на смерть недрожащей
рукой?*

Песня была о похоронах юнкеров. Вертинский закончил ее словами:

*Осторожные зрители молча
кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным
лицом*

*Целовала покойника в посиневшие
губы*

*И швырнула в священника обру-
чальным кольцом.*

...Загремели аплодисменты. Вертинский поклонился. Пьяный офицер, сидевший за дальним столиком, тупо крикнул: «Пой «Боже царя храни!». Поднялся шум. Худой старик, с острой трясущейся бородкой, в пенсне и блестящем от старости пиджаке, бросился к офицеру... Он начал стучать по мраморному столику офицера маленькими худыми кулаками и кри-

в вечернем платье вскрикнула и закрыла ладонями лицо.

Вертинский сильно ударил по клавишам и поднял руку. Сразу все стихло. «Господа! — произнес он ясно и надменно. — Это просто бездарно». Он повернулся и медленно ушел со сцены»...

Русский и советский эстрадный артист, бард, композитор, поэт и киноактер, кумир отечественной и за-

.....
Первая известность пришла к Вертинскому не на сценическом, а на литературном поприще. Он писал рецензии на выступления знаменитостей, таких, как Шаляпин, исполнительница романсов Вяльцева, итальянский тенор Ансельми, оперный певец Руффо, обладавший выдающимся баритоном, и другие. А когда началась Первая мировая война, он без раздумий ушел добровольцем на фронт — работать санитаром. Он сделал десятки тысяч перевязок раненым и разыгрывал перед ними вместе с другими санитарями концертные номера. Тогда же он впервые стал называть себя «Брат-Пьеро» и накладывать на лицо фирменную грим-маску. Так родился неподражаемый шансонье Александр Вертинский. В маске и костюме грустного Пьеро — Белого клоуна, ставшего со временем Черным.

чать, брызгая слюной: «Гвардейская нечисть! Как вы смеете оскорблять людей свободной России! Вам место на фронте против большевиков, а не здесь! Ресторанный шаркун!»

Все вскочили. Худой старик рвался в драку с офицером, но его схватили за руки и оттащили. Офицер налился черной кровью, медленно встал, отшвырнул из-под него стул и схватил за горлышко бутылку. Офицеры бросились к нему. Женщина

рубежной публики первой половины минувшего века Александр Николаевич Вертинский родился в марте 1889 года в Киеве в семье присяжного поверенного Николая Петровича Вертинского и дворянки Евгении Степановны Сколацкой.

«Мать моя — самая нежная и кроткая из всех четырех сестер и самая юная — пролила много слез, расплачиваясь за свою первую и последнюю любовь, — писал Вертинский в автобиографической кни-

ге «Дорогой длиною». — Она была изгнана из семьи, родители не признавали ни ее, ни ее незаконного мужа».

Жениться на ней Николай Петрович не мог, поскольку первая жена не давала ему развода, и собственных детей он условно «усыновил» лишь годы спустя.

Детство будущего артиста было трудным. Когда мальчику исполнилось три года, умерла мать. А через два года от скоротечной чахотки скончался отец. Дети, брат с сестрой, воспитывались в двух семьях родственников покойной матери. Причем мальчика уверяли, что сестра мертва, и то же самое говорили девочке о брате... Позднее они совершенно случайно встретились и очень сблизились.

В девятилетнем возрасте Саша отлично сдал вступительный экзамен в престижную Первую киевскую гимназию, но через два года был исключен за неуспеваемость и дурное поведение. Тетка, у которой он жил, перевела его в гимназию попроще и наказывала за плохие отметки. Упрямый подросток отвечал на это чтением книг отнюдь не из школьной программы, а кроме того, подделывал в дневнике оценки и начал подворовывать... В конце концов его исключили из 5-го класса и этой гимназии, а затем выгнали из дома. Такой суровый поворот судьбы определил жизненный путь Вертинского. Он стал подрабатывать артистом в русском драматическом

театре Соловцова, с детства питая любовь к сцене, хотя позже признавал свой первый актерский опыт крайне неудачным.

Артистическая среда обогрела его. «Почти всем нам было одинаково плохо. Мы делились друг с другом всем, что у нас было, и жили как-то сообща», — вспоминал впоследствии Александр Николаевич. Однако первая известность пришла к нему не на сценическом, а на литературном поприще. Вертинский писал рецензии на выступления знаменитостей, таких, как Шаляпин, исполнительница русских и цыганских романсов Вяльцева, опереточный бас Вавич, прославившийся затем исполнением ролей второго плана в голливудских фильмах, итальянский оперный тенор Ансельми и его соотечественник Руффо, обладавший выдающимся баритоном.

В местных газетах и еженедельниках появлялись «декадентские» рассказы молодого артиста. И все же на жизнь себе он зарабатывал, прежде всего, продавая открытки, трудясь грузчиком, корректором в типографии и даже одно время бухгалтером в киевской гостинице «Европейская», откуда был благополучно уволен за «неспособность».

Решающую же роль в судьбе Вертинского сыграла Софья Зелинская, преподавательница той самой Александровской гимназии, из которой он был исключен. Она выступала хозяйкой популярного в городе литературного салона, где бывали

художники Малевич, Шагал, Альтман, философ Бердяев. Зелинская, впоследствии вышедшая замуж за брата Луначарского, опекала молодые дарования и познакомила Александра с этими ярчайшими талантами, привила ему вкус к настоящей литературе.

Наверное благодаря встречам в салоне Зелинской будущий мэтр музыкальной эстрады решил попытаться счастья в Москве и в 1913 году отправился покорять Первопрестольную.

Он приехал в «город своих надежд», мечтая покорить весь мир, и грезил театральной сценой. Но во МХАТ Вертинского, к сожалению, не приняли Станиславский и Немирович-Данченко из-за сильного грассирования. Это не смутило молодого дебютанта, и он устроился сначала «за борщи — котлеты» в Театр миниатюр, которым руководила Мария Арцыбушева. Там Вертинский с успехом развлекал публику пародиями и короткими рассказами. В одной из газетных рецензий его называли «остроумным и жеманным».

Тогда же начинающий артист попробовал сниматься в фильмах у одного из зачинателей отечественной киноиндустрии, а в недавнем прошлом есаула Войска Донского, А. Ханжонкова. На съемках Вертинский познакомился со звездой российского немого кинематографа Иваном Мозжухиным и дружил с ним долгие годы.

В Москве Александр нашел, наконец, родную сестру, увидев од-

нажды ее фамилию в составе труппы театра Сабурова, и наудачу написал ей письмо. Произошла трогательная встреча, и вскоре сестра и брат поселились вместе на съемной квартире в Козицком переулке.

Александр Николаевич с головой окунулся в культурную жизнь, свел знакомство с писателями и поэтами, часто выступал с чтением своих стихов в разных литературных кружках, посещая при этом вольнослушателем лекции в Московском университете.

О поэзии Блока, во многом повлиявшей на его мировоззрение, Вертинский писал позже как о «стихии, формирующей наш мир». Он не подражал Блоку, но, подобно многим представителям творческой богемы тех лет, находился под глубоким впечатлением от его поэтических образов, в особенности — образа «Прекрасной Дамы», и тогдашнее свое восприятие жизни называл «очень блоковским».

В 1914 году Вертинский без раздумий ушел добровольцем на фронт — санитаром. За то время, что его санитарный поезд курсировал между Москвой и передним краем фронта, он сделал десятки тысяч перевязок раненым и разыгрывал перед ними вместе с другими санитарями концертные номера. Тогда же Александр Николаевич впервые стал называть себя «брат-Пьеро» и накладывать на лицо свою фирменную грим-маску. Когда артист вернулся в Москву, то в образе Пьеро дебютировал в арцыбу-

шевском театре, исполняя на бис изысканные «арии» — небольшие музыкальные арии собственного сочинения. Так родился неподражаемый бард и шансонье Александр Вертинский. В маске и костюме инфантильного и грустного Пьеро — Белого клоуна, ставшего затем Черным.

В конце 1917-го года Вертинский поехал на гастроли по городам юга России, где провел почти два года гражданской войны, сменив цирковой костюм Пьеро на фрак. В Харькове близко сошелся с актрисой

ного не сделала. Я был приверженцем какого-либо другого строя? Тоже нет. Очевидно, то была страсть к приключениям, путешествиям. Юношеская беспечность».

Константинополь в 1920-м быстро «русифицировался». Сюда перебрались многие белогвардейские офицеры, аристократы, художники, поэты. Все они расценивали свое эмигрантское положение как временное, надеясь вскоре победно вернуться домой. А пока открывали в городе на Босфоре аптеки, врачебные кабинеты, булочные и даже увесели-

.....

Ш аг за шагом у Вертинского вырабатывался свой особый исполнительский стиль: певучий речитатив, томный надлом, задушевная мелодия, действовавшие на слушателей поистине гипнотически. Он создал на эстраде проникновенный образ печального и мудрого шута, в чем-то наивного и не чуждого благородства

Валентиной Саниной, впоследствии культовым дизайнером моды в Нью-Йорке, выступал в Одессе. Последним городом его жизни на родине перед эмиграцией оказался Севастополь. Оттуда в ноябре 1920-го вместе с остатками армии Врангеля Александр Николаевич переправился в Константинополь и снова начал давать концерты по разным кабаре.

Много лет спустя о причинах своей эмиграции Вертинский писал: «Что толкнуло меня на это? Я ненавидел Советскую власть? О, нет! Советская власть мне ничего дур-

тельные заведения (вспомним пройдоху Артура с его таракаными бегами из булгаковской пьесы «Бег»).

Постепенно становилось понятно, что «победное» возвращение на Родину откладывается. К тому же турецкое правительство ужесточило правила проживания для эмигрантов. Купив на черном рынке греческий паспорт, который обеспечивал ему свободу передвижения, Вертинский уехал в Румынию и выступал там в дешевых ночных клубах, гастролировал по Бессарабии перед русскоязычной публикой. По словам

певца, именно тогда эмиграция превратила его из капризного артиста в трудягу, тяжело зарабатывающего себе на хлеб насущный и кров.

Шаг за шагом у Вертинского вырабатывался свой особый исполнительский стиль: певучий речитатив с обыгрыванием грассирования, томный надлом, задушевная мелодия, действовавшие на слушателей поистине гипнотически. Да и сам образ Пьеро у Вертинского был совершенно не таким, каким привыкла видеть его публика в комедиях дель арте или у известного французского мима Дебюро — слуга-буффон, либо комичный отвергнутый влюбленный. Нет, русский шансонье создал на эстраде проникновенный образ печального и мудрого шута, в чем-то наивного, но не чуждого подлинно-

му благородству, хоть и витающего в облаках.

Вскоре по доносу некой кишиневской актрисы, в чьем бенефисе Вертинский отказался участвовать, его обвинили в разжигании антирумынских настроений (за невероятно популярную песню «В степи молдавской»), а также в шпионаже в пользу СССР и выслали, причем не куда-нибудь, а в столицу Румынии Бухарест.

После Румынии в пестрых гастрольных скитаниях русского артиста была Польша, оказавшая ему в 1923 году прекрасный прием. Туда он переехал уже со своим импресарио и в Сопоте женился на богатой еврейской девушке Раисе Потоцкой, сменившей после замужества имя и фамилию на Ирену Вертидас (в 30-м этот брак фактически распался). И, наконец, в Варшаве Александр Николаевич обратился в советское консульство в просьбой разрешить ему вернуться в Россию. Положительная резолюция на его прошении советского посла Войкова не помогла — в первой просьбе Вертинскому было отказано.

Впереди его ждал эмигрантский Париж. Но до этого превратности судьбы бездомного скитальца вынудили Вертинского как «неблагонадежного элемента» накануне визита в Польшу румынского короля переехать в Германию и на время поселиться в так называемой «литературной столице» русской эмиграции — Берлине.

В Берлине в те годы, до прихода к власти нацистов, жили, работали и публиковали свои произведения Горький, А. Толстой, Пастернак, А. Белый, Ходасевич, Набоков, Ремизов, Шкловский... В эту послереволюционную интеллектуальную российскую диаспору вписался и Александр Вертинский, который, в то же время, с успехом начал гастролировать по европейским странам, продолжал сниматься в кино и выпускать сборники стихов.

Сменявшиеся города гастрольных турне поэтически преобразованными входили в песенные миниатюры Вертинского. Так рождались «В бананово-лимонном Сингапуре...», «...А где-то там, в притонах Сан-Франциско лиловый негр вам подает мантию» и «... Тут шумят чужие города, И чужая плещется вода, И чужая светится звезда... И чужая радость и беда. Здесь живут чужие господа. И мы для них чужие навсегда!...»

К середине 20-х годов относится второе обращение Вертинского с просьбой разрешить ему возвратиться в Россию, адресованное главе советской делегации в Берлине А.Луначарскому. И вновь просьба артиста была встречена отказом. Ему оставались «чужие города», и, отложив пока мечты о возвращении домой, в 1925 году он уехал в давно манивший его Париж, где обрел вторую родину.

Продолжая активную концертную деятельность, Александр Николаевич позднее написал: «Моя Франция — это один Париж, зато один

Париж — это вся Франция». Нигде за границей русские не чувствовали себя так легко и свободно... Да, Париж... это родина моего духа!» Годы, проведенные в Париже, считаются расцветом творческой деятельности Александра Вертинского. Здесь он создал одни из лучших своих песенных произведений: «В синем и далеком океане», «Мадам, уже падают листья», «Дни бегут», «Танго «Магнолия», «Песенка о моей жене», «Марлен», «Сумасшедший шарманщик» и ряд других.

Вертинский выступал в дорогих ресторанах: «Казбеке» на Монмартре, «Большом Московском Эрмитаже», «Казанове», «Шахерезаде», где, по его словам, он прошел «большую и страшную школу кабака». Там друзьями и знакомыми «русского Пьеро» сделались представители династии Романовых, европейские монархи, кумиры киноэкрана, такие, как Чарли Чаплин, Марлен Дитрих, Грета Гарбо.

Великую русскую балерину Анну Павлову он учил танцевать танго. Со знаменитым танцовщиком Сергеем Лифарем пел цыганские романсы. С князем Юсуповым беседовал о политике и жизни за рубежом... Богемный «русский Париж» скрашивал ему жизнь на чужбине. «После Парижа трудно восхищаться каким-либо другим городом», — замечал Вертинский, оказавшись в 1934 году в США.

Он плыл в Америку на трансатлантическом лайнере «Лафайет», со-

вершив до этого гастрольное турне по Ливану и Палестине, где его тоже принимали очень тепло. В Иерусалиме Вертинскому восторженно аплодировала семитысячная аудитория. Посреди холодных океанских просторов он с грустью вспоминал этот шумный успех на экзотической восточной земле, тосковал по России и сочинил свою культовую песню «О нас и о Родине», которая получила скандальную известность и которую не раз, даже спустя годы, пытались

тинского написал друг Маяковского, поэт и художник, вдохновитель русского футуризма Давид Бурлюк.

Примечательно, что к песенному творчеству Вертинского неподдельный интерес проявляла не только русскоязычная, но местная публика, в том числе, крупные деятели искусства. Так было в Европе, так произошло и в США. На первом же концерте русского артиста в престижном «Таун-холле» присутствовали Марлен Дитрих, прославленный хорео-

.....

Александр Николаевич неоднократно обращался в советские представительства с просьбой разрешить ему с семьей вернуться на родину. Увы, бюрократические процедуры тянулись очень долго и были прерваны Второй мировой войной. Отчаявшийся Вертинский, желая разделить со своим народом выпавшие на его долю испытания, написал на имя министра иностранных дел Молотова очередное письмо с ходатайством о возвращении в Россию. Наконец разрешение было получено, и Вертинский с женой и трехмесячной дочкой прибыли в Москву. Начиналась последняя глава жизни замечательного русского артиста...

освистать на концертах различные темные личности из реакционно настроенных кругов русской эмиграции.

Иные представители российской диаспоры за рубежом, цвет и гордость отечественной культуры, собрались на первом концерте Вертинского в Нью-Йорке: Шаляпин, Рахманинов, популярнейший конфетансье, актер, режиссер и основатель легендарного петербургского кабаре «Летучая мышь» Никита Баглиев. Рецензию на выступление Вер-

граф Джордж Баланчин, великий джазмен Бинг Кросби, один из ведущих американских кинорежиссеров Рубен Мамулян.

Кстати говоря, после завершившей этот концерт песни «О нас и о Родине» зал разразился овацией, которая, как скромно отметил Вертинский, «относилась не ко мне, а к моей Родине».

К этому времени репертуар артиста изменился. Вместо прямих, романтических сюжетов, исполненных

надрывных страстей и театральных персонажей, пришли простые человеческие чувства и характеры, будничные людские переживания и чаяния. В тридцатые годы Вертинский впервые попробовал сочинять свои песни на стихи советских поэтов...

В Голливуде Александру Николаевичу предложили сняться в фильме на английском языке, однако, питая к этому языку стойкую неприязнь, он отказался, несмотря на уговоры Марлен Дитрих, у которой он даже гостил на роскошной вилле в Беверли-Хиллз и которой посвятил в итоге яркую песенку «Марлен».

Беспокойная судьба в 1935 году забросила Вертинского в Маньчжурию. Сначала он жил в Харбине и давал концерты, а оттуда перебрался в Шанхай, где образовалась большая русская колония эмигрантов первой волны. Там Александр Николаевич не только провел последние годы эмиграции, но и встретил свою вторую жену, грузинку Лидию Циргагву, двадцатилетнюю дочь служащего на КВЖД. Вертинский был старше ее на 34 года, но это не стало помехой их глубокой любви. Лидия Николаевна оставалась с Вертинским до конца его жизни. А в Шанхае она вскоре родила ему первую дочь, Марианну.

Чтобы прокормить семью, пожилой уже артист давал по два концерта в день, однако денег все равно не хватало. Выступления в кабаре «Ренессанс» в летнем саду «Аркадия» и в кафешантане «Мари-

Роуз» больших гонораров не приносили. А после вторжения японских войск в Китай в 1937 году материальное положение Вертинского еще более ухудшилось. Во время оккупации Шанхая упал импорт жизненно необходимых товаров. Японцы не снабжали эмигрантов медикаментами, и даже таблетку аспирина достать тогда было целой проблемой. Лидия Владимировна вспоминала, что перед каждым выступлением Вертинский выкупал свой концертный фрак из ломбарда и снова закладывал его после окончания концерта.

И это притом, что русские в Шанхае Вертинского знали и любили, пластинки с его песнями пользовались большим спросом. В СССР же записи песен Вертинского запрещены не были, но считались предосудительными как свидетельство антисоветских настроений. Натороженным было отношение властей Советского Союза и к самому артисту, хотя в Шанхае он сотрудничал с Клубом друзей СССР, выступал на радиостанции ТАСС «Голос Родины», печатался в просоветской газете «Новая жизнь», которая начала издаваться в Шанхае на следующий день после нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Во второй половине тридцатых Александр Николаевич вновь неоднократно обращался в советские представительства с просьбой разрешить ему с семьей вернуться на родину. В 1937-м его пригласили

в советское посольство и даже вручили «официальное приглашение ВЦИК, вдохновленное инициативой комсомола». (Такая вот чудная формулировочка.) Увы, бюрократические процедуры с оформлением документов на въезд в СССР тянулись очень долго и в результате были прерваны начавшейся в 1939 году Второй мировой войной.

Отчаявшийся Вертинский, желая разделить со своим народом выпавшие на его долю тяжкие испытания, написал в 1943-м на имя министра иностранных дел В.Молотова письмо с очередным ходатайством о возвращении в Россию. Разрешение (говорят, непосредственно с подачи Сталина) было, наконец, получено. Тогда же позволили вернуться из эмиграции и некоторым другим видным деятелям отечественной культуры.

И вот в ноябре переломного в Великой Отечественной войне года Александр Николаевич, его молодая жена и трехмесячная дочь прибыли в Москву, вскоре после победных салютов в честь освобождения Орла и Белгорода. Начиналась последняя глава жизни замечательного русского артиста.

Поначалу его с семьей поселили в гостинице «Метрополь», а затем дали квартиру на улице Горького (нынешняя Тверская), напротив Центрального телеграфа. Год спустя родилась вторая дочь, Анастасия. В них обеих Александр Николаевич души не чаял и посвятил им едва ли

не самую трогательную свою песню «Доченьки» («У меня завелись ангелята, Завелись среди белого дня...»)

На фронтах, которые он объездил с концертами, Вертинский исполнял патриотические песни — как советских авторов, так и собственного сочинения («О нас и о Родине», «В снегах России», «Китеж» и многие другие). Несмотря на счастливый брак, его любовная лирика продолжала нести оттенок трагизма и печали — таков уж был фирменный стиль артиста. И он во все времена находил отклик в зрительских сердцах.

После войны Александр Николаевич, чтобы заработать на жизнь, буквально не вылезал из гастролей, давая по 24 концерта в месяц по всей стране. Причем выступал не только в театрах и концертных залах, но на заводах, в шахтах, госпиталях. О какой уж тут «элитарности» может идти речь! По воспоминаниям дочери Марианны, он говорил о себе: «У меня нет ничего кроме мирового имени».

Его творческая судьба в Союзе складывалась нелегко. Из ста с лишним песен в репертуаре Вертинского к исполнению в СССР власти допустили не более 30; и на каждом концерте в зале сидел цензор, бдительно следивший за тем, чтобы артист не спел чего-нибудь лишнего... В Москве же и в Ленинграде выступления Вертинского были редкостью. На радио его не приглашали,

пластинок почти не издавали, рецензии в прессе не появлялись. И все это, несмотря на огромную популярность русского шансонье. Более того, в газетах и журналах была развернута идеологическая кампания против лирических песен, якобы уводивших слушателей от задач социалистического строительства. Имени Вертинского при этом не называлось, но все понимали, что имелся в виду именно он. Официоз

хранил о его триумфальных концертах ледяное молчание. Выдающегося артиста как бы не существовало.

За год до смерти Александр Николаевич отправил замминистру культуры письмо следующего содержания: «Где-то наверху делают вид, что я не вернулся, что меня нет в стране... А между тем, я есть! Меня любит народ (Простите мне эту смелость). Я уже по 4-му и 5-му разу

объехал нашу страну, я заканчиваю третью тысячу концертов...»

Помимо концертов Вертинского выручали еще эпизодические съемки в кино. Серьезных ролей ему не доставалось, режиссеры эксплуатировали в основном его характерную внешность и изысканные манеры. Наиболее впечатляюще и то, и другое он продемонстрировал в утрированном образе Князя из фильма 1954 года «Анна на шее» по одноименному рассказу Чехова. За роль кардинала Бирнча в картине Михаила Калатозова «Заговор обреченных» (1950) Вертинский получил свою единственную советскую награду — Сталинскую премию. Довелось ему также сыграть... венецианского дожа в совместной советско-албанской исторической ленте «Великий воин Албании Скандербег» (1953). Жаль, конечно, что Вертинский не имел возможности попробовать себя на экране в чем-то более значительном.

...Его последний концерт прошел 21 мая 1957 года в ленинградском Доме ветеранов сцены. В тот же день он скончался в гостинице «Астория» от острой сердечной недостаточности на 69-м году жизни и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Память о нем не померкла. Именем Вертинского астроном крымской обсерватории назвала открытый ею астероид. Фирма «Мелодия» выпустила пластинки с записями песен Александра Николаевича. С на-

чала 90-х годов чередой начали сниматься документальные телефильмы и передачи о жизни и творчестве этого уникального артиста — исполнителя авторских песен. А в 2021 году на Первом канале вышел достойный его имени телесериал «Вертинский» (автор сценария и режиссер А. Смирнова).

*В вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевом электрическом раю,
Всю ночь ломаю руки
От ярости и муки
И людям что-то жалобно пою.*

.....
*А когда наступит утро, я бреду
бульваром сонным...
Я усталый, старый клоун, я машу
мечом картонным,
И в лучах моей короны умирает
светоч дня.*

«Желтый ангел» (1934 г.)

Вертинский сохранил нарочито томную, с искренним надрывом доверительно-проникновенную манеру исполнения своих романтических и лирико-ностальгических песен, явившихся как бы из минувшей эпохи, и превратил их в своеобразные раритеты, которыми невозможно не любоваться. Такова была негласная договоренность со зрителями, игра в стилизацию, отвечавшую, тем не менее, критериям истинного артистизма. И она, эта стилизация, волновала. И продолжает волновать нас сегодня. □

Андрей Жемчужный

**«Приходите в наш театр,
и вы не пожалеете!»**

В 1930 году в Москве была открыта студия цыганского театра, а в 1931-м ее преобразовали в театр «Ромэн». С 1937 по 1941 годы знаменитый актер МХАТа Михаил Михайлович Яншин, на тот момент муж актрисы Ляли Черной, был во главе труппы и обучал актеров мхатовскому мастерству. В те годы театр пользовался огромным успехом.

В 1977 году замечательный артист и певец Николай Сличенко стал главным режиссером и художественным руководителем театра «Ромэн», его легендарное имя навсегда осталось в памяти зрителей.

Театр всегда славился своими актерскими династиями. Особенно известна цыганская династия Жемчужных. В этом году народной артистке РФ Екатерине Андреевне Жемчужной исполнилось 80 лет. Старшее поколение знает ее по многосерийному фильму «Вечный зов», а современные зрители по сериалу «Кармелита. Цыганская страсть».

Екатерина Андреевна удостоена Ордена Дружбы за большой вклад в развитие театрального искусства и медали «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени.

Сегодня в театре «Ромэн» служат ее дочь — Ольга Жемчужная, внучка — Анастасия Грохольская и внук — Андрей Жемчужный, у которого мы и решили взять интервью.

— Андрей, выбор профессии, вероятно, был предопределен еще с детства?

— Не совсем так. После школы я хотел поступать в Московский институт международных отношений. Дома по поводу выбора профессии были довольно серьезные баталии, — ведь в нашей семье все артисты. Мой дедушка, Георгий Жемчужный — профессор, преподавал в ГИТИСе, был режиссером, поэтому настаивал, чтобы я пошел учиться на режиссера музыкального театра.

До ГИТИСа я учился в музыкальной школе. Дедушка с детства прививал мне любовь к классической музыке, к опере, к художественной литературе, к живописи. Я называл его Гогой, и он позволял мне так его называть.

В 17 лет я поступил в ГИТИС на факультет режиссера музыкального театра. Я был самым младшим на курсе по сравнению с другими студентами, и мне было сложновато, так как режиссер должен иметь опре-

деленный жизненный опыт. Поэтому после окончания второго курса я сказал родным, что пойду учиться на актерский факультет. Мне нужно было получить актерский опыт, а не быть по другую сторону сцены. На актерском факультете я учился у больших мастеров: Владимира Алексеевича Андреева, Алексея Игоревича Шейнина. Спустя время я вернулся к обучению режиссуре и занимался у Валерия Романовича Беляковича. Он был невероятным человеком во всех смыслах этого слова. То, как он вел репетиции, как умел объяснить разными способами актеру его задачу, это дорогого стоило. Валерию Романовичу был присущ и юмор высшего пилотажа — такому невозможно научиться, это качество заложено с рождения, и оно всех восхищало. Но при этом Белякович был и жестковат, мог и «крепкое словцо» сказать, чтобы достучаться до актера, и это действовало. Он умел четко формулировать

свою идею, а это большая редкость.

— Настоящий режиссер, наверное, всегда требователен?

— Когда мы с дедушкой возвращались из театра после спектакля домой, оставалось ощущение, что мы все еще в театре, так как он начинал анализировать, обсуждать каждую сцену. Это, конечно, было важно, но я, уставший, просил его: «Гога, ну, пожалуйста, хватит, такое ощущение, что я с работы прихожу на работу!»

— В ГИТИСе вы учились у Максимилиана Изяславовича Немчинского, режиссера театра и цирка, заведующего кафедрой режиссуры цирка ГИТИСа, автора книги «На манеже цирка — артист». Расскажите, пожалуйста, об этом знаменитом педагоге.

— Немчинская Розетта Яковлевна и ее супруг — редкие педагоги, знатоки цир-

кового искусства. Во время учебы я был самым младшим на курсе, и они отнеслись ко мне тепло, раскрывали тонкости профессии, показывали все приемы.

С Максимилианом Изяславовичем я занимался клоунадой. Немчинский разработал программы для вузов по обучению ведущим цирковым

дисциплинам: режиссура, мастерство актера, цирковая пантомима, цирковые жанры... В ГИТИСе мне очень повезло со всеми педагогами — низкий всем поклон.

— Вы являетесь и режиссером спектакля «Здравствуй, Пушкин», и исполнителем главной роли — Александра Сергеевича Пушкина. Спектакль драматически-музыкальный, с цыганскими песнями и танцами.

— Первым режиссером спектакля был мой дедушка — Георгий Жемчужный, а я был сорежиссером, когда ставился этот спектакль. У нас была большая команда. Я не думал, что буду играть главную роль, и, когда поступило такое предложение, долго упирался. Потом все-таки решил, что попробую. Так и состоялось. Спектакль поставлен по пьесе Арнольда Гессена и Ивана Ром-Лебедева — основателя театра «Ромэн». Сама пьеса создана на основе различных биографических материалов и писем поэта к друзьям. Писатель Александр Иванович Курприн в своем очерке «Фараоново племя» писал, что Пушкин был влюблен в цыган и «истинно страстно увлекался цыганской песней». В спектакле собраны основные моменты жизни гения: его юные годы, ссылка, разговор с царем, а также его отношение к цыганам — это для нас является ключевой задачей.

Мы, и как театр «Ромэн», и как граждане — почитатели гения Пуш-

кина и перевозносим поэта. Пушкин любил нашу нацию, и она вызывала у него интерес. Сам он был свободолюбивым человеком, и нам, цыганам, это очень близко. Поэма «Цыганы» — последняя романтическая поэма Александра Сергеевича, он создал ее в 1824 году. Интересно, что поэт перед ее написанием провел несколько дней в таборе бессарабских цыган. В спектакль включены отрывки из поэмы «Цыганы» и «Евгения Онегина», а также реальные эпизоды из жизни поэта.

— В чем состоит особенность цыганской музыки, цыганской венгерки?

— У цыган генетическая предрасположенность к пению и к танцу. В цыганском вокале есть ритм, но он всегда разный. Цыгане не идут по заданному ритму и теме, как почувствует сердцем вокалист, так он и поет, а музыканты должны это поймать. Включенность должна быть максимальная.

В танце все построено на ритме, на счете, на хлопках. Единение рук и ног — этим отличается цыганская венгерка от степа. В степе у танцора работают только ноги, а во время исполнения венгерки счет может постоянно ломаться.

Во время учебы я должен был показать в ГИТИСе венгерку и обратился к Николаю Ильинскому, мы занимались с ним по 7 часов в день в течение двух недель. Это было мое первое выступление в ГИТИСе...

— **Любите ли вы путешествовать?**

— Вместе с родителями я уже в три месяца от роду летал в Грецию, можно сказать, сопровождал их на гастролях. С театром «Ромэн» мы много выезжаем, побывали и за рубежом, в прошлом году ездили в Беларусь, в Витебск, где выступали на фестивале «Славянский базар». Очень понравилась эта страна и люди — невероятно отзывчивые, открытые и добрые. В Москве меня попросили купить в Витебске сало, и мы пошли с коллегой искать рынок. Остановили проходящую мимо нас женщину, спросили, где он находится, и она сказала, что поможет нам. Позвонила тут же мужу, потом повела нас на рынок. Подошла на рынке к продавцам со словами, что это наши гости из Москвы, пожалуйста, предложите только все самое лучшее. И потом,

когда в этот же день, мы возвращались в свой отель и по дороге заблудились, то прохожие лично проводили нас до него. Я был поражен.

— **Что пожелаете нашим читателям?**

— Счастья, любви, гармонии во всем. Приходите в наш театр «Ромэн», это — единственный в мире цыганский репертуарный театр. Приходите на наши спектакли, и вы не пожалеете! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Фото из личного архива

Отец писателя

Одновременно со звонком на урок в кабинет вошла учительница русского языка и литературы. Ученики 7-х классов, «А» и «Б», в знак приветствия встали, гремя стульями.

— Дети, сейчас к нам на классный час придет гость! — объявила она. — Его фамилия вам хорошо знакома по урокам литературы...

— Какой-то писатель, что ли? — перебил ее Витя Яхонтов, сидящий за последней партой.

— Нет, Витя, он не писатель... Не перебивай меня! И во время мероприятия постарайся, пожалуйста, не перебивать гостя. В конце беседы он обязательно ответит на все ваши вопросы. Договорились?

— Да! — хором ответили дети.

— Надеюсь на ваше понимание. Итак, наш гость — человек преклонного возраста, вот почему прошу вас вести себя учтиво и культурно. Какое отношение он имеет к литературе, вы скоро поймете — пусть это будет для вас сюрпризом. Скажу только, что проживает он в нашем крае, никогда никому не давал интервью и в мероприятиях, подобных сегодняшнему, не участвовал. Просто чудо, что он согласился прийти к нам в школу, прийти к вам, чтобы поделиться...

— Конфетами! — выкрикнул Витя, и класс дружно рассмеялся.

— Витя, прекрати умничать!.. Послушайте меня. Уникальность этого человека в том, что он — отец знаменитого писателя, рассказы которого вы изучали на уроках литературы в пятом и шестом классах. Один из романов будете изучать в одиннадцатом классе.

— Назовите фамилию, — попросила Ася, отличница, наизусть знающая имена всех поэтов и писателей школьной программы по литературе.

— Наберитесь терпения, и вы узнаете, кто этот писатель...

Тут отворилась дверь кабинета, и в класс, опираясь на деревянную трость, вошел мужчина весьма преклонного возраста. Вслед за ним — директор школы, завуч и библиотекарь. Дети мгновенно поднялись, вытяну-

лись по стойке «смирно» и в унисон, намеренно громко, поприветствовали вошедших: — Здра-авству-уйте!

— Ребята, — обратился к ним директор школы, — у нас почетный гость, зовут его Василий Васильевич. Он — отец знаменитого писателя, Арсения Васильевича Закрепина, известного вам по урокам литературы.

По классу прокатилось протяжное «у-у-у».

— Да-да, так и есть, перед нами — отец этого писателя. Нам выпала честь — и редкая возможность — пообщаться с ним, узнать из первых, как говорится, уст, каким Арсений Закрепин был в детстве, что любил, что ценил, а главное, что сподвигло его выбрать нелегкий творческий путь. Прошу вас, — повернулся он к гостю, указывая на стул за учительским столом.

Но тот не спешил присаживаться. Снял коричневую фетровую шляпу, старую и мятую, обнажив редкий пучок седых волос на макушке, пригладил его ладонью, посмотрел на учеников, улыбнулся; затем прошелся взглядом по стенам кабинета, вздохнул — видимо, вспомнил свои школьные годы — и вдруг выпрямился, приподнял подбородок, слегка запрокинув голову назад, а потом плавно наклонился вперед, почтительным поклоном выражая свое уважение к детям, после чего сел за учительский стол.

Это был один из тех миллионов сельских стариков, которых можно встретить в любом российском регионе и по их внешнему виду определить, кем они работали всю свою жизнь и в какой местности проживали. Они — олицетворение русского мужика-крестьянина, на плечах которого страна и держится, и славится. Это те люди, которые в Великую Отечественную прошагали пол-Европы, уничтожили нацизм и вернулись с Победой домой. Они никогда не жаловались на жизнь и не требовали за свой вклад в победу ничего, кроме разве что бесплатной путевки в санаторий, свободного места в общественном транспорте и возможности вне очереди войти в кабинет участкового терапевта в поликлинике. Для них самым ценным — помимо семьи и жизни — являются военные награды. Они выносливы, умны, мудры и смекалисты. Это те люди, которые воплощают в себе верх добродетели — они не проявляют ее, они ею проникнуты.

— Может, будет интереснее, если вы станете задавать мне вопросы, а я отвечать на них, как вы считаете? — предложил Василий Васильевич.

Класс молчал.

— Ну же, ребята, не стесняйтесь, задавайте вопросы, — пыталась расшевелить детей завуч.

Первой осмелилась задать вопрос Ася:

— А когда вы в первый раз узнали, что ваш... ну, что Арсений Закрепин пишет рассказы?

— А в каком классе он учился, когда первый раз написал рассказ? — следом спросил Данила.

— Ребята, давайте по очереди! — попросила учительница. — Сначала Асин вопрос. Итак, когда вы узнали о творческих способностях маленького Арсения, Василий Васильевич?

Старик опустил глаза и посмотрел на свои ладони — он заметно волновался: тяжело дышал, без конца облизывал пересохшие губы, часто моргал. Потом поднял голову, посмотрел на лица ребят, остановил свой взгляд на одном из портретов писателей на противоположной стене кабинета и о чем-то задумался, мысленно погружаясь в прошлое.

Да, он помнил тот первый раз. Очень хорошо помнил. Особенно свою реакцию помнил. Арсению тогда было двадцать два года. Прошел год, как он вернулся из армии. Однажды вечером Арсений подошел к нему и, по-детски стесняясь, протянул мятую, толстую тетрадь с потертой обложкой.

— Что там? — сухо спросил отец и нахмурился.

— Да так... кое-что сочинил, прочитай, — смущаясь, ответил Арсений. — Три рассказа.

— Че? — переспросил Василий Васильевич, нехотя забирая протянутую тетрадь. — Чего там еще насочинял? Делать больше нечего?

— Да ладно тебе, па... — от волнения у парня зарумянились щеки. — Хочу узнать твое мнение.

Отец что-то буркнул себе под нос и ушел в спальню, небрежно скрутив тетрадь в трубочку.

Ему, понятное дело, не все равно было до талантов сына — если бы это касалось сельхозтехники, агрономии или животноводства, — но тут, наоборот, он не на шутку расстроился: не хватало еще, чтобы его сын писарем стал! Не мужицкое дело писаниной заниматься, в их роду не было белоручек и талантов не было: ни музыкантов, ни художников, ни, тем паче, поэтов. Настоящий мужик должен землю любить, уметь работать на ней, кормилице, а не авторучкой на хлеб насущный зарабатывать. Все одно гением не станет — не Пушкин, уж точно. А семью сказками кормить — не дай боже такой жизни! Писаки, они же все немного чокнутые. Ну, какой, скажите на милость, нормальный человек будет годами сиднем сидеть и денно и ночью складывать слова и записывать их. Это надо быть сумасшедшим, чтобы каждый день жить жизнью придуманного героя, думать его головой — тьфу!

В ту ночь Василию Васильевичу не спалось. Устав ворочаться, он включил ночник и, с трудом разбирая корявый почерк сына, все же начал читать первый рассказ. Но его терпения хватило лишь на три первых страницы, после чего он не сразу, но крепко уснул, вполне успокоившись. Прочитанного текста ему хватило, чтобы понять — Арсений не станет Гоголем. Однако сочинение сына ему понравилось. Особенно то, как красиво у него получалось складывать слова в предложения. Посему вывод он сделал такой: у него самого так сочинить не получилось бы никогда, даже под дулом

автомата. А что касается Арсения, то у него, как надеялся Василий Васильевич, сочинительство — временное увлечение.

Дабы у отпрыска не пробудить желание сочинять книжки в дальнейшем и жить, прозябая в нищете, плюс, опасаясь позора перед родней и сельчанами за поэтические наклонности сына, Василий Васильевич проснулся спозаранку, прошел в комнату к сыну и вернул ему тетрадь, вынося вердикт:

— Написано складно. Но в жизни такого не бывает. О земле надо думать, о семье, а не витать в облаках. Фантазии богатства не принесут, — и вышел из комнаты.

Больше Арсений своих сочинений ему не показывал и никогда, до самой своей смерти, о писательстве — как и о книгах, вообще — не заикался. Но Василий Васильевич первое время был начеку: наблюдал за сыном и нервничал, когда тот вечерами оставался дома, запершись в своей комнате. Поди, угадай, чем он там занимается: то ли читает, как говорит, оправдывая свое нежелание прогуляться с друзьями или с девчонкой какой, то ли — тьфу-тьфу! — тайком сочиняет поэмы.

Со временем Василий Васильевич успокоился и про тетрадь с рассказами забыл: причин для переживаний не было: Арсений вырос, после школы окончил техникум, отслужил в армии, поработал пару лет механизатором, а потом уехал в город и поступил на службу в пожарную охрану. Одно расстраивало отца — сын оставался холостяком....

— В первый раз... — задумчиво посмотрел Василий Васильевич на Асю. — Да, помню тот день. Но поначалу он не рассказы писал, а короткие смешные истории... что-то типа анекдотов. Записывал их в тетрадь и во время урока пускал ее по классу. Ребята читали, смеялись, а это мешало учителям вести уроки. Кстати, из-за этого меня даже в школу вызывали...

Класс оживился, заулыбался.

— Вы наказали его? — спросил кто-то с последней парты.

— О да, сделал нагоняй, — хитро подмигнул Василий Васильевич.

На самом деле все было куда серьезнее. Его вызвали в школу официально, поставив в известность начальство и самого председателя колхоза. В назначенный день и час он явился в школу на консилиум, куда был приглашен даже сотрудник из парткома колхоза. Отец стоял перед ними, ничего не понимая, как провинившийся ученик. Ох, крепко же его тогда отчитали за сочинения сына! По мнению учителей, Арсений придумывал пропагандистские анекдоты и короткие рассказы — что-то типа фельетонов. В общем, итог был таков: в тот год его лишили квартальной премии и 13-й зарплаты.

— Помню, любил он книжки читать. И сочинения по литературе выполнял на «отлично», — продолжал Василий Васильевич. — А когда пришел из армии, написал несколько рассказов и дал мне их прочитать. Ну... по-

радовался, конечно, за парня — как уж тут не порадоваться, — и все. Сам-то, признаюсь, не видел в нем таланта, думал, просто балуется...

Дети оживились, и посыпались вопросы:

— А вы его заставляли учиться писать сочинение?

— Как вы его учили, чтобы он умел писать рассказы?

— Вы каждый день заставляли его читать и писать?

— А репетитора нанимали?

— А что он любил читать?

— А во что он играл?

— Ему нравились ужастики?

— Не стану ничего приукрашивать, ребята. В том, что Арсений стал писателем, моей заслуги нет абсолютно никакой. Это раньше, наверное, родители классиков, — Василий Васильевич кивком головы указал на портреты писателей на стене, — нанимали учителей, воспитывали культуре и грамоте учили, специально прививали любовь к чтению. Знать, у таких богатых родителей и дети получались умные и знаменитые. А мы не приучали Арсеньку к литературе. Скажу больше, и мыслить не мыслили, не мечтали даже, что станет писателем. Да еще каким! У нас и книжек-то в доме было всего ничего, и то, ни я, ни жена их не читали, только Арсенька. Нам недосуг было чтением заниматься, мы ж народ крестьянский, нас не книжки, земля-матушка кормит. Коль ты в селе живешь, работа да домашнее хозяйство все свободное время забирает. Читаю я плохо, новости по телевизору или радио слушаю. Нет, ребята, специально мы не готовили Арсения для писательского дела. Нашему казацкому племени нужен был рукастый парень... со светлой головой. Ни зерна мысли не было, что станет Арсений знаменитым. В кого такой уродился — ума не приложу!

— А кем вы хотели, чтобы он стал? — спросила девочка в очках.

— Я-то? Да мы, говорю же, народ простой — крестьяне. А сельский человек, он же о чем мечтает? Да чтобы дети его и внуки рядом были, чтоб пошли по родительским стопам и остались жить в родном селе. Ну, видел я в нем механизатора, шофера... на край — комбайнера. А коли выше брать, то приходила мысль: пусть военным бы стал. Но никак не писателем. А оно вон как вышло: теперь детишки его рассказы в школе изучают.

— Так это ж отстой — комбайнером, — возмутился Витя. — Лучше бизнесом.

— Круче — программистом, — добавил его сосед.

— Яхонтов! Не умничай! — приструнил говорливого парня директор школы.

— Ничего, пусть говорит свое мнение, — защитил ученика Василий Васильевич. — Вы же дети современные, не то, что мы. В наше время нравы иные были. Мобильников не было, о компьютерах не знали.

По классу протянулось протяжное «у-у-у-у...»

Мальчик, сидящий в правом ряду у окна, терпеливо тянул руку. Василий Васильевич обратил на него внимание и кивнул, разрешая задать вопрос.

— А расскажите, каким он был маленьким, — стеснительно попросил мальчик.

— Да обычным был, таким, как все... как вы. Тот еще разбойник. Ну, смелым был, сильным, ничего не боялся. А вот мыслями отличался — любил пофилософствовать. Всегда рассуждал о чем-то. А еще любопытным был, расспрашивал обо всем на свете. Мультки — жуть как любил... Что еще? А, мороженое и лимонад обожал...

Василий Васильевич припомнил некоторые детали. Арсений вроде пацан был, как все, но вот что-то нестандартное в нем все-таки проявлялось, некоторые странности в поведении имелись. Наблюдая за нравом и характером подрастающего сына, ему сложно было определить его стремления: что ему нравится, кем он хочет стать в будущем? Интересы, свойственные обычной детворе, у Арсения, по большей части, отсутствовали. Например, он мог дружить с ребятами и вполне ладить с ними, и, в то же время, умел обходиться без друзей и не боялся одиночества. Это его и отличало, главным образом, от сверстников. Бог знает, как ему это удавалось, но, будучи один, он с утра до заката постоянно во что-то играл, разговаривал сам с собой. Ему, молодому отцу, и невдомек было, отчего сын такой, да и никто из родни также не обращал внимания на чудного пацана, радуясь тому, что, если парень играет, и ему это нравится, то пусть играет, — только б не грустил.

Василий Васильевич только сейчас, на встрече с учениками, стал припоминать подробности, связанные с необычным поведением маленького Арсения, на что, в силу своей молодости и неопытности, не обращал внимания. А ведь они были уже тогда налицо: первые признаки литературного таланта и предпосылки к литературному творчеству.

Помнится, Василий Васильевич больше злился на жену за то, что та чересчур обласкивает Арсения, захваливает его...

— С возрастом Арсений возмужал, и ему уже не до сочинений было. Все лето работал на сенокосах, на прополке, родне помогал на мазках — вальковал¹... жуть, как лошадей любил. Вы, небось, и не знаете, что это

¹ Валькование — замес; на ровной площадке засыпалась глина слоем до полуметра в форме круга и заливалась на ночь водой для раскисания. А утром глину посыпали соломой, потом заводили лошадей и водили их по кругу, постепенно добавляя солому, таким образом, перемешивали. Когда эта масса становилась однородной, из нее делали вальки и этим составом с обеих сторон турлука вальковали будущий дом.

такое — сейчас дома по другой технологии строят. Во время уборки так вообще — все в поле пропал. Затем — армия. Я и знать не знал, какая у него душа-то, оказывается, тонкая и поэтическая.

— А как же он стал писателем, если был обычным, как все, и учился на тройки? — снова спросил Витя.

— Ну, знаете, не все великие люди учились на пятерки и имели примерное поведение, однако многие из них стали гениальными учеными, художниками... или писателями.

— А что надо делать, чтобы стать писателем? — спросил рыжий мальчик.

— Ну что? Известно что: грамоте надо учиться. А если серьезно... я считаю, что умению сочинять книги специально научить невозможно, не получится это, как ни крути. Уж если не дано... как вот мне, например... то не дано. Тут все природой с детства заложено. И никакие институты из неуча не сделают Толстого. От много зависит... Конечно, первым делом надо любить читать книги, без них — никуда. И вот здесь надо иметь... — Василий Васильевич постучал ладонью себе в грудь, — то, о чем хочешь людям рассказать. Что-то важное рассказать, нужное... Короче, надо много работать над собой...

— А почему он умер, ведь совсем молодой был? — застенчиво спросила белокурая ученица.

И Василий Васильевич рассказал, как во время пожара в многоквартирном доме, спасая детей из горящей комнаты, Арсений погиб. Когда он в очередной раз возвращался в горящее здание, чтобы найти оставшихся в огненном плену людей, на него обрушился потолок.

— А у него есть жена, дети? — спросила Ася.

— Нет... К сожалению, он не успел жениться — погиб.

Как-то Василий Васильевич пытался сам себе ответить на этот вопрос: почему сын обрек себя на одиночество? И пришел вот к какому выводу: чтобы творить гениальные вещи, нужно чем-то пожертвовать. Даже любовью. Кто знает, будь у него семья, возможно, и судьба сложилась бы по-другому. Семья отбирала бы у него время и творческую свободу, и могло статься, что таких замечательных книг он написать не сумел бы или не успел бы за такой короткий промежуток времени, который он прожил.

— А когда он вам показал свою первую книгу?

— Вы обрадовались, когда узнали об этом?

Старик опять погрузился в прошлое...

На третий день после похорон из города приехали два сослуживца Арсения. Ребята привезли его вещи: форму, рюкзак и кожаный чемоданчик со всякой мелочью — все пожитки холостяка. Тем же вечером, разбирая вещи, Василий Васильевич обнаружил на дне чемодана черный целлофа-

новый пакет, в котором находилась увесистая стопка бумаг. Он вытащил стопку, сдвинул титульный лист и сразу понял — рукопись: рассказы и романы, написанные Арсением за последние пятнадцать лет, начиная с того года, когда он вернулся из армии. На титульном листе от руки было написано имя, отчество и фамилия сына, а в рюкзаке лежала механическая печатная машинка «Москва» в черном футляре.

Прошло девять дней со дня смерти сына. После поминок Василий Васильевич закрылся в его комнате и начал читать рукопись — на этот раз медленно и вдумчиво, вникая в смысл написанного. Сначала шли рассказы, за ними — романы. Причем первый рассказ — точнее, его название — ему было хорошо знакомо. Он помнил его, когда впервые читал в общей тетради, которой Арсений с ним поделился. За неделю Василий Васильевич прочитал и другие рассказы, и ему они понравились. Хотя, возможно, такое впечатление могло быть вызвано тем фактом, что Арсения нет в живых; а та его частичка души, его мысли, оставленные на бумаге, как бы согревали сердце, отчего тексты казались гениальными. Будь сын живой, дай он ему эту рукопись сейчас, он бы вряд ли осилил прочесть хотя бы один рассказ...

О рукописной находке Василий Васильевич никому не сказал, посчитал, что пока не время. Стопку бумаг переложил в новый полиэтиленовый пакет, перевязал его скотчем и положил в рюкзак. Рюкзак отнес в сарай и оставил там, прикрыв соломой, а печатную машинку поставил на стол как раритет.

— О том, что Арсений пишет серьезные вещи, я узнал, к великому своему несчастью, только после его гибели, — ответил Василий Васильевич. — В его вещах мы наткнулись на рукопись. Через какое-то время я отвез рукопись в издательство...

Лишь спустя пять лет после гибели сына Василию Васильевичу пришла мысль: а не показать ли рукопись какому-нибудь издательству? Чем черт не шутит, вдруг Арсений сочинил что-то толковое, и его книгу напечатают?

Загоревшись этой идеей, он начал копить деньги на поездку в Москву. Никто из домочадцев о его намерениях не знал до последнего. Только накануне отъезда, купив железнодорожный билет в плацкартном вагоне, Василий Васильевич объявил, что ему надо съездить в столицу по кое-каким делам. Естественно, жена и дочь пытались отговорить его от поездки, опасаясь за его здоровье — на тот момент ему перевалило за семьдесят, и мучил артрит; к тому же он совершенно не знал улиц Москвы и не умел ориентироваться по картам. Как его только ни уговаривали, как ни умоляли остаться, старик был непоколебим. Водрузив рюкзак с ценным грузом за спину, он, довольный, отправился в дорогу.

Приехал в столицу, вышел на площадь трех вокзалов и стал у прохожих спрашивать, где находится ближайшее книжное издательство. Не сразу,

но ему все же подсказали оптимальный маршрут до одного из издательств и даже проводили до ближайшей станции метро.

В издательстве Василия Васильевича встретили не совсем вежливо и как-то брезгливо: то ли им его костюм не понравился, то ли старомодная шляпа, а может, старые кирзовые ботинки, или всему виной оказался брезентовый рюкзак — когда-то темно-зеленого цвета, но теперь выцветивший добела. С виду добрая, миловидная женщина средних лет сидела за столиком на входе и встречала посетителей. Она осмотрела Василия Васильевича с ног до головы, и от ее дружелюбия не осталось и следа: изменившись в лице, демонстративно показывая свое неудовольствие, она грубо спросила: «Что надо?» Он ответил, что привез рукопись сына. Женщина повернулась к нему спиной и, ковыряясь в ворохе бумаг на полке в шкафчике, уточнила: «Какие произведения?» — «Хорошие, — ответил он, — все хорошо написаны...» «Поэзия или проза?» Василий Васильевич замешкался: его смутило слово «проза» — он не знал, что это такое. «Тут рассказы... и романы есть»... Женщина указала на шкаф с пустыми ячейками в разделе «Проза» и сказала: «Оставьте рукопись там. Ответ примерно через три месяца. У нас портфель перегружен. Если тексты заинтересуют редактора, с вами свяжутся».

Василий Васильевич пребывал в недоумении. Как оставить? Чего ждать? Какой такой портфель? Он что, зря копил деньги, напрасно ехал в такую даль? «Нет, дорогая сударыня, — твердо проговорил он, — мне нужен директор... этот, как его там?.. редактор. Я сам покажу ему рукопись». Женщина снова указала на шкаф с ячейками, начала нервничать и перечислять какие-то инструкции, правила, а потом, скривив тонкие губы, попросила не отвлекать ее от работы и покинуть здание редакции.

В этот момент мимо них проходил какой-то мужчина в черном костюме и, услышав разговор, взялся помочь пожилому посетителю — лично проводил Василия Васильевича в кабинет главного редактора.

Редактор тоже не понравился Василию Васильевичу: толстый, холеный, ручки пухленькие, беленькие, ноготочки ровненькие, подпиленные, глазки маленькие, хитрые, бегающие, точно у зверька. В общем, разговор по душам между ними не завязался: был недолгим и поверхностным. Редактор расспросил его о сыне — где он и как, о том, кто еще знает про рукопись, кому сколько лет — ему, жене, дочери, и где они проживают. В конце десятиминутного разговора редактор обещал в ближайшее время ознакомиться с текстами и, если произведения окажутся, как он выразился, «толковыми», то непременно известит об этом Василия Васильевича. На том и попрощались, пожав друг другу руки.

Старик вернулся домой. Про рукопись никому не признался, хотя у самого язык чесался рассказать — просто он хотел выждать время,

получить ответ, удостовериться, что сочинения Арсения хоть что-то значат, а потом открыть тайну и похвастаться перед всей родней напечатанной книгой.

Пролетело три месяца, за ними прошел год, потом пять лет, семь... а от редактора ни звука.

За это время произошло несколько печальных событий в семье Василия Васильевича: умерла жена, дочь развелась с мужем и переехала жить к нему вместе с внучкой Дашей, первоклассницей. Про рукопись Василий Васильевич уже давно не вспоминал, свыкшись с мыслью, что романы Арсения ничего из себя не представляют, и редактору они не понравились. Жизнь шла своим чередом...

— А когда вы узнали, что ваш сын стал знаменитым, вы обрадовались? — застенчиво спросил хрупкий мальчик, сидящий за третьей партой возле стены.

— Когда узнал... Конечно, я очень обрадовался. Гордился своим сыном, всем показывал его книги, хвастался...

Пока дочь была на работе, Василий Васильевич занимался внучкой: кормил ее завтраком, провожал в школу и встречал и, проверял ее домашние задания. Однажды, в грустный осенний вечер, он сидел перед телевизором и, как обычно, смотрел политическую передачу; Даша в соседней комнате учила уроки — вслух читала текст по литературе. Услышав знакомые слова, Василий Васильевич напряг слух и приглушил звук телевизора — ну конечно, это же рассказ Арсения! Тот самый, который находился в стопке с рукописью самым первым. Там речь шла о мальчике, который очень любил природу. Но начавшаяся война убила всю красоту вокруг того места, где он жил, отчего мальчик сильно переживал...

На слабеющих ногах старик подковылял к внучке и попросил ее назвать автора рассказа, который она читает.

«Этот... как его... щас посмотрю, — сказала внучка и перелистала две страницы учебника назад. — Так... Горелов Вэ...Гэ». — «А название? Прочти название, Дашенька», — дрожащим голосом попросил дед. «Колькин мир!» — ответила Даша и изумленно посмотрела на него: «Тебе тоже понравился?» «Понравился, Дашенька, очень понравился...»

В ту ночь Василий Васильевич так и не смог заснуть. Как только внучка сделала уроки и вышла из своей комнаты, он вынул из ее портфеля учебник литературы, а когда все уснули, раз двадцать, наверное, перечитал знакомый до боли текст, на самом деле написанный не каким-то там Гореловым Вэ Гэ, а его сыном. Он это точно знал и находился в замешательстве — почему сочинение Арсения присвоено другому автору, и кто он, этот Горелов? «Саж на цветах» — вот как Арсений назвал свой рассказ,

а не «Колькин мир». Василий Васильевич хорошо помнил незамысловатый, но трогательный сюжет рассказа, который написал его сын.

Через неделю пребывания в состоянии уныния, уставший от переполняющих его чувств, Василий Васильевич решился на откровенный разговор с дочерью. Ему пришлось поделиться с ней тайной: он во всех подробностях рассказал об Арсении, о его увлечении писательством, про толстую тетрадь с тремя первыми рассказами и про рукопись, которую вернули из общежития ребята по службе. Признался и в том, зачем тогда ездил в Москву.

Дочь все поняла, связалась со своими друзьями, а те — с адвокатом. Юрист охотно взялся за дело и раскрутил клубок несправедливости: всем произведениям Арсения было возвращено настоящее имя автора и переименованы заглавия, а учебники литературы тех классов, в которых изучали произведения Арсения Васильевича Закрепина, были изъяты из библиотек и переизданы.

Человеком, присвоившим себе авторство Арсеньиных произведений, оказался тот самый мужчина, который проникся к нему сочувствием во время перепалки с женщиной из издательства, а потом сопровождал к редактору. Этот самый Гаврилов Вэ Гэ воспользовался душевной простотой и безграмотностью старика — Василий Васильевич для связи указал в анкете только название своего поселка, но ни адрес, ни номер телефона сообщить не удосужился, так что Гаврилов смело присвоил авторство себе, рассчитывая, по-видимому, на скорую смерть старика. Все разрешилось полюбовно: чтобы не раздувать скандал и не порочить издательство, Василий Васильевич не стал вести войну и согласился на мирные условия решения конфликта. Вот и сейчас он уклончиво ответил детям:

— Про рассказы в учебниках литературы я узнал недавно. Ну, там получилось кое-что... В общем, вышел казус: мне забыли сообщить, что выпустили книгу...

— А как же вы узнали?

— Благодаря внучке, — улыбнулся старик. — Она выполняла домашнее задание, вслух читала рассказ по литературе, и я услышал знакомый текст.

Если бы у Арсения были дети, про себя подумал Василий Васильевич, то он бы раньше узнал о рассказах в школьных учебниках. Гораздо раньше.

— А что вдохновляло его? — задал очередной вопрос Витя.

— Честно говоря, я даже никогда не задумывался над тем, что его вдохновляло. Но теперь, кажется, кажется, я начинаю понимать... и даже знаю, наверняка, что вдохновляло Арсения... точнее — где... Кстати, ты, Витя, мне чем-то напоминаешь моего сына. Такой же любопытный...

Василий Васильевич замолчал, повернул голову, посмотрел через широкое окно на простирающиеся до горизонта поля, задумался; и вдруг глаза его оживились — он что-то вспомнил.

— Стрекозья тропинка... — тихо произнес старик. — Точно... да, стрекозья тропинка... Там, в дальнем поле... за рекой... на стрекозье тропинке... За нашим огородом находились плавни, через которые была проложена деревянная кладка — по ней можно было перейти на другой берег. На том берегу была целина, поросшая дикой травой и цветами. Летом там бурьян и крапива вырастали с человеческий рост. Через то поле вела тропинка на хутор. Не знаю почему, но Арсению нравилось там играть, бегать по той тропинке. Он так смешно называл ее... стрекозиная...

— Там жили стрекозы? — спросила одна из девочек.

— Да, конечно, и стрекозы тоже, — кивнул старик. — Он бегал туда постоянно, наблюдал за ними да за всякой другой живностью. Поймает стрекозу, прибежит домой и показывает ее нам. Нравились они ему, потому что похожи на вертолеты. На той тропинке он пропадал часами. Мы, собственно, не придавали этому значения. Я даже забыть про это давно забыл. Но когда ты, Витя, спросил меня о вдохновении, мне сразу вспомнилась эта тропинка. Вы знаете, — Василий Васильевич сглотнул и посмотрел на учеников, — я сейчас делаю для себя открытие... И все благодаря вам. Спустя столько лет, начинаю понимать своего сына. А ведь все, что в детстве окружало Арсения: вода в речке, лягушки в ней, цветы в поле, птицы на деревьях, кузнечики, стрекозы на ветках, — вот это все, получается, его и вдохновляло. И вот еще что: у Арсения было одно очень важное качество — умение наблюдать. Точно, наблюдение... И терпение. Да, вот важные качества творческой природы. Именно тогда, на той стрекозье тропинке все и начиналось. Там он формировался как писатель: у него складывался определенный склад ума, характер. Наблюдение и терпение друг без друга невозможны; они — неотъемлемая часть природы любого творца. Арсений умел разглядеть такие мелочи, на которые взрослому человеку взглянуть недосуг... Спасибо тебе, Витя, своим вопросом ты помог мне узнать и понять моего Арсения лучше. Теперь я знаю, что его вдохновляло.

— Стрекозиная тропинка, — весело произнес кто-то из детей.

— Стрекозья, — поправила учительница.

— Да, Арсенька тоже ее называл «стрекозиная», — улыбнулся Василий Васильевич и вдруг с горечью в душе осознал, что он, оказывается, совсем не знал своего сына. Это же каким он был в молодости невнимательным, черствым, не способным разглядеть душу Арсения и понять, какой у ребенка богатый внутренний мир. За последние полчаса он узнал о сыне больше, чем за все годы. Поддержки он его тогда, когда парень впер-

вые поделился с ним той потрепанной тетрадкой с первыми рассказами, поддержи его в творческом начинании, помоги, направь его в самом начале — и кто знает, возможно, судьба сына была бы иной, счастливой. И не стал бы он пожарным, а занимался бы своим любимым творчеством... «Господи, прости меня! — подумал про себя Василий Васильевич. — Прости, что я, бездушный, совсем не знал своего сына... ни капли не знал».

Прозвенел звонок. Классный час закончился. Отец писателя поднялся, поклонился ученикам и молча вышел из кабинета под аплодисменты и слова благодарности учеников и учителей.

Уставший от похода в школу, но довольный, Василий Васильевич вернулся домой и напрямик направился в комнату Даши. Он спешил к книжным полкам над письменным столом внучки. В основном там были детские книги, но имелась и пара десятков взрослой литературы. Старик протянул руку и указательным пальцем, цепляясь за верхний край корешка, вытянул один из слипшихся обложками друг с другом томов Горького; положил книгу на левую ладонь, а правой погладил твердую и шершавую обложку с тисненными на ней буквами и узорами.

— Дедушка, — услышался голос внучки, — ты чего?

— Да вот тут... решил посмотреть книги, — смущаясь, ответил он девочке.

— Ты же не любишь читать, — удивилась Даша.

— Да? А, ну да, ты права... Но знаешь, Дашенька, — Василий Васильевич еще раз провел по обложке ладонью и перевернул форзац, — мне захотелось почитать. — Он поднес раскрытую книгу, как птицу с распахнутыми крыльями, к своему лицу и несколько раз глубоко вдохнул, испытывая невероятное блаженство от запаха книги.

— Что ты делаешь, дедушка? — Даша непонимающе следила за странными действиями деда.

— Пропитываюсь, дорогая. Хочу понять, чем пахнут книги... Хочу читать, Дашенька, хочу любить читать. Как ты... — Он снова вдохнул запах книги. — У меня впереди куча времени. Я все здесь перечитаю... Пока живу, хочу наверстать упущенное...

— Зачем? Ты же телик смотришь.

— Понять хочу... Людей понять хочу, Дашенька. И почему... люди любят книги читать? Что в них такого... волшебного, что ли, важного? Вот, в чем хочу разобраться. — А про себя старик подумал: «И тебя, сынок, пусть и поздно... но это не беда, что поздно... знать хочу», — и, перевернув титульный лист, направился в свою комнату, на ходу читая первые строчки в книге... □

Ирина Опимах

Надя Леже и ее мозаики

Если вы окажетесь вдруг в городе физиков Дубне, уютном, тихом, с роскошными парками и чудесной набережной, вас обязательно поведут по всем местным достопримечательностям — покажут здание местной гостиницы, где останавливались почти все светила научной мысли XX века, скромные по нынешним временам коттеджи, где жили выдающиеся физики нашего времени, сотрудники и основатели международного научного центра ОИЯИ (Объединенного института ядерных исследований.) Бруно Понтекорво и Николай Боголюбов, Георгий Флеров и Михаил Мещеряков, покажут посвященные им памятники, а еще памятник Высоцкому, который часто выступал в местном Доме культуры. Ну а когда вы окажетесь с ним рядом, вы увидите десять ярких, очень выразительных мозаик — портреты Майи Плисецкой и ее мужа композитора Родиона Щедрина, Чайковского и выдающегося советского скрипача Леонида Когана, французского художника-авангардиста Фернана Леже, Маяковского, Льва Толстого, Зои Космодемьянской и Максима Горького. Мозаики с портретами космонавтов стоят перед дубнинским кинотеатром.

Если приглядеться к этим работам, можно увидеть подпись: Н. Леже. Написано по-французски...

4 октября 1904 года в местечке Осетище (Минская губерния, Борисовский уезд) в семье Петра и Марии Ходасевичей родилась девочка. Кроме нее в семье росло еще 8 детей. Отец работал в казенной водочной лавке — продавал сельчанам драгоценный напиток, который

хоть на короткое время помогал забыть о страшной, убогой жизни. Мать, понятное дело, была занята целыми днями хозяйством и детьми. Когда Наде исполнилось 10 лет, началась война. Отца забрали в армию, а Мария с детьми отправились в путь — искать, где можно было

переждать трудное время. В один прекрасный день они попали в Белев — и... осели там. Именно в Белеве Наде в руки попался какой-то потрепанный журнал, в котором была статья о Париже, о парижских художниках и напечатаны репродукции картин. Она сама с раннего детства что-то все время рисовала — цветы, птиц, но подумать о том, что есть люди, которые выбирают делом своей жизни рисование, что этому можно учиться и даже зарабатывать картинками деньги... такое ей в голову не приходило. Она вырвала из журнала эту статью и спрятала в укромное место. Решено — во-первых, она станет художницей, а, во-вторых, — поедет в Париж!

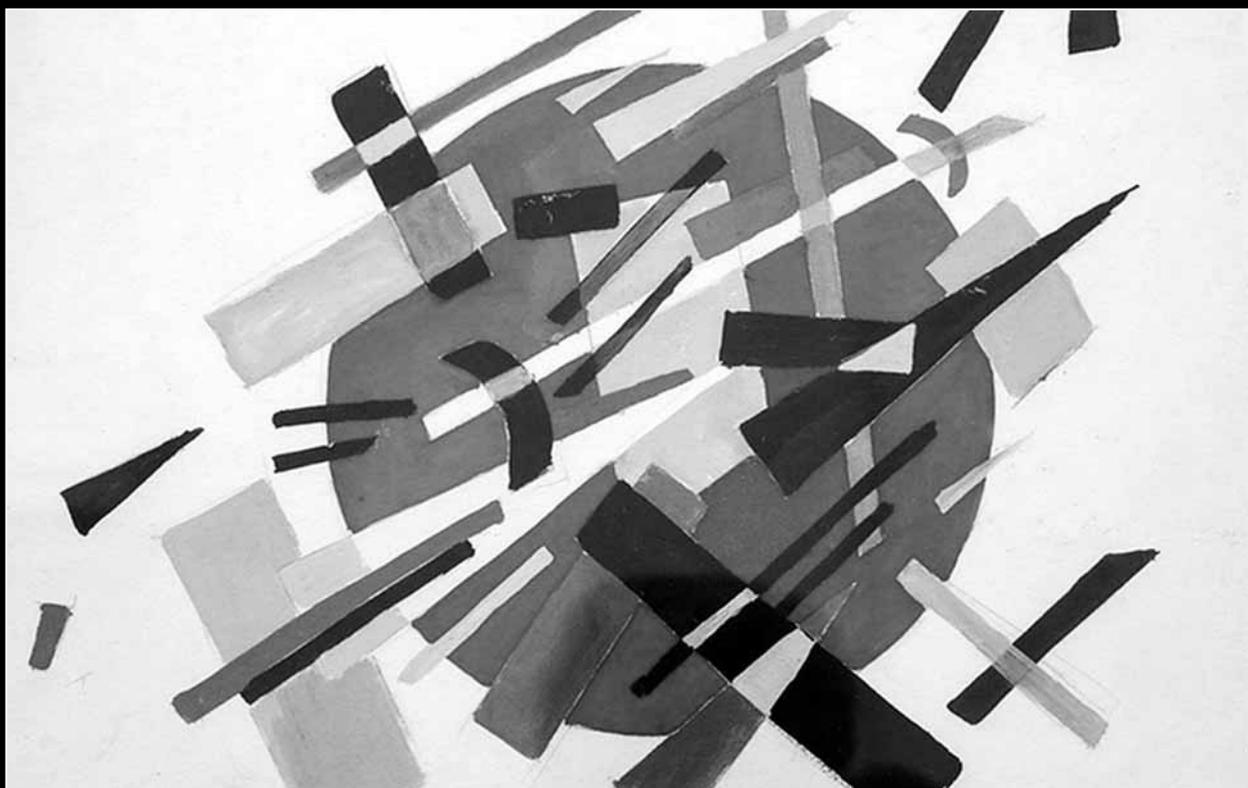
Надя не стала скрывать от родственников и знакомых то, как она представляет свое будущее. Конечно, все ее слова о Париже и об искусстве в Белеве звучали дико. «Бывало, бегу с ведром на поле корову доить, а за мной братья вприпрыжку: «Надька, даешь Париж! Надька-а-а, даешь Париж!» Эх, дать бы им ведром по голове. «Надька, даешь Париж!» Ох, раскидать бы их в разные стороны. Но сижу, гордо поджав губы, и дою, дою...» — вспоминала она спустя многие годы. Эта мечта о Париже поселилась в ее душе, и чтобы мать ни делала, выбить из дочери эту «дурь» не получалось никак.

После революции в Белеве, в доме, который принадлежал раньше местному купцу, открылся Дворец искусств. Там было два кружка —

хореографический и художественный. Надя записалась и в тот, и в другой — уж очень ей нравилось и танцевать, и рисовать. В 15 лет ее пристроили на работу в канцелярию — заполнять разные бумажки, вести документацию. Она делала все быстро, все успевала, а в свободное время рисовала.

Однажды кто-то ей рассказал, что в Смоленске открылась художественная школа, и учат там настоящие художники. (В 1920 году в Витебске под руководством вождя русского авангарда Казимира Малевича была создана группа УНОВИС (Утвердители нового искусства). В УНОВИС входили и несколько уроженцев Смоленска, а потому в том же году в этом городе открылся филиал УНОВИСа под руководством Владислава Стржеминского и его жены Катерины Кобро, преданных поклонников и последователей Малевича.)

Смоленск, прямо скажем, не Париж, но все-таки лучше темного Белева. И Надя, конечно же, ничего не зная о Малевиче и его уже сотворенном «Черном квадрате», отправилась в Смоленск. Тайком от матери, без денег, без знакомых. Жила на вокзале, голодала, но сдала экзамены, и ее приняли в школу — ее, никогда раньше не бывавшую в музеях, не знавшую, что такое холст и настоящие краски, зато твердо верящую в свое призвание быть художницей. Экзаменаторы сразу заметили ее несомненный дар, и она

оказалась в классе Стржеминского и Кобро. Было трудно. Надя жила в холоде и голоде, к тому же класс зимой не отапливался. Но разве это имело значение, когда ее преподаватели рассказывали о великих мастерах прошлого, о современном искусстве, раскрывали секреты живописного ремесла. «Пусть мы были голодные, холодные, бедно и неуклюже одетые, зато счастливые, клянусь, счастливые! Неизбалованные, мы свой неуют тем проще принимали, что из лекций Стржеминского узнавали, что Джотто и Мазаччо жили как простые ремесленники ... что Андрей Рублев жил тяжело и скромно, что Микеланджело, работая над «Сотворением мира», спал, не раздеваясь, а ведь это же

гении, настоящие гении!» — рассказывала позже Надя.

А через какое-то время в Смоленск приехал сам мэтр Малевич. Его лекция, прочитанная на конференции УНОВИСа, так и называлась — «О новом искусстве». Надя, конечно же, сразу попала под очарование Малевича, была покорена его увлеченностью, силой убежденности в гибели старого искусства и победе нового.

Ее учителя, гордые тем, что в их классе занимается такая талантливая юная художница, подвели ее к работам Малевича. Позже она рассказывала: «Выдавила краски на палитру, а Малевич подошел и соскоблил ножом. «Оставьте эту вашу розовую, голубую, — говорит, — у

вас есть охра, красная, черная, белая... И не нужны никому «картинки» и благоухающие розы. Это все мертвечина!»

Она быстро усвоила уроки мастера, и вместо ярких цветов на ее картинах теперь появлялись геометрические фигуры — они двигались, жили какой-то своей жизнью. «Движение геометрических форм в пространстве», «Полет геометрических форм» — так теперь назывались ее работы.

— Они потрясающие! — увидев картины Нади, сказал Стржеминский, и эта его оценка была чрезвычайно высока. Он даже начал интересоваться, а как живет его самая талантливая ученица, и пришел в ужас, узнав, что она так и ночует на вокзале

в заброшенном вагоне. Стржеминский выделил ей угол в их мастерской и повесил занавеску — получилось очень скромное, маленькое, но зато свое жилье! Более того — оно, видно, было вполне удобным, потому что Малевич, оставаясь в Смоленске, порой ночевал там, а ее забирали в свою квартиру Кобро и Стржеминский. «Разогретая морковным чаем — памятным напитком тех лет, похвалами моим учебным картинам, затейливыми завихрениями Малевича, я блаженно засыпала на полу. А утром горячилась над листом бумаги, фантазировала и проклинала себя, когда глазам виделось, а рука воспроизводила не то», — рассказывала позже она.

Надя впитывала в себя все, что говорили ее учителя, осваивала ре-

месло и новые идеи. Революция — она ведь во всем: в жизни, в искусстве. И это очень ей было близко — ведь по природе она сама была настоящей бунтаркой, революционеркой. А еще она понимала: столица нового искусства — Париж. Этот город — ее мечта, и она, Надя Ходасевич, обязательно в один прекрасный день туда приедет и завоюет его!

А пока Надя перебралась в Варшаву — все-таки уже ближе к Франции... Ей было ох как трудно — голо-

дала, нищенствовала, спала, где придется, отбивалась от нежелательных ухажеров, подрабатывала домработницей и нянькой. А потом получила письмо из дома — умер отец. Снова горе, нужда. Наконец удалось получить некое подобие жилья в монастырском приюте — в комнате жили шесть девушек, которые должны были регулярно вносить плату за это скромное пристанище. И Надя зарабатывала всеми доступными ей способами: танцевала и пела, ухаживала

Автопортрет

за детьми и стариками и даже освоила ремесло изготовления дамских шляпок! Но ничего, пройдет время, и она обязательно уедет в Париж и станет ученицей этого француза Леже! А пока она поступила в местную Академию художеств. Прекрасная техника, чувство цвета произвели впечатление на местных профессоров, и эта деревенская девушка стала студенткой Академии. Но через какое-то время ей стало ужасно скучно: консерваторы-профессора не могли ее увлечь — ее, уже знавшую, что такое новое искусство, знающую с самим Малевичем и его теориями. Однако она понимала — здешние учителя могут научить ее ремеслу живописи, а потому стара-

лась не пропускать занятия и лекции, а на обороте одобренных профессором картин рисовала свое, то, что диктовала ей ее душа. Постепенно эта бунтарка завоевала авторитет среди своих однокурсников — она рассказывала им о кубизме, о супрематизме, обо всем том, к чему ее приобщили смоленские художники.

Не влюбиться в нее было трудно. И рядом с ней оказался Станислав Гораневский — молодой поляк из весьма зажиточной варшавской семьи. Они вместе работали, а потом гуляли по Варшаве, по Старому городу, где жил дух Средневековья, спускались к Висле и мечтали о том, как поедут в Париж. Надя, влюблен-

ная в искусство и в Станислава, не успевала шить шляпки, и денег катастрофически не хватало. Ей порой хотелось, чтобы Станислав подарил ей какую-нибудь еду, а он, боясь ее оскорбить, унижить, дарил ей краски и холсты. И конфеты. Они тоже были не лишними, но ведь так хотелось есть... «Хочу мяса, рыбы, борща, а ем конфеты. И в глубине души радуюсь его деликатности».

Однажды он сделал ей предложение. Его мать кричала: «Зачем тебе эта большевичка! Не допущу! Не позволю!» Но Станислав был непреклонен.

Сыграли скромную свадьбу — на Наде было чужое платье, да и дом, в котором ей теперь предстояло жить, тоже был для нее чужим.

Наутро после «праздничной» церемонии горничная внесла молодоженам завтрак — на серебряном подносе булочки и кофе для Станислава и тарелка с картошкой и чай — для крестьянки Нади. Разъяренный Станислав схватил тарелку с картошкой и съел это «изысканное» блюдо на глазах у матери.

В общем, замужняя жизнь в доме Грановских оказалась нелегкой. Да и у Стаса характер был непростой, неровный, но они по-прежнему оба страстно мечтали о Париже и о школе Леже и рискнули написать художнику письмо, что хотят учиться у него. От художника пришел положительный ответ, и они отправились в Париж. Наде было всего 19 лет, французского она не знала, но

эта удивительная юная художница ничего не боялась!

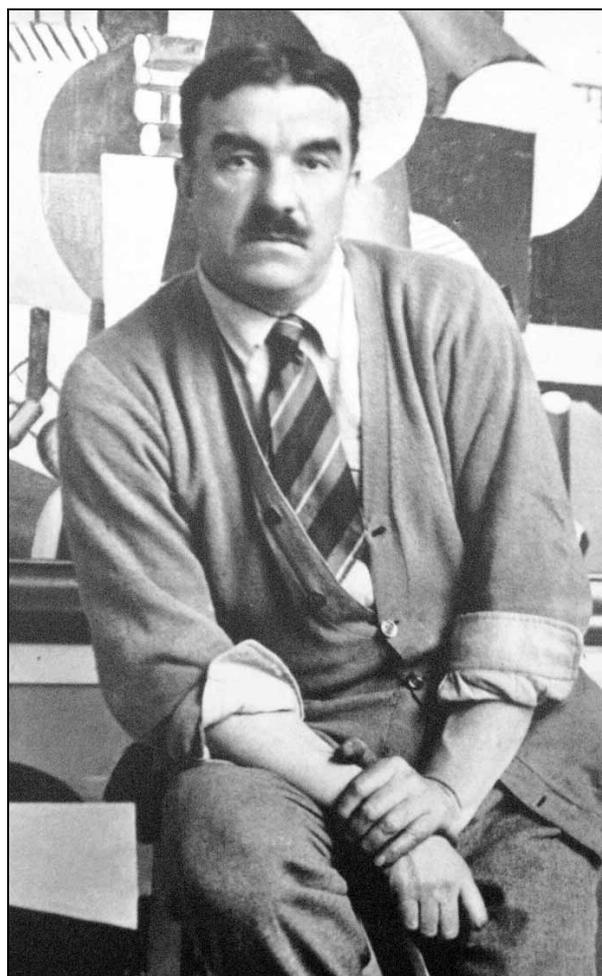
И вот они в Париже. Монпарнас, магазины, кафе, театры, галереи. Яркий, незнакомый мир, в котором их, увы, никто не ждал.

Они поселились в Латинском квартале, где, как правило, селились студенты. В скромном «Семейном пансионе» им дали комнату на втором этаже, и первое, что они сделали — отправились в Лувр. Жерико, Делакруа, та самая Джоконда, которую маленькая Надя видела когда-то давно на открытке. Но все эти картины оставили ее равнодушной, и только Рембрандт раз и навсегда покорила.

Школа Леже находилась на улице Нотр-Дам де Шан. Небольшой обшарпанный дом, деревянные двери, скромное помещение, где сидели ученики — все такое неказистое, бедненькое. Надя была разочарована. Совсем не таким она представляла центр современного искусства. Занятия вели Фернан Леже и его друг и соратник Амадей Озанфан. Надины рисунки ему сразу понравились, и он взял ее к себе в группу. Приходил на занятия и Леже — крупный, мощный, рыжий, с топорщившимися усами. Он уже был известным человеком во Франции. За его плечами — война, служба в саперных войсках, отравление газом, долгое лечение в госпитале, размышления об искусстве и своем предназначении. Демобилизовавшись в 1917 году, Леже снова вер-

нулся к живописи. «Я больше не блуждаю в потемках своих представлений... Я вижу ясно. И не боюсь признаться — меня сформировала война». К 1924 году, когда Надя появилась в его школе, он вместе с архитектором Корбюзье и Озанфаном уже разработал свое собственное направление — пуризм: чистые, не замутненные краски, простая живопись и простые архитектурные формы. Леже сразу обратил на нее внимание, а в один прекрасный день пригласил к себе — показать свои работы. Она была ошарашена — в его картинах был ритм современной жизни, урбанизация, индустриализация. Яркие краски, точные формы — но все это было так далеко от ее представлений об искусстве! Он знал, что ее французский далек от совершенства и принял ее молчание за восторг. А потом запел! И стал доставать рисунки, которые еще более ее озадачили.

Вскоре Надя перевелась в группу Леже. Никто не говорил ей, что делать в искусстве дальше, она сама должна была найти свой путь. Когда в школе Леже организовали выставку студентов, были показаны и работы Нади. Мечта почти сбылась! Только вот сомнения в том, что она делает, не давали спать по ночам. На выставку приходили разные люди, и одна из посетительниц, известная коллекционерка живописи княгиня Ноай, решила купить одну из Надиних картин. Узнав об этом, девушка решила, что это розыгрыш, и заяви-

Фернан Леже

ла, подыгрывая шутникам, что готова продать картину за 5 тысяч рублей. Тогда княгиня попросила скинуть тысячу. Картина Нади была продана за 4 тысячи франков! И это тогда, когда ученики Леже считали себя баловнями судьбы, получая за полотно по 50–60 франков!

Прошло два года в трудах, в привыкании к новой жизни, к новой культуре. А потом Надя поняла, что беременна. Стаса будущее отцовство отнюдь не обрадовало. «Ты кого хочешь — сына или дочку?» — спросила Надя. А он в ответ ее уда-

рил. И тогда она решила, что дальше пойдет по жизни без него. Зато у нее будет ребенок!

Родилась девочка, Ванда. Наде было трудно — одна с маленьким ребенком, бессонные ночи, недоедание, но школу не бросала, чуть выдавалась свободная минутка — бежала к Леже. Кончилось все тем, что она тяжело заболела — плеврит. Нужно было ехать на юг. И тут помог отец Стаса — он понимал, что такое его сыночек. Дал Наде деньги, девочку устроили на время в хорошую семью в деревне, и Надя уехала лечиться. Покой, воздух, хорошая еда и живопись — она рисовала своих соседей, окружающую природу и дарила свои картины. Ее в этой

французской деревне полюбили, а когда она уезжала, тепло провожали и приглашали вернуться. «Я им рисунки, а они мне — цветы в пред-рассветный час. Мне стало легче жить благодаря им».

Вернувшись в Париж, Надя принялась искать работу. Это было нелегко, но, в конце концов, она нашла место — устроилась прислугой в пансионе некой мадам Вальморан. Весь день крутилась как белка в колесе, зато ночь принадлежала ей: когда все засыпали, она брала в руки кисти и краски. Ну а в 6 часов утра снова была уже на рабочем месте...

Несмотря на все усилия отца Стаса, на его материальную поддержку и желание помирить сына с Надей,

семья окончательно распалась, но Надя не унывала. Жизнь продолжалась, и в ней — работа, маленькая Ванда, искусство. Но этого всего ей было мало — вспомнив, какую огромную роль в ее юные годы сыграла журнальная статья о современной живописи, Надя задумала издавать свой журнал. О том, что ей казалось сейчас очень важно и интересно. И она нашла редактора — Яна Брженковского, такого же бедного, как она, поэта, поляка, но хорошо знающего французский язык и французское искусство. Затем договорилась с типографией и вместе с Яном стала искать авторов, которые писали свои статьи бесплатно, из любви к Прекрасному. Потрясен-

ный ее замыслом Леже нарисовал обложку для первого номера, и дело пошло! В Надином журнале печатались тексты о Пикассо и Браке, Леже и Озанфане, Корбюзье и Мондриане, а какие к ним давались иллюстрации их работ! Увы, денег и энергии Нади хватило только на три номера, но они вышли!

Эта теперь уже молодая женщина не чуралась никакой работы — пыталась продавать свои картины, расписывала шарфы, убирала жилые комнаты в пансионе, мыла туалеты. И всегда была рядом с Леже, когда ему требовалась помощь.

Однажды в поезде она познакомилась с симпатичным молодым человеком. Он помог ей нести тяже-

*Надежда
Петровна
в мастер-
ской*

лые сумки, и они разговорились. Оказалось, что его зовут Жорж Бокье, работает он в министерстве почты и телеграфа и с детства любит рисовать. «Принесите мне свои работы», — сказала Надя, а потом, увидев их, предложила поучить его живописи и привела к Леже. Так началась их долгая дружба. Они оба были увлечены коммунистическими идеями и ходили на митинги, слушали пламенного Мориса Тореза.

Наконец Леже предложил Наде стать его ассистенткой в его Академии. О, счастье! Больше не придется мыть полы, вычищать туалеты. Теперь Надя вместе с Леже учила юных студентов и все больше проникала в суть творчества Леже, которое ранее принимала не полностью.

И рядом всегда был Бокье, и когда она снова тяжело заболела —

поняв, что в больнице для бедных она не выживет, он буквально вынес ее на руках из палаты и отправил в деревню, в Коллиур. Набравшись сил, она снова могла работать.

Осенью 1939 года во Францию пришла война. Бокье сразу же пошел в армию. Надя за ее связи с коммунистами оказалась под надзором полиции. К ней даже пришли с обыском, но ничего кроме перепуганной Ванды не нашли. Все годы войны Надя была бойцом Сопротивления, делала все, что могла, для освобождения своей второй родины от немцев, для поддержки советской армии. Леже, уже немолодой, отравленный газами в Первую мировую под Верденом, не годился для фронта, а видеть немцев на родной земле не мог. Он уехал с женой в США — звал Надю с собой, но она

осталась во Франции. Сбежала из Парижа на юг страны. Путь был трудный — под бомбежками, пешком, с двумя девочками — с Вандой и удочеренной сиротой Фридой. Осев в одной деревушке, Надя стала портнихой, выполняла заказы, а сама стала связной, передавала сведения, а порой и продукты, партизанам, маки. Вернувшись в Париж, она не порвала свои связи с Сопротивлением. И продолжала ходить по лезвию ножа. Ванда и Фрида тоже приобщились к борьбе с бошами — расклеивали листовки на стенах парижских домов. Однажды Наде пришлось скрываться, и она, коротко подстригшись, превратилась из жгучей брюнетки в блондинку. Жоржетт Пено — таково было ее имя. Сколько раз ей и ее Ванде грозила опасность, сколько раз нужно было покидать, казалось бы, укромное жилище и бежать, бежать...

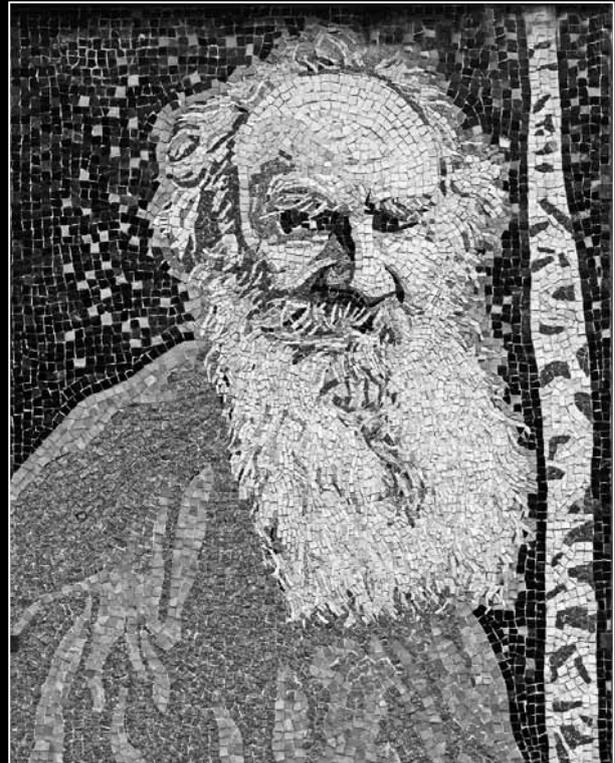
Но, наконец, война закончилась, и теперь Надя все свои силы отдавала помощи бывшим военнопленным. Требовалось много денег на их лечение, и она собирала картины — Пикассо, Матисса, Ренуара, других художников — на продажу. Собрала 150 картин, которые были проданы на аукционе. Выручили три миллиона франков, которые разделили между Обществом Красного креста и Союзом советских патриотов.

После войны вернулся из США в Париж Фернан Леже. И снова Надя была рядом с ним, в его Академии. Помогала ему вылезти из глубокой депрессии, найти новые идеи в искусстве. Помогала ему жить. И он понимал это.

В 1950 году умерла жена Леже Жанна, и спустя два года он предложил Наде выйти за него замуж. И она позволила себе в него влюбиться. «Он говорил мне: «Раньше

Мозаики Нади Леже

для меня существовало только искусство, и я был всецело поглощен этим, и женщины существовали для меня только как отдых. И вот... Дожил до семидесяти лет, чтобы впервые полюбить».

Они поселились за городом, в местечке Жиф-Сюр-Иветт — купили небольшой дом с садом. Теперь у каждого было по мастерской: у Леже — большая, у Нади — поменьше. Они оба много работали. А еще активно участвовали в культурной жизни страны. Когда во Францию приезжали советские режиссеры, музыканты, писатели, актеры — они обязательно бывали в доме Леже, где Надя с удовольствием говорила с ними по-русски, пела русские песни. А у Леже и раньше были рус-

ские друзья. В 1922 году он познакомился с Маяковским. В 1930-е годы в доме Леже бывали режиссеры Эйзенштейн, Юткевич. А в середине 1950-х годов — Касаткина, Ладынина, Васильев, Эренбург, Александров и Орлова.

Академию Леже пришлось закрыть — у них обоих уже не оставалось ни времени, ни сил на преподавание. Ванда выросла, стала взрослой, и теперь Надя полностью посвятила себя мужу. Они вместе работали и отдыхали, путешествовали, выступали на конгрессах, посвященных борьбе за мир. Наде очень хотелось поехать в СССР, показать Леже ее родину. Но 17 августа 1955 года его не стало. Инфаркт. На мольберте осталась незакончен-

ная картина. Цветы в вазе. Яркие, красивые. Картина называлась «Радость жить!»

За месяц до смерти он купил небольшой дом в живописном городке Бьоте на юге Франции, и теперь Надя решила устроить там музей Леже. Через десять лет она в торжественной обстановке официально подарила этот музей Франции.

Ей было трудно без Леже — но помогала работа. Надя увлеклась портретом — ей всегда были больше всего интересны люди. И она стала писать портреты тех, кто однажды сделал нечто, что изменило жизнь людей, повлияло на их умы — портреты великих.

В 1959 году Надя решила все-таки поехать на родину. Ехала она

не одна — с верным Бокье и двумя сыновьями Мориса Тореза. А вот и Зембин — городок, где умерли ее родители, где сейчас жила ее сестра Женя и братья. Последний раз она их видела, когда ей было 15 лет. Встреча была волнующей, грустной и, вместе с тем, радостной. В 1972 году Надя еще раз побывала в СССР, теперь уже с внучкой. Она собрала большую коллекцию репродукций мировой живописи, и в Советском Союзе были организованы передвижные выставки по малым и большим городам страны.

Позже она приезжала и в Зембин, и в Минск, а без Москвы уже не мыслила свою жизнь. Третьяковка с творениями великих русских художников привела ее в восторг.

В России она подружилась с Плисецкой и Щедриным, познакомилась с Шостаковичем и министром культуры Фурцевой.

Надя многое сделала для советско-французского культурного обмена и за это в 1972 году была награждена орденом Трудового Красного Знамени. К примеру, именно ей мы обязаны тем, что увидели Джонконду. Ей все нравилось в нашей стране. И она сделала нам огромный подарок — целый ряд замечательных работ Леже и своих, которые сегодня можно увидеть в Пушкинском музее. А еще она подарила коллекцию своих мозаик, на которых изображены выдающиеся люди ее времени. Когда-то они вместе с Леже восхищались мозаиками в Равенне. И вот теперь она делала свои мозаики. На них — Маяковский, Гагарин, Горький, Шостакович, юная партизанка Зоя Космодемьянская. И, конечно же, ее Леже. Всего мозаик 65. Публика увидела их в январе 1972 года на выставке в пригороде Парижа Малакоффе. После выставки Надя решила 60 мозаик подарить Советскому Союзу, и вагон с мозаиками оправился в Москву.

Надя Леже умерла 7 ноября 1982 года. Она была замечательной художницей и сумела свою жизнь превратить в настоящее произведение искусства.

А у ее мозаик, подаренных СССР, оказалась непростая судьба. Советские руководители культуры бы-

ли не готовы к такому щедрому дару. Долгое время вагон с мозаиками стоял на запасных путях. А потом стало известно, что Надя планирует приехать в Союз и посмотреть, как и где установлены ее творения. В это время в Министерстве культуры часто бывала заместитель директора Дома культуры в Дубне «Мир» В.Я. Мухоярова. В один из ее визитов в Министерстве было решено, что мозаики поедут в Дубну — город науки, международный центр ядерных исследований. Мозаики были установлены перед дубненским ДК. Выставка работ состоялась, после чего они так и остались стоять в сквере перед ДК. Время шло, а в России зимой температуры совсем не такие, как в Европе. Мозаики стали разрушаться. С какими-то портретами стали работать реставраторы, но несколько работ из-за сурового климата и ошибок местных реставраторов были потеряны безвозвратно. И только в 2024 году, совсем недавно, благодаря замечательным мастерам, в частности, Михаилу Полякову, удалось восстановить 14 панно. Еще 6 портретов в советское время были переданы в Белоруссию, в Зембин.

И сегодня мозаики Нади Леже живут и украшают наш мир, напоминая о великих людях, великих судьбах и о чудесной, яркой женщине, посвятившей себя искусству и любви — к большому художнику Фернанду Леже и своей родной земле. □

Ирина Путяева

Готические губы.
Ночь.
Луна.
Под сводами бровей —
иконостас
из глаз.
Стою и верую,
изверившись
сто раз,
в тебя,
черемуху,
цветущую сейчас.
Желанная.

Вся в белом,
как свеча.
Слегка коснулась твоего плеча.
Любимый мой,
я также горяча.
Мы будем просыпаться по ночам.
Мы будем осыпаться,
как цветы!
Все кончится еще до темноты:
вложили бубен
в руки
палача.

Ты из снов моей юности...
Эти губы,
пока парим,
пересохшие, точно дюны,
истоскуются по твоим.
Манекен
стоит,
улыбается:
всяк по-своему
сир и тлен!
Без разбора

песок
врывается
в пересохшие
русла
вен...
И ждала, и любила, и верила,
знала я наизусть:
ступишь в воду —
я стану берегом,
поплывешь —
другим обернусь...

Не всегда мы были
лживы.
Мы любили крики чаек.
Отчего, пока мы живы,
душ своих не приручаем?
Если жизнь чего-то стоит,
то и к смерти не придраться,
умереть
и попытаться
сделать вид, что все пристойно...

Будет свет настольной лампы
птицей раненой кружиться,
и никто не скажет
— Ладно...
...свет гаси... пора ложиться...
Но...
еще я верю в чудо
и в друзей своих объятья, —
ведь не выковал Иуда
гвоздь для Божьего распятия...

Льется свет в проем оконный.
Строго смотрят образа.
Мироточа, на иконе
Скорбно выступит слеза.
За крестинами — венчанье.
Колокольня зазвенит...
И колечком обручальным
Солнце катится в зенит.
Небо, словно в незабудках.
Безмятежно, не спеша,
Сядет сизою голубкой
В руки Господа душа.

Журавлей растает стая.
У меня в глазах слезинки.
Нет — травой не зарастают
Моей памяти тропинки.
Запишу в дневник украдкой,
Доберусь до самой сути.
Светлый луч лежит закладкой
На страницах книги судеб.

Тайна реки Яузы

Любая река имеет исток и устье, это аксиома. Вот и главный приток Москва-реки Яуза, начинаясь в подмосковных Яузских болотах, впадает в Москва-реку недалеко от Кремля, в районе Большого Устьинского моста. Впрочем, в отличие от исторического центра, на окраине Москвы, в своем верхнем течении Яуза сохранила свои естественные берега. В последнее время верховья главного столичного притока преобразились — здесь был разбит самый крупный в Европе природно-ландшафтный парк «Яуза», вновь появились бобры, оставляющие на стволах деревьев своими острыми зубами характерные отметины, и рыба.

Тайну названия этой небольшой, всего-то 48 километров от истока до устья, неглубокой и неширокой реки, местами напоминающей ручей, пытались разгадать давно. Предания рассказывали якобы о княгине, которая в стародавние времена была вынуждена из-за поломки своей кибитки переправляться вброд и замочившей подол платья. При этом она воскликнула «Я уза!» (я промокла), что и дало название нынешней речки. Впрочем, подобная история к действительности не имеет никакого отношения.

На самом деле Яуза впервые упоминается в летописи под 1156 годом как Ауза. Знаменитый советский филолог и лингвист Владимир Топоров выводил происхождение названия реки от балтийской основы, в частности латышской — *Auzes* и *auzajs*, *auzaine*, то есть «стебель овса, ость, солома». И действительно, в прошлом, а местами в парке «Яуза» и в наши дни берега реки густо покрыты зарослями. Кстати, Яуза не одинока — у нее есть тезки в Смоленской и Тверской областях, что лишь подтверждает версию Торопова: в далеком прошлом эти земли населяли финно-угрские племена.

А вот что действительно интересно и не дает покоя исследователям, так это огромная речная долина московской Яузы, явно не сопоставимая с размерами самой реки. Создать такую долину маленькая Яуза ну никак не могла. Отсюда вывод — Яуза течет не по своей долине, а по чужой! Именно к такому оригинальному выводу пришел исследователь малых рек, ученый-биолог Юрий Насимович.

Согласно его оригинальной версии, огромная речная долина некогда принадлежала реке Клязьме, которую та, собственно, и

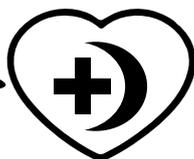
создала. Но и это еще не все. Как показывают данные геологических отложений, Яуза, в отличие от некогда плескавшейся здесь в доледниковый период полноводной и глубокой Клязьмы, течет ныне ровно в противоположном направлении, с запада на восток. Но как же одна река могла уступить свое место другой?!

Все дело в леднике. Перемещаясь по Восточно-Европейской равнине, он сдвигал земляные пласты — в результате часть долины древней Клязьмы отделилась или, на языке геологов, «отшнуровалась». Свято место, как известно, пусто не бывает — на освободившуюся территорию тут же хлынули воды протекавшей неподалеку Яузы. А воды Клязьмы сместились к северу, где она, собственно, и течет по сию пору, правда, сильно уменьшившись в размерах по сравнению с доисторическими временами. Такая вот история с географией.

День малинового варенья

Как хорошо всем известно, живший на крыше обаятельный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, да еще и с пропеллером, просто обожал малиновое варенье. Которое он, ничтоже сумняшеся, поглощал банками. В нашей стране тоже очень много тонких ценителей этого сладкого лакомства. История праздника малинового варенья зародилась еще в прошлом веке, а в наши дни она получила свое второе рождение. Малина, будь то садовая или лесная, вообще с давних пор одна из самых любимых ягод в России. На Руси этот день называли незатейливо и просто — малинником. Малину ценили во все времена за ее вкус и полезные качества и использовали не только как продукт питания, но и как целебное средство против простуд и для повышения иммунитета. Малина очень любима и широко используется в кулинарии (пироги, желе, кисели и так далее). Ее заготавливают впрок самыми разными способами — сушат, замораживают, варят компоты и варенья. День варенья из малины — признание в любви этому десерту и повод встретиться с друзьями и родными за чашкой чая.

Один день из жизни волонтера военного госпиталя в Луганске

— Мать, я это... как сказать-то — прозвучал как иерихонская труба голос за спиной.

Я вздрогнула, обернулась к солдатику, позывной которого был «Медведь», и уперлась прямо в глыбу — атлант! Наверное, на Руси богатыри такими были, промелькнуло у меня в голове под бешеный стук молоточков в сердце.

Мне некогда, тороплюсь, копаюсь в коробках, пытаюсь быстрее собрать хоть что-то ребятам в дорогу. А тут он, долговязый увалень. «И как тебя в окопы-то взяли, глыбу такую, айсберг», — ворчала я, когда пыталась хоть что-то натянуть на этого человека-гору, но ему все было мало. За ночь из нескольких камуфляжей, исколов все пальцы в кровь, слепила из того, что было, брюки, которые были ему как шорты, а гимнастерка с длинным рукавом превращалась в безрукавку! Ну медведь, как есть, медведь!

— Мать, я ведь тоже сегодня с ними уезжаю! — сказал он и осекся, как — будто ком в горле застрял...

Я посмотрела на него: стоит глыба, надо мной нависая, а лицо растерянное как у ребенка! А он и есть ребенок! Мать рано умерла, отец спился, и мальчика воспитывала бабушка, а как померла, тут же в детский дом угодил! Ребенок, как есть! Не могу поднять головы, слезы ручьем каплют, и слова не сказать! Поэтому, не глядя ему в глаза, говорю в пол:

— Как же мы без тебя здесь, увалень такой! На вот, примерь, всю ночь шила, как чувствовала, что к расставанию, — и пихнула камуфляж так, чтобы поглубже, чтобы окончательно не разрыдаться.

«Медведь» помялся, взял камуфляж, развернулся, постоял и поплелся, по-детски косолапя, примерять обновку.

Зайдет ли проститься? Что сказать на дорогу ему, теленку не облизанному, какие слова подобрать?

Как мы его только не звали, но добряк только улыбался, запрокидывал чубатый лоб, топорно поправляя волны огненно-рыжих волос. Одной лапищей носилки поднимал как пушинку. Сам ведь еще был не окрепший после ранения, а помочь нам старался, как будто восполнить хотел недостающего материнского тепла...

Что могла, насобирала, девочки подсуетились, тоже свои припасы вытряхнули. В такие минуты хочется все отдать, кожу бы с себя сняла, знать бы, что уберезет это их от пули-дуры...

Волоку баул, времени совсем нет! Дисциплина строгая, командир дает команду, и все, три минуты на сборы!

Вот только что как детки за школьным завтраком шутили, кто-то что-то вспоминал, а кто-то молча доедал скромный завтрак военного госпиталя, хмуро опустив повзрослевшее от войны лицо над тарелкой, а тут команда, и бойцов как ветром сдуло! Дисциплина! Кто говорит, что в армии нет дисциплины, тому глаз вон!

Бегу по лестнице, как назло, мешок то и дело цепляется за перила, тяну, ругая себя за свою неповоротливость и накопившуюся усталость.

Усталость накапливается к вечеру, а утром встаешь, пока все спят, забыв о вчерашней суете, беготне, с новыми силами, как будто Боженька ночью ходит и раздает каждому силы и любовь к ближнему. Поблагодаришь небеса за ночь тихую и день грядущий, попросишь такой же, и бегом к импровизированному буфету, чтобы придумывать что-то к чаю! Завтрак в госпитале — это одно, а у нас в холле — это церемония. Ребята чай-кофе пьют, как будто души отогревают, лица и руки, еще вчера закопченные, уже отмыты, и они с аппетитом едят печеньки с маслом, как в детстве. Помните такие, когда между двумя печеньками положено масло? С Лелечкой вечером наделаем таких «бутеров» из детства, и то радость — хоть что-то к чаю бойцам.

И так хочется каждого по головушке погладить, по-матерински, да нельзя. Только и делаешь, что борешься с выплескивающимися чувствами, которые проявляются нахлынувшими слезами. Нельзя мне плакать, никому из нас нельзя. Не любят мужчины женских слез!

— Отставить сырость разводить! — басисто проговорил «Медведь».

Ой, «Медведь», — спохватилась я, уезжает же малой! Господи, силы небесные — помогите!

Я тащу мешок, шкребя им по лестнице, тороплюсь, надо ведь его проводить, сам постесняется второй раз придти попрощаться!

Уже на выходе из госпиталя вдруг понимаю, что идти стало как-то легче, оборачиваюсь и вижу: «Медведь» лапой своей мешок поднял и тихонько идет сзади...

И все, не смогла удержаться, разрыдалась в голос от его слов:

— Мааать, матушка, дай обниму, не увидимся больше, наверное... — Он загреб меня, высоко поднял — а я «девушка» в теле, далеко не Дюймовочка — и сказал: — Матушка, спасибо за все, родная! Помолись за раба Божьего Сергея, некому за меня ни молиться, ни плакать ...

— Конечно, сынок, — отвечаю я, а слезы продолжают душить, мешая выдать слова. — И помни, не было у тебя матери, а теперь все женщины России тебе матери, не было у тебя отца, а теперь все отцы России тебе отцы! Вернешься, найди меня! Обязательно, слышишь, — из последних сил выдавливаю я из себя.

Вот ведь как получилось: не дал Бог сына в миру, так вот тут нашла!

Лапищи его разомкнулись, поставив меня на ватные ноги, и помчался мой увалень, по-детски косолапя и держа двумя пальцами неподъемный мешок с гостинцами и кое-какой одеждой....

Тишина стояла, даже водители не сигналили, и Мухтар, вечно путавшийся под ногами, уныло пискнул и ушел в наспех сделанную увальнем, по моей просьбе, будку — как будто обиделся, что с ним увалень, таскавший его за пазухой щенком, не попрощался!

Через минуту стали возвращаться звуки, слышались голоса, рев двигателей, голос командира что-то кричал из соседней машины. Вот и все! Вздогнули, зарычали моторы, громадные военные машины проглотили наших детей в своих железных чревах. Колонна тронулась...

А я, оглохшая от боли, шума и горечи, стояла в облаках пыли, не понимая, как же теперь? Куда вы, детушки?! С каждой отправкой вот так же сердце в осколки, но сегодня особенно больно! Увалень, айсберг, сынок

Куда ты, родной?! Как ты там, Господи, такой неуклюжий и большой, как мишень для прицела, как ты там будешь без меня?

Я вдруг словно отделилась от тела и увидела себя со стороны: стоит женщина, сутулая от усталости, и плачет.....

И вдруг я как закричу:

— Мухтар, ко мне!

Собака радостно завизжала, выскочив из будки, одним прыжком подбежала ко мне, завиляла хвостом — наконец-то вспомнили и о ней — и, извиваясь, заглянула мне в глаза, словно спрашивая: догнать надо?

Я погладила его и прошептала:

— Беги, Мухтар, простись с «Медведем», а мне будет повод еще раз обнять сына названного и сказать, что без него мы пропадем, чтобы берег себя!

И как сорвусь с места от мысли, что не будет больше встречи, не скажет мне больше «матушка» своим как иерихонская труба голосом...

Бегу, спотыкаюсь, колени в кровь, Мухтар не отстаёт, рядом бежит и повизгивает.

— Сынооок, Сереженька, дитя мое названное, возвращайся, прошу тебя, живым возвращайся! — кричу я, стараясь перекричать грохот тяжелой техники.

Меня не видно в клубах пыли. Может, и хорошо, что не видел Сереженька слез моих, не слышал моего отчаянного крика раненого зверя: Серееееееееенька.....

Я падаю на разбитые в кровь колени, не чувствуя боли, скребу землю пальцами — они тоже в кровь — и шепчу: «Сынооок, как же я тут без тебя, как...»

Мухтарушка облизывает мои щеки, мокрые от горьких слез и безысходности, тем самым приводя меня в чувство!

Возвращайся, сынок!

Возвращайтесь все живыми! А мы тут за вас молиться будем и ждать....

Ах, сынок, Сереженька... □

Александр Клевицкий

Александр Клевицкий — композитор, дирижер, автор многих популярных песен российской эстрады. Его произведения исполняли Иосиф Кобзон, Зураб Соткилава, Михаил Боярский, Валерий Леонтьев, Тамара Гвердцители, Дима Билан и другие звезды. Сегодня он посвятил себя академической музыке и является художественным руководителем и главным дирижером Академического большого концертного оркестра имени Силантьева. А еще заслуженным деятелем искусств Российской Федерации.

В жизни Александр Леонидович — энергичный, талантливый и открытый человек. «Неуспокоенный», как он сам себя называет. В своих социальных сетях композитор выкладывает фотографии, где он то щуку ловит, то на гидроцикле катается, то печенье печет, то оркестром дирижирует. В его судьбе было столько ярких событий и выдающихся людей, что впору книгу писать. В этом году он отмечает свое 70-летие. И, кажется, это самый расцвет его творческого пути.

«Я еще не все сказал, точку ставить рано»

Фотографии предоставлены пресс-службой радио «Орфей»

— Видела вас на сцене и пыталась соотнести ваше 70-летие и то, какой вы на сцене, как общаетесь. На мой взгляд, энергетика абсолютно не вяжется с этими цифрами. А как вы себя

ощущаете? Воспринимаете этот возраст?

— Ну, чисто на слух меня эти цифры, конечно, пугают, но я их совершенно не ощущаю. Мне хочется еще много чего сделать, и, к сча-

стью, энергии пока хватает. У меня есть хороший пример — композитор Верди, который каждое свое новое сочинение писал все лучше и лучше, лучше и лучше и все время развивался.

— Откуда же вы черпаете энергию? Заряжаетесь от слушателей?

— Я очень часто подпитываюсь энергией от зала. Конечно, на сцену выхожу уже «заряженный», но когда вижу, как публика воспринимает и реагирует на музыку, это заряжает еще больше!

— Как вы творчески отмечаете свой юбилей в этом году?

— У меня прошло два больших концерта по случаю юбилея: в Большом зале Московской консерватории и в Театре Эстрады.

— Расскажите о вашем концерте в консерватории.

— Там была исполнена симфония «Русские картины», посвященная картинам русских художников. Я очень люблю живопись. Смотрю на картину, и в голове рождаются какие-то музыкальные образы — у меня так глаз устроен. Я много проработал в кино и никогда не писал музыку, не отсмотрев материал. Мне нужно было увидеть, что снято, чтобы передать те эмоции, которые рождаются от просмотра картины. Тут произошло то же самое. Я в очередной раз рассматривал какие-

то картины, и вдруг у меня родилась идея новой симфонии. Ее исполнил оркестр имени Силантьева, а дирижировал мой друг, блестящий музыкант Александр Соловьев. Еще был исполнен концерт для фортепиано с оркестром. Солистка — великолепная пианистка Екатерина Мечетина. И еще одна премьера — концерт «Грустная летняя сказка для гобоя и оркестра».

— В Театре Эстрады у вас был песенный концерт...

— Я всегда был сторонником красивой мелодии, и мои песни не искусственные, они наполнены внутренними переживаниями. У меня есть такой прием: когда я сочиняю музыку, я мысленно сажаю себя в зал и представляю себе, что бы сейчас хотел услышать. И, в зависимости от своего настроения, слышу эту музыку и записываю ее. А на концерте в Театре Эстрады мои песни исполнили Сергей Пенкин, Ефим Шифрин, Анна Бутурлина, Марим Мерабова, Аскар Абдразаков, Этери Бериашвили, группа «Пятеро» и многие другие замечательные артисты.

— Какой самый запоминающийся подарок вы когда-либо получали?

— Самый запоминающийся подарок я очень хорошо помню. С ансамблем «Добры молодцы», в котором я тогда работал, мы приехали на гастроли в Челябинск, и с собой я взял маленький транзистор, потому

что на радио впервые должна была прозвучать моя песня. В моем гостиничном номере собрался весь ансамбль. Наконец трансляция начинается, и диктор объявляет: «Александр Кривицкий. «Храните, люди, шар земной». Исполняет Иосиф Кобзон». Кривицкий! А я ведь Клевицкий! Фамилию перепутали! Да, первый блин был комом, но, тем не менее, моя песня прозвучала, и все ее услышали! Такой вот подарок судьбы.

— В социальных сетях вы выкладывали несколько видео, на которых ваша внучка Алиса впервые выступает в Рахманиновском зале Московской консерватории и исполняет ваш «Сказочный марш». Вы готови-

те ее к будущему классического музыканта?

— Она учится в ДМШ им. Ипполитова-Иванова по классу фортепиано. Но ей всего 11 лет, и как дальше сложится ее судьба, станет она музыкантом или нет, пока трудно сказать. Способности у нее очень большие. Если она выберет музыку, я буду рад, приятно осознавать, что кто-то продолжит твое дело.

— Вы ей помогаете?

— Ну, если только просит. Она девочка своенравная, с характером. Занимается, к сожалению, не так много, как хотелось бы. Но то, что у нее большие способности, я обнаружил, когда ей еще не было двух лет. Я понял, что у нее абсолютный слух,

а это огромное преимущество для того, чтобы заниматься музыкой.

— Вам было 53 года, когда из эстрады вы ушли в академическую музыку. Почему вы на это решились?

— Я вообще довольно поздно начал писать музыку. Свою первую песню сочинил, когда мне было 25 лет. У меня были успехи, и какие-то песни стали известными. Но сам песенный жанр был для меня узок. Я понял, что в этой музыке не смогу высказать все, что во мне накопилось, почувствовал, что созрел для того, чтобы высказаться в более серьезном жанре. И только академическая музыка наиболее полно позволяет композитору высказать

свои мысли и чувства, она бесконечно многогранна, многолика, многообразна.

— Эстрадное прошлое не мешает при создании академической музыки?

— Скорее академическое настоящее мешает созданию эстрадных песен. Раньше написать песню не составляло для меня ни малейшего труда, я мелодии буквально «выплювывал». Но музыкальная эстетика за последние годы кардинально изменилась, мелодии практически не осталось, остался только ритм и какой-то недоразвитый мотив. Я так не могу. Мне хочется написать какую-то красивую мелодию. Но однажды мой близкий друг Владимир

Шаинский сказал: «Запомни, композитор, который напишет хорошую песню, он и симфонию напишет, а наоборот не бывает».

— Как вы сочиняете музыку? Как Петр Ильич Чайковский, каждое утро садитесь за стол и «приманиваете» музу?

— Петр Ильич Чайковский — мой кумир. Я считаю, что его музыка — высшее, что когда-либо было написано. И я хотел бы, как Чайковский каждое утро садиться за стол и «приманивать» музу, но, увы, у меня так не получается — приходится ездить на репетиции, дирижировать оркестром. Поэтому я в основном сочиняю в отпуске, летом.

— Александр Леонидович, вам в жизни повезло на людей. Среди ваших друзей и знакомых множество прекрасных талантливых людей. Кто из вашего окружения оказал наибольшее влияние на вашу жизнь?

— Я очень благодарен судьбе, что встретил в своей жизни многих замечательных людей, музыкантов. Уже много лет дружу с Александрой Николаевной Пахмутовой, дружил с Евгением Павловичем Крылатовым, с Юрием Сергеевичем Саульским. Мне повезло, что я достаточно в молодом возрасте оказался в Союзе композиторов и познакомился там практически со всеми самыми выдающимися композиторами нашей страны. Я был гораздо моложе их,

но у меня была студия, и я помогал им делать модные аранжировки. Они с удовольствием со мной сотрудничали, а я учился у них.

Никогда не забуду, как я приезжал после работы к Александре Николаевне домой, мы садились пить чай, разговаривали. А потом Александра Николаевна из своего шкафа доставала партитуры и досконально разбирала со мной музыку Дунаевского, Соловьева-Седого. Это была настоящая композиторская школа. Поэтому я считаю себя ее учеником. Это были незабываемые времена.

— Какой главный совет Александры Николаевны вы запомнили?

— Не совет, скорее пожелание. На моем 60-летии она произнесла в мою честь тост: «Сашенька, я буду самым счастливым человеком, когда услышу большое количество твоей музыки в эфире. Это наша профессия. Нужно не только написать, но и сделать так, чтобы эта музыка стала достоянием слушателей». Вот эти ее слова я запомнил.

— Ваши песни исполняли Иосиф Кобзон, Анна Вески, Тамара Гвердцители, Зураб Соткилава, Михаил Боярский, Витас, Дима Билан и многие другие. Работа с кем запомнилась вам больше всего? И почему?

— С каждым из этих артистов было очень приятно работать. Ну а запомнилась, например, история, ког-

да пришел записывать мою песню Иосиф Давыдович Кобзон. Спел ее с первого дубля, и я ему говорю: «Иосиф Давыдович, давайте второй дубль!» «Саш, а чем тебе первый не понравился?» «Мне очень понравился. Но вдруг второй будет еще лучше?» Он согласился, спел второй дубль — абсолютно одинаково с первым.

— А с кем работать было сложнее всего?

— Очень здорово было работать с Валерой Леонтьевым. Я получил колоссальное удовольствие. Это такой трудоголик, такой потрясающий артист! Пока он не добился того, что ему было нужно, переписывал. Это была песня к кинофильму «Я экстрасенс». Я тогда для себя подметил, как этот артист замечательно рабо-

тает — что на концерте, что в студии. Он себя буквально сжигал.

— Как вы относитесь к современной музыке? Может быть, дети и внуки вам что-то включают?

— Плохих жанров не бывает, но сегодня упор в основном делается на ритм, а не на мелодию. Я же сторонник красивой мелодии. Поэтому, скажем, рэп меня не трогает вообще, мой мозг не успевает следить за словами. Но я профессионал и не могу судить по принципу «нравится-не нравится». Я понимаю, как это сделано, и понимаю, увы, и то, что это именно «сделано». Песни теперь не сочиняют, их делают. Но раз это существует, раз кто-то это производит, значит, кто-то это покупает. Я в данном случае не покупатель, потому что знаю, как это делается

чисто технологически. А самому, 70-летнему человеку, делать это смешно. Каждому овощу свой срок.

— Что сейчас есть в вашем плей-листе?

— Когда в машине еду, у меня включена либо какая-нибудь разговорная станция, либо «Орфей». Мне очень нравится сегодняшней формат радио «Орфей», я с удовольствием его слушаю и горжусь тем, что к нему принадлежу!

— Вы автор гимна спортивного общества «Динамо» на слова Ильи Резника, хотя сами всегда болели за «Спартак». Как так получилось? Ваша любимая команда или ее болельщики не обижались на вас?

— А я никогда не болел за московский «Спартак». У меня вообще нет любимой команды, я люблю сам про-

цесс. И это относится абсолютно ко всем видам спорта. Я восхищаюсь мастерством этих людей. А в футболе почему-то всегда болею за команду, которая слабее. Мне всегда хочется какой-то сенсации, чтобы слабый обыграл сильного.

— А как же получилось, что вы сочинили гимн для команды?

— Мне очень понравились стихи Ильи Резника, и как-то сразу родилась мелодия. Такой спортивный марш получился!

— Вы сыграли в эпизоде одного из моих самых любимых фильмов, в «Чародеях». А еще написали аранжировки ко многим песням из этой кинокартины. Расскажите, как это было?

— Я уже говорил, что был тогда музыкальным руководителем вокально-инструментального ансамбля

«Добры молодцы», а еще делал аранжировки, репетировал с коллективом, играл на клавишах. И вот как-то мне позвонил Евгений Павлович Крылатов и сказал, что пишет музыку к кинофильму, который будут всегда показывать на Новый год, и меня ему рекомендовали как аранжировщика. Мы встретились, познакомились и подружились. Как сейчас помню, мы как раз поехали в Сочи на гастроли, жара, все мои музыканты перед концертом купаются, а я сижу в номере и пишу, пишу, пишу... Но самое смешное было потом, когда я уже сделал аранжировки, и мы это все записали. Крылатов был безумно доволен, и режиссер Константин Бромберг был доволен. У нас начался отпуск, и вдруг мне звонит Крылатов и говорит, что Бромберг очень хочет, чтобы ваш ансамбль вошел в этот кинофильм, в каких-то сценах снялся. А из всех музыкантов ансамбля в Москве только трубач, бас-гитарист, певец и я.

В итоге вместе с «Добрыми молодцами» в фильме снялся мой родной брат Миша — он барабанщик!

— Ваш любимый композитор Петр Ильич Чайковский «заболел» музыкой в пять лет. Расскажите, а когда это случилось с вами?

— Музыкой я начал заниматься очень поздно. Обычно детей отдают в музыкальную школу лет в пять-шесть, а я пошел в десять. Раньше существовала такая практика: по обычным общеобразовательным школам ходила комиссия, кото-

рая отбирала детей с музыкальным слухом. Вот и меня так прослушали, попросили что-то простучать, оказалось, что у меня абсолютный слух. Вызвали моих родителей, сказали, что такого талантливого мальчика давно нужно было учить музыке, и меня порекомендовали в Московскую хоровую капеллу мальчиков. Хотя остальные ребята там уже учились несколько лет, а я совершенно ничего не знал, я очень быстро их догнал и стал одним из первых учеников. Одним из моих любимых предметов было сольфеджио. Помню, учитель что-то объясняет, а у меня странное чувство, что я уже когда-то это слышал, что я это все знаю...

— Но в итоге из капеллы вас отчислили... За что?

— О, это замечательная история! Я и мой дружок по капелле записались в зоологический кружок. Был апрель, и мы с ним решили запустить ракету. Купили валидол (нам нужна была металлическая труба от него), я стащил у папы пленку из фотоаппарата (она горела как бензин). Смастерили ракету, достали охотничьи спички и в Староконюшенном переулке, где располагалась капелла, запустили ее. Она сначала не полетела, а потом кааак полыхнет! Одним словом, все получилось как в плохом фильме: ракета угодила в кабинет биологии, ровнехонько в стоявший там скелет, и рассыпалась на горящие осколки. А в кабинете хра-

нились гербарии, которые нас заставляли к 1 сентября приносить... Воды в кабинете нет, только аквариум с рыбками, вот и пришлось нам заливать пожар этими рыбками. В итоге меня отчислили из капеллы за плохое поведение... и увлечение музыкой «Битлз».

— Пишут, что вы были причастны к запуску проекта «Утренняя звезда». Это так?

— Да, это чистая правда! После работы в Союзе композиторов я ушел в Российское информационное агентство, РИА «Новости», где десять лет проработал главным музыкальным редактором. И как-то заглянул ко мне на работу в гости мой приятель Юра Николаев, и мы стали с ним смотреть на видеомагнитофоне кассету с записью американской программы Morning Star, после чего пришли к выводу, что надо делать свою такую программу. Потом к этой идее подключился Сергей Лисовский. Так вот родилась «Утренняя звезда». Я написал первую музыкальную заставку к этой программе и даже нашел первого спонсора, а потом частенько бывал в составе жюри этой программы.

— В одном из интервью вы рассказывали, что занимаетесь звукозаписью, дома в кабинете у вас небольшая электронная студия для сочинения музыки. То есть вы дружите с цифровыми технологиями?

— Не просто дружу с цифровыми технологиями, я с ними давно «на ты»! Я был одним из первых музыкантов в нашей стране, кто начал этим заниматься. Мне было 14 лет, когда я в музее Скрябина познакомился с молодым Эдуардом Артемьевым, который показал мне первый синтезатор и объяснил, как он устроен. На меня это произвело колоссальное впечатление, я буквально заболел им. Это сейчас трудно себе представить, но тогда это было каким-то абсолютным чудом. Потом, уже в более взрослом возрасте, когда стали появляться настоящие фирменные синтезаторы, я был одним из первых, кто начал их использовать. Я всегда слежу за всеми техническими новинками и музыкальными компьютерными программами и умею ими пользоваться.

— Как вы считаете, сможет ли когда-нибудь искусственный интеллект создать настоящий шедевр?

— Программы, которые могут сделать аранжировку и записать мелодию, давным-давно существуют. Может, сегодня и появилось что-то новое, но просто более совершенное технологически. Я думаю, что качественную музыку может, а вот насколько это будет оригинальная музыка — большой вопрос... Похожая — да. Но, возможно, и оригинальную сможет. Допускаю.

— Какой из ваших работ вы больше всего гордитесь?

Не могу ответить на этот вопрос. Я в принципе горжусь тем, что я музыкант. А больше всего люблю то

произведение, над которым сейчас работаю. Пожалуй, больше всего люблю сам процесс творчества.

— А есть музыка, которая сильно повлияла на вас и буквально разделила вашу жизнь на до и после?

— Скорее, не музыка, а встреча! В 1988 году, когда мне было 34 года, в Москву приехали 23 выдающихся американских сонрайтеров, песни которых в те годы исполняли и Мадонна, и Джордж Майкл, и Майкл Джексон — мировые звезды первой величины. Это был проект «Музыка громче слов», Music Speaks Louder Than Words. И на встречу в Гнесинском училище с американцами пришли наши композиторы-песенники, в том числе Давид Тухманов, Вла-

димир Матецкий, Игорь Крутой, который тогда еще не был таким крутым, Игорь Николаев, Олег Газманов. И я, совсем еще зеленый, начинающий композитор. Каждый из нас выходил на сцену и играл свои произведения. У меня тогда особо известных песен не было, я ждал своей очереди и мучительно думал, что же делать. В итоге сообразил, вышел и сыграл (а играл я хорошо) Hey Jude. Что тут началось! Все вокруг меня столпились и стали хором со мной петь.

На следующий день ко мне домой приехали американцы с переводчицей, и мы с ними вместе написали песню, которая называлась «Наташа». А потом они отказались писать со мной песни и сказали: «Саша, мы так тебя полюбили, мы хотим, чтобы

ты вошел в историю. У нас вся делегация крутая, но есть самая большая звезда, и мы хотим, чтобы ты написал песню именно с ним!» Через день я открываю дверь, и заходит дедуся (мне так тогда казалось, а ему было всего 55 лет). Это был легендарный Майк Столлер, автор всех хитов Элвиса Пресли, ближайший друг Пола Маккартни, человек, стоявший у истоков рок-н-ролла! Мы с ним очень подружились и написали песню, которая называлась Moscow Is You.

— Что в итоге стало с песней «Наташа»? Какова ее судьба?

— О, это невероятная история. Американцы уехали. А по условиям проекта все написанные нами песни должны были быть исполнены американскими звездами. Так вот, прошел где-то месяц, и вдруг звонок по телефону. Звонит Володя Матецкий: «Ты стоишь или сидишь?» «Сижу». «Тогда ляг. Песня «Наташа» твоя? Сейчас в ВААП пришел факс из Америки, что ее будет петь Майкл Джексон». Я не поверил и помчался в ВААП (сейчас это РАО): «Покажите факс!» Мне показали. Действительно написано: Том Келли, Билли Стайнберг, Александр Клевицкий, песня «Наташа». Исполняет Майкл Джексон. Если отказывается, то Джордж Майкл. В итоге ни тот, ни другой не спел, не сложилось. А спел ее мой соавтор Том Келли, автор мирового хита True Colors.

А вот если бы мою песню спел Майкл Джексон или Джордж Майкл,

я сегодня жил бы немного богаче! (смеется).

— Сейчас вы возглавляете Академический Большой концертный оркестр имени Юрия Силантьева. Чем эта работа важна для вас?

— Эстрадную музыку я любил с детства. Тогда оркестр Юрия Васильевича Силантьева практически не сходил с экранов. По вечерам, когда я ложился спать, представлял себе, как буду дирижировать этим оркестром. Как ни странно, всегда знал, что так будет. Именно знал, а не мечтал. Был у меня в детстве какой-то дар предвидения.

— И что же вы почувствовали, когда это произошло?

— Знаете, я ведь сделал все, чтобы уйти из музыки. Не специально. Просто так складывалась жизнь. Меня выгнали из капеллы мальчиков, не дали рекомендацию, и я из-за этого не мог поступать в консерваторию. Тогда я решил стать актером и поступать в ГИТИС, а в итоге пошел поступать в полиграфический институт на редакторское отделение (к счастью, не поступил). Поступил в Институт культуры, где, кстати, на курсе был одним из лучших. Потом была армия, и после нее довольно долгий перерыв. Одним словом, путь был извилистый. Но в итоге я оказался там, где должен был оказаться. И эта работа — огромная и очень важная часть моей жизни. Кстати, в следующем году оркестру испол-

няется 80 лет, и мы уже вовсю готовимся к этому юбилею.

— Не могу не спросить как у специалиста: у современного поколения клиповое мышление, они привыкли, чтобы все было ясно и коротко. Как увлечь их классической музыкой? С чего начать?

— Я думаю, что ничего с этим поделать нельзя, это обусловлено скоростью нашей сегодняшней жизни, так что надо просто принять как факт. Как автор я прекрасно понимаю, что сегодня удержать внимание слушателей крайне сложно, и совершенно сознательно стараюсь делать музыкальное развитие в своих сочинениях более компактным и динамичным, чтобы через какие-то короткие временные промежутки происходило что-то новое.

Но это мой композиторский опыт. Есть и более очевидный ответ: нужно преподавать музыку в школе, чтобы объяснять, в чем ее прелесть, как она создана, постепенно приучая к ней ребенка и вызывая у него интерес.

— Сейчас осень, но я знаю, что летом вы много времени проводите в своем загородном доме. Чем вы обычно занимаетесь на даче?

— Работаю, сочиняю, гуляю. Садоводством не занимаюсь, цветы люблю, но только любоваться ими, так что этим у нас занимается специ-

альный человек. Очень люблю ездить на машине, вообще люблю быть за рулем. В отпуске всегда стараюсь куда-то поехать, пусть даже по Золотому кольцу, которое я объехал множество раз. Или могу поехать в Рязань, с которой у меня многое связано. Или в Кострому. Вообще очень люблю путешествовать. В последнее время полюбил поездки на теплоходах, круизы. Во время таких поездок замечательно пишется. Кстати, свою вторую симфонию, премьеры которой состоялась в Московской консерватории, я сочинил именно на корабле.

— А гостей вы любите принимать?

— Очень! Но я достаточно далеко живу, да и многие друзья обзавелись собственными дачами, так что вытащить кого-то в гости бывает очень сложно. К тому же в отпуске я работаю, и иногда обидно тратить драгоценное время на посиделки — отпуск ведь так быстро заканчивается! Но гостей люблю и очень люблю готовить!

— Да, я знаю, что во время пандемии вы сами пекли чиабатту, овсяное печенье, медовик. Откуда такая страсть к готовке, к приготовлению выпечки?

— Это от папы и мамы. Они оба потрясающе готовили и чуть ли не дрались, кому готовить. Более вкусных котлет, которые делал мой па-

па, я не ел никогда и ни у кого. Это всегда был шедевр. А мама увлекалась выпечкой. Правда, частенько большую часть того, что они готовили, съедали мои друзья, которые у нас дома постоянно тусили. Мне же всегда было некогда, всегда было 150 000 идей...

— У вас есть коронное блюдо?

— Я совершенно обалденно готовлю жульен, фаршированную рыбу. Без ложной скромности: я вообще все умею делать, даже ветчину! Конечно, можно купить в магазине, но интересно же, когда своими руками.. А один раз делал сливочную помадку. 14 часов подряд!

— Можете назвать последнюю из прочитанных книг, которая вас поразила?

— Очень давно ничего не читал, а любимая книга — «Три мушкетера» Дюма. Обожаю! Что не фраза, то шедевр.

Если говорить о творчестве, чего нам еще ждать от вас?

— Я человек непредсказуемый, и сам не знаю, чего от меня можно еще ждать. Хочу писать музыку. Хочу сочинить третью симфонию. Все, что я делаю в жизни, я пропускаю через сердце.. И думаю, что еще не все сказал, так что точку ставить рано. □

Беседовала **Наталья Покачалова**

Бабочка Когню

3

Платон попросил Нину поехать с ним на его квартиру. Он получил ее в одной из башен Москва-Сити, когда стал комендантом.

— А жена? — спросила Нина.

— Мы в разводе, — коротко пояснил Платон, — живу один. У меня уже внуки.

Он не успел вызвать машину, как позвонил Борис Животное:

— Шеф, если поедешь к Писокотю, машину бери без охраны. Они тебя начали скрадывать. Зря ты меня с собой не взял. Всеми делами распорядится Ангина. Ее окружают человек десять отморозенных девок. Толик, Медный Упорос, уже ее заместитель. Завтра прощание с готихой, которую Сырок завалил. Кстати, шеф, что с деньгами делать? Там в общей сложности три миллиона юанями. Сегодня Сырок придет за своей долей, чтобы передать в общак. Ты обещал ему половину. Паханы не любят, когда их кидают...

— Скажи им, что деньги придется вернуть хозяевам.

— Они не поверят.

— Ну... Тогда придумай что-нибудь. Деньги верни Буденовцу Кардинала. Он хозяин сейфа. А про документы... скажи, что я забрал. Я сегодня покажу их Писокотю. Собираюсь к нему заехать, вот только на квартиру к себе загляну — переодеться. В камуфляже ведь не пойдешь.

Здание Агентства Новых Технологий, неприметный двухэтажный особнячок без вывески, затерялся в переулках Арбата, недалеко от Министерства Обороны. Платона здесь хорошо знали, а Нину остановили: «На девушку пропуска нет!» Платон небрежно махнул рукой: «Она со мной!» Позвонили в приемную Писокотя и только после этого пропустили. На стенах в коридоре висели карти-

ны известных мастеров, Нина удивилась: «Надо же, все подлинники!» Мраморная лестница вела на второй этаж. В приемной стояла мебель в английском стиле, обтянутая зеленым велюром. Вежливый секретарь в неброском, но дорогом костюме предложил подождать и угостил чаем с баранками. Писокоть сам вышел в приемную и широко раскинул руки, словно встречал дорогих гостей. В черном сюртуке с длинными лапами, воротник-стойку подчеркивала белая полоска сорочки. На шее крест с петлей — знак готов. Символ бессмертия.

— Полечу на похороны Вильгельмины... — Писокоть поправил крест на груди и добавил: — Зачем ты ее убил, Платон Укутович? Ты превысил свои полномочия.

— Я ее не убивал. Это трагическая случайность. Нам нужны были планы бунтовщиков из сейфа Буденовца Кардинала. Она встала на пути.

— Я вижу, Платон Укутович, ты тоже собрался на похороны. Так вот, мой тебе совет: не возвращайся на Остров. Комендантом назначена Ангина Игоревна Пидарей. Тебе нужно скрыться от фаеров. Они намерены мстить.

— Как вы можете так говорить! — перебила Писокотя Нина. — Напридумывали кличек, каких-то своих правил, людей сжигают заживо... как в крематориях. А что вы делаете в Кластере Карательной Косметологии?! Волосы дыбом встают.

Писокоть делано рассмеялся:

— Разве не вы сами этого хотели, Нина? Я играю с вами в одну игру. Вы все хотели новых ощущений. И вы получили их. И разве не вы подали заявление, чтобы ваш сын Ваня стал кадетом «Легиона»? А имена и клички... Бойцам, по большому счету, они не нужны. Бойцам нужны позывные. У тебя, Платон Укутович, какой был позывной, не забыл?

— У меня был позывной «Гудвин».

— Волшебник Изумрудного города. Был у тебя свой Изумрудный город. А потом он сгорел. Вам же стало скучно. Вам надоело быть Ваньками и Аньками! Вы придумали свой мир, а он стал огненным. И не добрым.

— Я полечу на Остров, — решительно поднялся с кресла Платон. — Если я виновен, пусть меня судят.

В этот момент у Писокотя утробно булькнула эсэмэска.

— Еще один труп, — сказал он, прочитав сообщение. — Борис Животное казнил Сырка Тревожного. Того самого, что вскрывал вам сейф. Он пришел за своей долей и получил от Бориса копье в горло.

Платон растерялся и пробормотал:

— Деньги отдадим владельцу сейфа — Буденовцу Кардинала.

— Может, лучше оставить их себе? Они вам сейчас пригодятся.

— Вам нужно всех нас превратить в преступников! — вскочила Нина. — И сделать подельниками.

Писокоть внимательно посмотрел на нее.

— Вы, Нино, не преступница. Вы обыкновенная предательница. Вы входили в штаб Сплава справедливости. А сегодня ночью вы встали на сторону бывшего коменданта Острова. Платон Укутович стал соучастником убийства. Я его не арестовываю только потому, что его прошлые заслуги велики. Вам советую тоже не появляться на Острове. Вас там встретит ваша давняя «подруга» Ангина Игоревна. Она откровенно вас не любит. Хелл Рейзер предатель, как и вы... А вот Толик, Медный Упорос комендантом Острова, на что вы рассчитывали, не будет... Кстати, кажется, вы собираетесь за него замуж?..

Нина ничего не ответила, и они с Платоном покинули кабинет. Говорить с Писокотем было не о чем.

А Писокоть взял единственный листочек, который лежал на его огромном, похожем на взлетное поле, письменном столе и прочитал: «Для внутреннего пользования. Характеристика. Акташев Платон, Агентурный псевдоним «Платон, в Ведре Укутыш». Наивен. Честен. Прямолинеен. Часто недоговороспособен. Проявляет упорство в достижении цели. Верит в идею офицерского братства. Перспектива карьерного роста отсутствует».

Писокоть включил аппарат для измельчения бумаг и сунул листок в щель. Аппарат утробно заурчал. Оставалось последнее — узнать цифры кода для включения горелок на Острове. Их знал только Платон. Писокоть позвонил Ангине Пидарей и приказал узнать шифр.

4

На выходе у Платона вежливо, но настойчиво, отобрали пропуск и объяснили, что автомобиль за ним не придет. А персональный вертолет переходит в пользование новому коменданту Острова. «Быстро у них», — подумал он и невольно усмехнулся. Они с Ниной двинулись в сторону метро «Арбатская». Платон приобнял ее за плечи и сказал:

— Перепелкина! Не переживай. У них такие методы работы. Добрый следователь — злой... Стравливают друг с другом. Ты заметила, что он сказал про Хелла Рейзера? Тоже предатель. Напекают на то, что ты у них на крючке. А ты правда собралась замуж за Толика Упороса?

— Никуда я не собралась. Легенду придумал Хелл Рейзер, чтобы ко мне меньше приставали фаеры со своими ухаживаниями. Но меня удивило, что Писокоть много знает. Слышал — он меня назвал Нино?

— Мне, кстати, понравилось. Нино... Хочешь, я буду тебя так называть?

— Называй, как хочешь. Ты — чалдон, а у моего отца мать была грузинка. Моя бабушка. Из какого-то княжеского рода.

— То-то я смотрю, у тебя нос с горбинкой.

— Мы куда сейчас идем, Платон?

— Надо возвращаться на Остров. Но, боюсь, там ситуация изменилась.

Он вызвал по телефону Бориса:

— Доложи обстановку!

— Обстановка — дрянь! Скрываюсь в нашем бункере. Тебя тоже ищут. Здание министерства подожгли. В отместку за Сырка. Хоронить их будут вместе — Вильгельмину и Сырка Тревожного. Как жертв режима!

— Ты зачем его убил? Как все получилось?

— Он стал требовать половину суммы. Я сказал, что нас было трое, и он получит треть. Он опять выхватил свой автомат. У меня на столе лежало копье готики. Ну и...

Платон представил, как все случилось.

Вот в кабинет к Борису заходит Сырок с рюкзачком на спине. Из-под полы ветровки торчат два коротких дула автомата. Борис объясняет:

— Нас же было трое? Значит, сумму делим на три части.

Сырок бледнеет:

— Мне обещана половина куша. Деньги пойдут в общак!

— У вас свои понятия. А у нас по справедливости, — отвечает Борис.

Сырок выхватывает автомат. Откуда-то, почти из-под крышки стола, вылетает готское копье со стальным наконечником. Вот и пригодились упражнения с самурайским мечом. Сырок хватается за горло, хрипит и валится на паркетный пол...

5

— Можно, я поеду с тобой за сыном, в Александровск? У меня в запасе сутки.

Нина внимательно посмотрела на Платона:

— Я буду даже благодарна тебе. Только Александровск по-прежнему провинциальный городок. Все знают друг друга. В таком наряде и с таким «иконостасом» на груди ты привлечешь внимание. Мне бы не хотелось опять попадать в пересуды. И так болтают, что попало.

— Ты права, конечно. Тогда еще раз заедем на квартиру, я переоденусь.

Нина в квартиру подниматься не стала. Сказала, что подождет Платона во дворе. Платон переоделся в худи, толстовку с капюшоном и джинсы. Тельняшку, берцы, полевую куртку и десантные штаны-комбаты побросал в брезентовую сумку. Туда же спрятал именную пистолет — он с ним никогда не расставался. Прихватил медицинскую аптечку, несколько гранат и штык-нож — полевой набор десантника. Сверху в сумку положил, аккуратно свернув, парадный костюм с наградами. Потом приклеил себе усы и бороду. Нина увидела его и почти не узнала. Когда он к ней подошел, она сказала:

— За нами следит какой-то мужичонка в плаще. Когда ты поднялся в квартиру, он консерьежке показывал удостоверение и о чем-то с ней договаривался.

— Это «топтун», наружное наблюдение. Я его сразу заметил, как мы только вышли от Писокотя.

— Усы и борода у тебя для конспирации?

— Непонятно, кто за нами следит... Писокотю это не нужно. Он мог бы меня арестовать прямо на выходе из Агентства. Может, паханы послали своих бандитов, чтобы вернуть заработанные деньги? Но, скорее всего, Ангина Игоревна. Ей совершенно ни к чему наше возвращение на Остров.

— Да не нужен мне ваш Остров! Я и Ваньку не хочу отдавать в «Легион», это Толик, Медный Упорос, настаивает.

— На Острове твоего Ваню заставят прыгать и бегать, стрелять из автомата, а не сидеть целыми днями за компьютером.

Они добрались до Ярославского вокзала, купили в кассе два билета до Александровска. Скоростная электричка шла всего сорок минут. Вагон представлял собой серебристые капсулы-ячейки, похожие на соты пчелиного улья. Комфорт и безделье стали приметамы пришедшего времени. Поколение воинствующих инфантилов. Людей, не желающих взрослеть. Платон называл их ИБД — имитаторами бурной деятельности. Остров ему нравился еще и потому, что инструкторы заставляли мальчишек действовать: ходить в походы, разводить костры, варить кашу и мыть посуду. Когда сам Платон как-то повел группу подростков в поход, он был обескуражен. Никто не умел ставить палатку, кипятить воду на костре. Помыть жирные тарелки с песком могла только одна девочка. Оказалось, она из семьи военного...

6

Капсулы Платона и Нины располагались рядом. По проходу между ними уже везли арктическое мороженое, глазированные бананы и китайское пиво в бамбуковых стаканчиках. Платон заметил «топтуна», который шел следом за продавцами и заглядывал в каждую капсулу. В кепке-восьмиклинке, в хромовых берцах и в куртке-худе, вместо тельняшки. Все-таки пацаны из сообщества АУЕ не смогли избежать влияния молодежной моды. Платон пониже надвинул капюшон и сделал вид, что уснул. Нину попросил отвернуться к стене. Но Нина уже заказывала мороженое, и, похоже, «топтун» ее заметил. Арктическое мороженое продавали в металлическом стаканчике с подогревом. Горелку не спрячешь в кармане. Островная мода пришла и на материк.

Когда выходили из электрички в Александровске, «топтуна» Платон не заметил. Платформу заполнили дачники и грибники с корзинами и ведрами. Конец лета выдался урожайным на грибы. Старухи шептались: «Плохая примета... Много грибов — к войне!» Платон не случайно напросился поехать с Ниной. На сутки, а лучше на двое, ему нужно было пропасть из Москвы. Кто станет искать его в провинциальном городишке?

До деревни Колпаково вела дорога из бетонных плит. Разговорчивый таксист перед деревней показал развалины усадьбы. Пояснил:

— Здесь жил зять известного олигарха. Сыр варил. А потом разорился и дом бросил. Пацаны собираются, по крыше лазят. А дом хороший еще, восстановить можно. Нашелся бы хозяин.

Их встретил Семен Прокопьевич Перепелкин, родной дядя Нины. Приземистый и бодрый старикан. Семен Прокопьевич работал сторожем на Дистанции путей и оказался человеком словоохотливым и гостеприимным. Он тут же потащил Платона посмотреть его плантацию на двенадцати сотках. «Раньше давали по шесть, — пояснил Семен Прокопьевич, — а теперь по двенадцать отваливают. Гуляй — не хочу!» И тут же, как фокусник, достал из ведерка с холодной водой бутылку виски.

— Надо, голуба моя, по маленькой, за знакомство... само-так.

Платон пробовал отнекиваться — рано, мол, еще пить, двенадцать на часах. Но потом, пересилив себя, граненый стакашек все же опрокинул. Увидев, как гримаса исказила лицо гостя, Семен Прокопьевич проворно сорвал пупырчатый огурец с грядки, обтер его подолом своей майки и сунул Платону:

— Не отчаивайся, само-так! Закусывай! Сейчас приживется.

Потом выпил рюмку сам и тут же спросил Платона:

— Ну, что у вас с Нинкой? Заверте?

— Что значит «заверте»?

— Что тут непонятного? Завертелось! Ты, я вижу, мужик взрослый. Племяшку мою не обижай. Баба еще молодая, а уже натерпелась. Мужик ей нужен, голуба моя. И ребятенка вам сразу завести. Дочку. Ксюхой назовете.

И, точно, заверте... Пили чай на веранде, с клубничным вареньем. Потом соседка Пелагея уговорила всех пойти в лес за грибами. Ванька тоже напросился в компанию. Платон переоделся в тельник, солдатские штаны и ботинки. Давно не был в лесу! Дошли до брошенной усадьбы сыровара. Столько грибов в своей жизни он не видел: белые с коричневыми шляпами, черноголовки — особого рода подберезовики, крепенькие и налитые, красноголовки — пузатые подосиновики, крепыши-боровики. Попадались подберезовики, грузди и гладены (осенние грибы на засолку). И ни одного червивого!

Остановились передохнуть на дворе брошенной усадьбы. Платон обстукал фундамент, осмотрел стены с облупившейся штукатуркой. Действительно, дом поддавался восстановлению. Потом сел чистить грибы. Семен Прокопьевич похвалил: «У нас в семье никто грибы не любит чистить. Только собирать!» Нина накрыла полянку в тени. Семен Прокопьевич взял с собой соленое сало, черный хлеб и холодную картошку. Пупырчатые огурчики, колючие, и репчатый лук тоже нашлись. Фронтальная фляжка Семена Прокопьевича призывно побулькивала...

А потом Платон уснул под яблоней, положив голову на колени Нины...

Вернулись из леса после обеда с полными корзинами грибов. Семен Прокопьевич затеял баню. Уговаривал остаться ночевать. Обещал раненько, по утрам, доставить москвичей до столицы — в хозяйстве у него имелся джип «Патриот», с усиленной пятой скоростью. Первыми в баню Семен Прокопьевич отправил Платона и Нину. Платон разлегся на скамейке, Нина намылила все его тело и мочалкой из пеньковой стружки растирала руки, ноги, шею и спину. Когда он забросил ладони за голову, она увидела на тыльной стороне его руки синюю наколку цифр — 31.08.2051 и спросила:

— Что это у тебя за цифры, Платон?

— Дата моего рождения.

— А зачем татуировка? Не можешь запомнить день собственного рождения?

— Цифры — код включения газовых горелок на Острове. Код знает только комендант. Если я погибну, то цифры найдут на теле.

После бани организовали постель на чердаке сарайчика.

Пахло полынью и мятой. Платон кусал травинку, а Нина прилегла ему на плечо. Вдруг у Платона завибрировал смартфон. Курлыкнуло видеосообщение. Ролик в тридцать секунд: сын Нины Иван сидел, привязанный к стулу, рот заклеен скотчем. Сопровождающая подпись была краткой: «Укутыш! Готовь бабло — три лимона юаней. Подробности и адрес сообщит Шарлотка». Платон ролик Нине не показал. Быстро натянул брюки и тельняшку, зашнуровал берцы. А в голове крутилась мысль: «Как же так получилось, что они даже не заметили, когда и как исчез Ванюшка!»

— Ты куда? Что-то случилось? — вскинулась Нина.

— Соседку Пелагею хорошо знаешь? — ответил вопросом на вопрос Платон.

— Обыкновенная тетка. Хочет выйти замуж за богатого мужика.

— Собирайся. Срочно идем к Пелагее!

Они нашли соседку на летней кухне. Перед Пелагеей стояла початая бутылка водки, на блюдечке лежал порезанный огурец.

— Где вы спрятали Ивана? — с ненавистью глядя на нее, спросил Платон.

Пелагея закрыла лицо руками и заголосила:

— Нина, прости! Они меня давно на крючке держат. Заставили выманить вас в лес. И чтобы Ванька был обязательно с вами...

— Где они его держат?

— В лагере «Уголек». Ты должен им сообщить, что выполнишь все условия.

Платон набрал номер Бориса. Тот долго не отвечал, но, наконец, ответил:

— Шеф, ты куда пропал? Я думал, что они тебя замочили!

— Ты где сейчас находишься?

— Бункер обложили, пришлось менять точку. Перебрался на квартиру Сырка Тревожного. Сюда они не догадаются сунуться.

— На квартиру Сырка? Грамотно... Скажи, ты деньги отдал Буденовцу?

— Прости, шеф, не до того было.

— Молодец! Картинка поменялась. Ауешники взяли в заложники подростка, сына Нины Ваню. Требуют выкуп — три миллиона тугриков. В принципе, их деньги, Сырок заработал, только сумму увеличили в два раза. В каком ангаре ты держишь лодку с мотором?

— В гаражах, на Карамышевской набережной. Ангар номер десять. Ключ у сторожа. Владелец гаража — Борис Федорович Житкин. Это я и есть, Борис Животное.

— Где квартира Сырка? Мы скоро приедем к тебе. Думаю, через час-два.

— Знаешь брошенную общагу для работников «Уголька»? Это прямо за станцией Тесла. Я вас встречу.

Уходя, Платон спросил Пелагею:

— Чем ты ауешникам не угодила?

Она уже не рыдала, поняла, что наказания не будет.

— Меня главврач поймал. Я «порчаков» снабжала одноразовыми шприцами и порошком. Они платили хорошо. Авансом взяла большую сумму, а рассчитаться сразу не получилось.

«Только зря — не спасет тебя крепкий замок. Ты не уснешь спокойно в своем доме. Потому что я вышел сегодня на скок. А Колька Демин — на углу на стреме», — вспомнились строчки, и Антон усмехнулся:

— Воровские прихваты не меняются. Еще Высоцкий пел.

В Москве они на площади трех вокзалов заскочили в круглосуточный киоск «Товары в дорогу». Платон купил скотч, изоленту и зачем-то несколько пачек сувенирных банкнот — юаней. У него уже созрел в голове план освобождения Ивана...

7

Охранник Карамышевских гаражей заартачился:

— Покажите документы! Житкина Борьку, я знаю, а вас вижу первый раз.

В переговоры со сторожем вступил Семен Прокопьевич. Когда Платон попросил у него джип, чтобы домчаться до Карамышевской набережной, Прокопьевич отказал: «Еще чего, сам довезу!» Пришлось ему все рассказать. Про бунт фаеров на Острове, про гибель готики Вильгельмины и про Сырка Тревожного. Про отставку Платона и про то, что за ним и за Ниной следят. Может случиться погоня и стрельба. Ваньку, наверное, придется отбивать с боем. Да и вообще в ваши годы...

— А какие мои годы? — Семен Прокопьевич нырнул в сарайчик, вынес тельняшку старого образца, военную куртку-камуфляж и аккуратный плаستيновый чемоданчик. На вопросительный взгляд Платона ответил:

— Птичка... Дрон-камикадзе. Из прежних запасов.

Платон понял, что в его боевой группе появился первый боец.

Сторожу Семен Прокопьевич сказал:

— Ты не вредничай, голуба моя. Нам на Остров срочно надо. Там пацаненок, сынишка мой племянницы Нины, попал в беду. Будем выручать. — Он щелкнул замками, извлек из чемоданчика бутылку виски и добавил: — А это тебе, чтобы скучно не было.

Охранник посмотрел на бутылку и выдал электронную карточку-ключ.

Им пришлось почти на час задержаться в гавани среди моторных полуяхт. Неожиданно позвонил дружок Витя Аверин. Тот самый, что рассказал Платону о функциях станции Тесла.

— Слушай, Платон, целый день не могу к тебе пробиться. Меня зацепила твоя сказка о воскрешении людей с помощью электроразрядов. Я тут покопался в архивах... Мне надо бы посмотреть устройство станции...

— Мы сейчас собираемся на Остров. Если желание не пропало, бери такси и приезжай. Ждем тебя на Карамышевской набережной, в гавани.

Что-то уточнять Витя не стал. Он знал, если его бывший командир в два часа ночи собрался на Остров, значит, так надо.

Профессор подъехал на такси быстро. Он был одет в полевую форму десантника, на голове — бандана. С собой — чемоданчик на колесиках. Семен Прокопьевич наотрез отказался возвращаться на дачу и заявил, что едет на Остров выручать внука. Он так и сказал: «Ваньку, внука, я им не отдам!» Платон подумал, что, если к ним на Острове присоединится Борис, да еще прихватит с собою пару «Солнцепеков», то у него получится настоящая штурмовая группа. И даже у Нины испуг прошел. Она переделалась в штаны-комбаты, потом тихо спросила у дядьки про пистолет, спрятанный в стрехе, под крышей.

— А ты откуда знаешь, само-так? — подозрительно посмотрел на нее Перепелкин.

— Все знают, — ответила Нина. — Мне баба Шура еще рассказывала, когда была жива.

Он вздохнул, достал пистолет и положил его в солдатскую сумку Платона.

До Острова дошли на моторке. За километр Платон выключил «УШИБУ» и сказал:

— Дальше пойдем на веслах. Чтобы не привлекать внимание. Да и течение здесь сильное — бьет под самый берег. Всем сидеть тихо!

Он знал на Острове бухточку, невидимую с берега. Одно было плохо — носовой фонарь, сильным лучом прорезавший ночную темень, пришлось выключить и грести в темноте.

Остров приближался. Все отчетливее пахло дымом и гарью. Платон поднял и закрепил мотор, чтобы винтами не зацепиться за старые сваи, торчащие вдоль берега. Лодка зашелестела бортами по кустам, он и Витя выпрыгнули за борт и провели суденышко. Мотор сняли и спрятали в укромном

месте. Чемоданчики взяли с собой. Из брезентовой сумки Платон достал пистолет и закрепил в кобуре под мышкой. По дороге он успел рассказать Вите, что их глубокой ночью привело на Остров.

— Ты с нами? — спросил он.

— Гранату мне дашь или пистолет? — ответил Аверин.

8

Громоздкое здание общаги, с просевшей крышей и галереей вдоль второго этажа, было похоже на брошенный пиратский корабль. Ни огонька. Только на крыше торчали антенны, похожие на рога, и в свете луны поблескивали тарелки спутниковой связи. Борис Животное встречал их. Был он небрит, глаза от бессонницы в красных прожилках. Зато бронези-лет и каска сидели, как влитые. На груди «Солнцепек», рука у плеча перебинтована.

— Похоже, скучно тебе не было? — спросил Платон.

— Повеселились. Помогал отбиваться Хелл Рейзер. Твои автомат и броник у меня с собой. Но Ангина, кажется, вас отследила.

Квартира Сырка Тревожного представляла из себя длинную, похожую на пенал, комнату. Окон в ней не было. Комната резко контрастировала с коридором, по которому они только что пробирались. В коридоре завалы штукатурки, мусора, арматуры, битого стекла и сломанной мебели. В комнате одна стена мигала десятками огоньков. Она была уставлена датчиками, гаджетами, приборами и мерцающими экранами. Вторая стена была еще интереснее. С пола до потолка висели стеклянные коробки с бабочками! Снизу они подсвечивались фиолетовым светом. Каждая коробка подписана на русском и на латыни. Каких здесь только не было бабочек! Капустница, лимонница, махаон, крапивница, шоколадница, адмирал... Отдельно висели экзотические: Аполлон, бабочка-Сова, Парусник Маака, Морфо Минелай, Парусник Улисс, Мадагаскарская комета, Роза Гектор, Мадагаскарская Урания. В центре стены квадратное место пустовало. Там висела табличка «Бабочка Когню» — неизвестная бабочка, которую искал Сырок Тревожный. В углу стояли сачки и приспособления с сетчатыми колпаками, отдаленно напоминающие мышеловки. Под стеной с бабочками, за журнальным столиком, сидел Хелл Рейзер и пил кофе из термоса. Немецкий автомат шмайссер лежал рядом.

— Хотите кофе? — буднично спросил Хелл и добавил: — Сырок был у них мозговым центром. Здесь, — он показал на стену с приборами, — можно ловить любые волны. Он слушал Остров. И, кажется, не один Остров.

Витя Аверин кинулся к стене и начал включать тумблеры, бормоча:

— Полицейская волна, порт, администрация... Все разговоры записываются! А вот высокочастотный передатчик.

Платон спросил:

— А бабочки... Тоже часть центра? — спросил Платон. — У них усики, как антенны.

Хелл ответил:

— На Остров все время летят бабочки, — ответил Хелл. — Мальчишка увлекался коллекционированием. Он все хотел поймать бабочку, которую назвал «Бабочка Когню». Мотыльки и бабочки летят на огонь. Они сами себя обрекают на смерть. Огонь притягивает бабочек как магнитом. Но популяция восстанавливается. Это одна из загадок природы, которую ученые всего мира не могут разгадать. Похоже, наш Сырок предполагал, что на Острове появилась бабочка-мутант. Он хотел поймать ее, потому и оставил на стене свободное место. Сырок изучал мутации насекомых. Как грамотно собрана коллекция!

Что касается бабочек. Они живут на Земле более двухсот миллионов лет. Что нам известно из жизни бабочек? Знаете ли вы, например, что бабочки из рода Совок, обитающие в Индии и Малайзии, питаются слезами и кровью крупных животных? Луговой мотылек весит около 0,025 граммов. К концу лета его потомство (гусеницы) имеет вес 225 килограммов. За период своего развития они съедают до 9 тонн зеленой массы. То есть столько, сколько за год съедают три коровы. А вот чего не могут просчитать ученые, так это квантового эффекта бабочки. Поскольку старания моих последних лет направлены в сторону квантовых изысканий, то я мог бы коротко пояснить. «Эффект бабочки» применяется, как правило, в естественных науках. Термином обозначается особое свойство некоторых хаотичных систем. Даже небольшое воздействие на систему может иметь непредсказуемые последствия. Например, Валтасар, сын вавилонского царя, не обратил внимание на знаки-предупреждения, его настигла нужда, и во дворец Валтасар уже не вернулся. Сырок Тревожный вдруг начал собирать бабочек и понял, что есть «бабочка Когню» — так он ее назвал. Сережа погиб. Эдвард Лоренц, американский математик и метеоролог, назвал открытое им явление «эффектом бабочки». Определил он его так: бабочка, которая взмахнула крыльями, например, в Айове, способна инициировать лавину других эффектов, например, в Индонезии, во время сезона дождей. В рассказе Рэя Бредбери «И грянул гром» смерть бабочки в прошлом кардинально меняет картину будущего мира. Есть ли закономерность? Мы ее ищем. И Сырку Тревожному, и Хеллу Рейзеру, да и нам с вами, читатель, нужно внимательно следить за взмахом крыльев бабочки. Особенно той, которую называли «бабочка Когню»...

— «Наш Сырок»... — повторил Платон. — А ты, Хелл, похоже, с нами?

— Платон, я уже говорил тебе. Носить немецкую форму совершенно не значит — разделять фашистскую идеологию. Мне не нравится то, что зате-

вается на Острове. Я не люблю, когда одного человека травят сто отморожков с собаками.

— А что затевается на Острове?

— Фашизм и затевается. С каким-то женским, истерическим оттенком. Тебе, Платон, лучше укрыться в Москве. Наверняка у тебя есть явки.

Витя Аверин сделал знак рукой: «Тише!» — и добавил звук. Разговаривала Ангина Игоревна. Ей отвечал незнакомый голос.

Ангина:

— Они прячутся где-то на Острове. Запеленговать не удастся. Мощная «глушилка». Укутыш собрал вооруженную группу. Начальник его охраны Борис Животное, Нинка переметнулась еще вчера ночью, реконструктор Хелл Рейзер играет в просвещенного нацика. И два гражданских — старикан в тельняшке и с дроном, и какой-то очкарик, старый дружок Укутыша. Вооружены автоматами, гранатами и ножами.

Голос:

— У Нинки «порчаки» выкрали сына. Хотят денег — компенсацию за работу Сырка Тревожного. Платон создал группу, чтобы освободить ребенка. Деньги у него есть. Старика и подростка отпустите, с остальными надо договариваться. Коды горелок знает Платон. Его и Нинку постарайтесь убеждать. Хелла Рейзера арестуйте — он наводчик. Выясните, что за гражданский тип с Платоном. Чем он занимается? Борис Животное — самый непредсказуемый. Его можно ликвидировать при попытке к бегству. У вас на Острове, между станцией Тесла и лагерем «Уголек», есть место, которое мы никогда не могли прослушать — там действительно мощная защита. Их надо искать где-то поблизости. До утра организуйте группу захвата. Платон и Нина нам нужны живыми. Ее фамилия, кстати, Перепелкина. Надеюсь, вы меня правильно понимаете, Ангина Игоревна. Перепелкину вы знаете давно.

Платону показалось, что голос, отдающий распоряжения Ангине, ему знаком, хотя он явно искажался техническими помехами.

Вот тебе и взломщик сейфов, истеричный блатарь Сырок! Он не только собирал бабочек, он создал центр «прослушки», который не могли пробить даже... Где? В Кремле? В Агентстве Писокотя?

9

— Где деньги? Пересчитывать надо? — спросил Платон у Бориса.

— Все точно. Три лимона. Спрятал в гнезде аиста. Видел кучу веток на башне, прямо на входе в «Уголек»? Аисты, правда, еще не улетели.

Платон не переставал удивляться сметке Бориса. Только он мог додуматься прятаться в квартире своей жертвы. Сумку с деньгами замаскировал в гнезде аиста... Кто полезет ворошить огромное птичье гнездо, похожее на шалаш?

— Как ты догадался, что можно укрыться в квартире Сырка?

— Ауешники гоняли нас с Хеллом по всему Острову. Потом Ангина выделила дополнительную группу, с собаками. Я, когда договаривался насчет сейфа, был у Сырка в общаге. Он хвастался, что здесь его никто запеленговать не может. И пробраться в его комнату постороннему невозможно. Он должен был охранять секрет центра перехвата связи. Ну, я подумал... Сырок с биркой на ноге лежит в морге. Завтра, послезавтра — крематорий. Его будут хоронить вместе с Вильгельминой. Я подумал: с чего бы воры явились к нему в общагу? Костюм и туфли при кремации выдают стандартные, дружков у него не было... Бабочки им не нужны. К общежитию мы прошли по ручью. Овчарки след не взяли.

— А как в комнату проникли?

— Я его смартфон со всеми кодами и паролями изъяс.

— Улика.

— Так я потом телефон в ручей выбросил. А код запомнил.

Платон поручил Борису вести переговоры с похитителями.

Борис отправил смс: «Нахожусь на месте. К передаче пирога готов».

Отправил с телефона Нины по тому адресу, откуда пришел ролик связанного Вани, с заклеенным скотчем ртом. Ответ пришел почти мгновенно: «Подтверди со своего номера». Борис написал с номера Платона и под его диктовку: «Пирог будет в три слоя. Первый на входе. Второй при передаче. Третий на выходе». Ответили тут же: «Не пережарь, пекарь!»

— Операция «Шарлотка», — задумчиво сказал Платон.

— Почему «Шарлотка»? — спросил Борис.

— Мы же сами написали про пирог в три слоя. А сейчас самый сезон яблок. Вот и поджарим шарлотку. Семен Прокопьевич, у вас «птичка» летает?

— Обижает, голуба моя. Не хватает заряда.

Платон достал из своей сумки две гранаты, а две оставил про запас...

Дрон Семена Прокопьевича, «ZALA Ланцет», правда, древней сборки, обладал способностью в режиме ожидания, час или два находиться в воздухе. Платон приказал запустить «Ланцет» и повесить над «Угольком». Нина должна быть рядом с Перепелкиным и ждать сигнала по телефону. Он пришлет «ок». Третий слой пирога. Перед ним будут еще два.

— Но сначала надо достать деньги из гнезда, — подсказал Борис.

— Я не собираюсь отдавать им чужие деньги, — ответил Платон, — всю сумму мы вернем Буденовцу Кардинала.

— Я им обещал. Как же мы Ваньку-то выручим?

— Ты и Сырку много обещал. Ивана мы отобьем. Ты, Боря, ранен. Нина, смени ему повязку. Туго не затягивай. Борис, вы с Хеллом остаетесь прикрывать отход, укроетесь недалеко от корпуса. Там есть будка. За Иваном пойду я с Виктором. Не забыл, как америкосов валили в проливе Лонга?

— Мне бы «Солнцепек», — сказал Аверин.

— Автомат Борису нужнее. Я тебе отдам свой. Сам пойду с гранатами и пистолетом. Семен Прокопьевич, Иван и Нина вернутся в город на лодке. Мы втроем остаемся на Острове.

— Платон! — вскинулась Нина. — Я останусь с тобой. Сам слышал — они меня задерживают. Не знаю, зачем я им нужна. Ангине приказали ветерана и Ваньку отпустить.

— Мы еще посмотрим... Приказ: если есть возможность не стрелять — не стреляйте! У нас и без того два трупа. Хелл, у вас шмайссер боевой?

— Мне показалось, что да, рабочий. Я в фантики не играю.

— Показалось?

— Прежде чем выйти к ручью, мы с Борисом отстреливались.

— Ну, тогда терять нечего. Действуем по обстановке!

«Этот глупый свинец — всех ли сразу найдет, где настигнет в упор или с тыла...» Опять Высоцкий... Вот ведь провидец! На все случаи жизни.

10

Платон собрал три «куклы». Несколько сувенирных пачек юаней он перевязал резинкой и завернул в крафтовую бумагу. Сверху наклеил настоящие банкноты и пачки перетянул изолентой.

— Вряд ли на ходу кому-то придет в голову пересчитывать деньги, — пояснил он Борису.

— Обычно деньги передают в дипломатах, — засомневался тот.

Неприметный парнишка в куртке из кожзаменителя, встретивший их в холле «Уголька», чем-то был похож на Сырка Тревожного. «Куклу» он в руки взял, взвесил на ладони и полез за ножиком. Пояснил: «Ваш клиент на месте. Но мне надо пересчитать бабло». Нож, как и всякий настоящий вор, он держал за голяшкой сапога. Платон кивнул головой — пора! Витя быстро заломил парнишке руку с ножом за спину. Рот ему Платон заклеил скотчем и прошептал на ухо:

— Веди себя тихо, голуба моя. Пойдем за Ванькой. Потом пересчитаешь.

Пришли в тот же кабинет, где Платон вел переговоры с бунтовщиками. Иван сидел, привязанный к стулу. Не плакал, не извивался, спокойно смотрел, как в комнату входят дядя Платон с незнакомыми людьми. Мальчика охранял еще один блатарь — автомат на груди, куртка-бобочка и кепарь на голове. Увидев напарника с заклеенным ртом, паренек выпучил глаза. Платон кинул ему вторую «куклу»:

— Держи, фраерок! Ауешник ты или айтишник. Не вздумай пересчитывать!

Охранник поймал «куклу» и продолжал очумело смотреть то на пачку денег, то на вошедших. Наконец он догадался, что произошло, но предпринять ничего не успел: Витя Аверин стукнул его прикладом «калаша» по шее, и он кулем свалился на пол. Платон освободил Ваню от липучей ленты. К стулу, к которому был прикручен мальчик, он приставил второй стул, усадил продавцов спина к спине и пристегнул их друг к другу наручниками.

— А вот теперь пересчитайте ваше бабло. Вы его заработали, — сказал он, достал гранату, повозился с чекой и сунул в руку охраннику: — Держи крепко! Чеку я выдернул... Отпустишь — пеняй на себя. Уходим!

Когда они добрались почти до самого выхода, в здании прогремел взрыв.

— Нервы у народа ни в дугу, ни в Красную армию, — пробормотал Витя.

— Странно, — сказал Платон, — неужели я гранаты перепутал?

Он порылся в карманах разгрузки: запасные рожки к автомату, лимонки...

— Так и есть. Камуфляж оставил, боевую отдал. Как она нас не грохнула...

На всех этажах здания зажглись огни. Сумерки раннего утра уже подступали с побережья Острова. С реки напозлал туман. Перекрестный огонь, который вели из крыльев корпуса, не позволял спуститься с крыльца. Голову невозможно было высунуть. Из будки напротив стреляли Борис и Хелл. Били прицельно, по окнам лагеря. Летели стекла, сыпалась штукатурка.

— Ну что, — спросил Платон, — Прокопъич запускает «птичку»?

— Он ее уже запустил, — ответил Виктор. — Ты что, хочешь вызвать огонь на себя? Нас же завалит обломками, если не зацепит осколками!

— Я напишу, чтобы взял чуть левее. Главное, напугать их. А мы ползком к будке. Ваня, умеешь ползать?

У Вани тряслись губы от грохота выстрелов. Он кивнул головой: умею!

Платон отправил эсэмэску Нине: «Ок! Только возьмите левее!»

Дрон-камикадзе «Ланцет» издал звук, похожий на звук приближающегося мопеда. Стрельба вдруг прекратилась, и стало слышно, как дрон пикирует. Платон, Витя и Ваня поползли к будке охранников. Но что-то у Семена Прокопьевича не заладилось в прицеле, и дрон ударил в центральную башню. Раздался взрыв, и башня осыпалась. В огне пылало гнездо аистов. Витя оглянулся и сказал:

— Плакали общаковские денежки!

Из корпуса выбегали стрелки. Хелл и Борис огнем из автоматов прижимали их к земле. Неожиданно из ближнего мелколесья показалась цепь солдат в армейской форме, бронежилетах и касках, с автоматами наперевес. Они оцепили горящее здание «Уголька», отрезав отступающую группу Платона. Женский голос прокричал в мегафон:

— Прекратить огонь! Группа Платона Акташева может отходить к лодке.

Пока Семен Прокопьевич и Ваня грузились в лодку, пока Платон и Витя ставили мотор, Борис убеждал Платона:

— Уходить надо всем вместе!

— Они разнесут лодку в клочья, — возражал Платон.

Из цепи солдат, подошедших к бухте на расстояние ста метров, вышла молодая женщина в солдатских штанах и в бронежилете. На поясе — пистолет в кобуре. В руках она держала мегафон.

— Говорит сержант Истина Глаголева! Я — начальник охраны комендуя Острова Багрец Ангины Пидарей! На материк могут вернуться Перепелкины — Семен и Иван. Платон в Ведре Укутыш и сопровождающая его группа задерживаются до особого распоряжения Совета Острова. Предупреждаю: невыполнение распоряжения влечет за собой экстренные меры! Платон, мы вас всех положим в бухте. За нами вторая линия, с гранатометами!

— Видишь, как... — сказал Платон, — Истина Глаголева... С гранатометами. Надо отправить Ваньку с Семеном Прокопьевичем, Нину и тебя. Рука болит?

— Голова кружится. Много крови потерял.

— Тебе надо в госпиталь.

— Платон, мы остаемся. У меня есть план. Главное, чтобы не отобрали оружие... Когда нас поведут к Ангине — никакого Совета не будет — мы рванем в Кластер Карательной Косметологии. Я знаю тайный лаз, вход посторонним туда воспрещен. Да они и сами боятся. Вот оттуда и проведем переговоры. А зачем тебе оставаться на Острове? Тебя же отстранили.

— Выступлю на похоронах. Все объясню. Отговорю их от мятежа.

— Все-таки ты наивный, Платон. Они тебя не станут слушать. Скажу тебе больше. Их уже возили в Кремль, всех префектов и зачинщиков. Не знаю, с кем они встречались, но уже обо всем договорились. Я думаю, что Островом будут править ауешники. Ангина и префекты наверняка знали, что Ваньку выкрали. Им нужно было выманить тебя. Любым путем.

— Зачем? Чтобы расстрелять или посадить? Я ведь не прятался.

— Ты пропал, а им нужен шифр к горелкам. Его знаешь только ты. Это, как ты понимаешь, уже другая шарлотка.

— Шифр я не выдам!

— Они применяют пытки, а мы не сможем тебя спасти...

СДЕЛКА

1

Лодка «Крест-лайн», разрывая клочья тумана, скрылась за излучкой Острова. Где-то слева торчали башни Сити. Истина Глаголева приказала Платону

и его людям сдать оружие. Платон бросил ей под ноги свою солдатскую сумку, из кобуры достал пистолет.

— Уйдем налегке, — шепнул ему Борис. — У меня здесь неподалеку еще один схрон, в землянке. Там и патроны, и пистолеты. Даже гранатомет есть.

Скрыться труда не составило. Их не вели как арестованных, в наручники не заковывали. Шагали, смешавшись с солдатами. Борис неожиданно упал на пожухлую траву, застонал и схватился за перевязанную руку. Солдаты сгрудились возле него. Размахивая пистолетом, подбежала Истина.

— Сам идти сможешь?!

Борис катался по траве и бормотал что-то невнятное — отвлекал внимание.

Хелл Рейзер, Витя и Нина скользнули по тропе вслед за Платоном. Борис заранее указал направление, куда бежать. Четверо солдат принесли носилки, уложили его и понесли. Они все время спотыкались и отставали: Борис был под два метра ростом, сбитый и мосластый. Когда начали спускаться в овраг, он скатился с носилок. Солдаты растерялись и, пока соображали, что делать дальше, его и след простыл.

— Я вас всех в расход пушу, простофили! — размахивая пистолетом, подбежала к ним начальница охраны. Но — поздно...

Борис быстро нагнал Платона, Нину и Аверина. В схроне-землянке, замаскированной дерном и хворостом, они отдышались и взяли каждый по пистолету с запасными обоймами. Платон прихватил также гранатомет, и они двинулись дальше. Вскоре вышли на бетонный бункер-лабораторию, приземистое здание без окон. Платон знал, что вниз, под землю, у лаборатории еще два или даже три этажа. Бункер опоясывали ряды колючей проволоки, висел красный круг с нарисованной зигзагом молнией и надписью: «Вход запрещен!» Хелл Рейзер рассказывал Платону, что на месте бункера стоял когда-то лепрозорий. Там жили и лечились люди, больные проказой. Когда фаеры заселили Остров, лепрозорий снесли, больных перевели в спецклинику под Сергиев Посад, а на месте лепрозория выстроили бункер. Это и был ККК — секретная лаборатория (кластер) карательной косметологии. На Острове судачили: в ККК могут изменить не только внешность человека, но и его сущность. Платон не понимал, как можно изменить характер и привычки человека.

Борис подошел к воротам и нажал невидимую с улицы кнопку звонка.

— Охранник — мой агент, — пояснил он, — у них и медикаменты есть.

Через несколько секунд стена бункера со скрипом откатилась. За ней виднелась решетка и входная дверь.

Они прошли по длинному, напоминающему больничный, коридору. Везде чистота и порядок. Пахнет карболкой. На дверях палат висят таблички. По левой: «Стационар», «Амбулатория», «Хирургическая». По правой: «Лунтики», «С колокольчиками», «Без колокольчиков», «Усталые», «Снулые», «Толерасты». Охранник, который вел их, пожилой уже дядька с щеточкой седых усов, пояснял по ходу:

— «Лунтики» — «солнечные» дети, «С колокольчиками» — склонные к побегу, «Снулые» — безвольные, «Толерасты» — те, кто хочет изменить свой пол. Остальное и так понятно...

Начиналось раннее утро. Пациенты еще не выходили из палат. Из кухни пахло гречневой кашей и свежемолотым кофе. Охранник принес шприцы и обезболивающее в ампулах. Нина сделала укол Борису, и Платон заметил, что управляется она очень умело. Потом они пошли в столовую, с удовольствием съели по тарелке каши и выпили кофе. Каша была с маслом. Усталость валила с ног. Прибежал встревоженный охранник:

— Медсестра сбежала! Она увидела вас с оружием и испугалась. Сейчас шухер поднимется. Надо уходить! И «лунтики» уже выползают в коридор.

— Простых солдат они не пошлют, бункер будет брать спецназ, — заметил Борис.

— Здесь же пациенты! Все боятся заразы, ты сам говорил, — возразил Платон.

В столовую заглядывали дети. Многие улыбались и двигались, хаотично размахивая руками. Лысый мальчик-лунтик лет семи-восьми подошел к Платону, обнял его за колени и, подняв блаженное лицо, спросил:

— Дяденька, ты мой папка?

Платон взял его на руки, салфеткой вытер его губы и спросил:

— Тебя как зовут, мальчик?

— Шурик.

— Я друг твоего папы, Шурик. Меня зовут дядя Платон. Папка скоро придет.

— А ты заберешь меня отсюда, дядя Платон?

— Плохо тебе здесь?

— Нет, хорошо. Кисель дают. Только уколы больно ставят. И привязывают. Слыша это, Нина не выдержала и заплакала.

Появились «Люди с колокольчиками». У них действительно висели на шее колокольчики. Как у коров. Они все время забегали и выбегали из столовой. Потом подошли «Снулые». Они понуро садились за столы и ждали своей порции каши.

Шурик неожиданно скатился с колен Платона и забился на полу в конвульсиях. В уголках его губ закипала розовая пена.

Нина бросилась к шкафу. Нашатыря не нашлось, под руки попался только бутылек с анисовыми каплями. Она намочила ватку и протерла Шурику лицо, а Платон сунул ему в рот ложку, чтобы не прикусил язык. Мальчик, наконец, очнулся и прошептал, еле шевеля прокушенными губами:

— Только ты меня не бросай, дядя Платон.

3

Завыла сирена. В громкоговорителе хрюкнуло. По помещению разнесся голос Ангины:

— Внимание-внимание! Говорит комендант Острова Багрец Ангина Пидарей! Бункер окружен спецподразделением. Для подавления сопротивления применяются дроны. На второй линии сосредоточена техника огневого поражения. Платон Укутович, обращаюсь к твоему благоразумию! Мы не выпустим вас живыми из бункера. Сложите оружие и сдавайтесь добровольно. Выходить из бункера по одному человеку. Вас будет судить офицерский Совет Острова. До суда мы гарантируем вам безопасность. В противном случае возьмем бункер штурмом. Для начала отключается свет, водоснабжение и канализация. Также прекращается подача продуктов питания и лекарственных препаратов.

В корпусе медленно погас свет. Раздавался только звон колокольчиков, мычание и крики больных. Платон и Борис зажгли налобные фонари. Нина, Хелл и Виктор успокаивали «лунтиков».

— Есть тоннель под землей, — сочувственно глядя на них, сказал охранник с усиками. — Он выводит прямо на берег. Сейчас проверю.

Подсвечивая себе фонариком, он метнулся в подвал и быстро вернулся:

— Там, за решетками, уже стоят штурмовики.

— Они не станут бомбить бункер. Здесь больные дети!

— Ты не понимаешь, Платон! Им нужен шифр! Они ни перед чем не остановятся.

— Не ори, Борька! Я сейчас выйду и сдамся, — спокойно произнес Платон.

В громкоговорителе опять что-то щелкнуло, и обращение Ангины повторилось. Видимо, оно было записано заранее.

— Им нужен не столько шифр, сколько сам Платон, — сказал Хелл. — Платон Укутович, а почему вы не хотите отдать шифр?

— Без шифра они не включат горелки. Значит, никакого Сплава справедливости не будет. То есть я подавлю бунт без жертв, — ответил Платон.

4

Обращение Ангины продолжало звучать по радио каждые десять минут.

— Идем на прорыв! — предложил Борис. — Я выскакиваю с гранатометом, за мной Хелл и Витя. Следом вы с Ниной.

— Нас сразу положат, — спокойно возразил Платон. — Если стоит задача всем погибнуть, то давайте... Боря, есть пределы безрассудства. Электричества нет, воды нет, скоро больные начнут биться в истерике. С ума сойдешь! Правда, есть альтернативный источник. Я по документам помню, где-то стоят генераторы, кажется, в подвале.

— Да, внизу есть железные шкафы. Иногда они гудят, — подтвердил охранник.

— Если они стоят в бункере, то мы сможем подключиться. Я знаю, как это сделать. У меня приборы с собой, — предложил Витя.

Они спустились в подвал и быстро нашли генераторы. Через несколько минут свет в бункере включился. Пациенты ККК захлопали в ладоши и повыскакивали в коридор.

— Давайте посмотрим мониторы. Наверное, камеры наружного наблюдения тоже заработали, — сказал охранник.

Прошли в дежурную комнату. Мониторы действительно заработали, и было видно, что четыре бронетранспортера стоят напротив входа в бункер.

— Есть запасной выход? — спросил Борис.

— Да, в торце психушки, — ответил охранник, — но мы им не пользуемся.

— Ты называешь ККК психушкой? — спросил Платон.

— А что же, по-вашему, это такое?

— Вот в торец психушки мы и пойдем, — сказал Борис. — Камера показывает, там нет броника. А десантуры вообще не видно. Но снайперов я заметил. Лежат под колесами бронетранспортеров. Профессионалы.

Хелл достал из кармана конверт и подал Платону:

— Вот мое письмо. Я иду с Борисом. Если останешься в живых, передай в Москве, по адресу, моей семье. Или Нина пусть передаст. Все-таки я надеюсь, что женщину они не тронут. Платон, я — уже старый человек. Пожил свое... Мы все делаем ошибки. И я в своей жизни ошибался. Остров — наша общая с тобой ошибка. Уже не исправить.

Харитон уже понял, что ему не вернуться с Острова на материк. Из-под расстегнутого мундира достал православный крестик на простом шнурке и поцеловал его. Три раза перекрестился.

— Дайте мне пистолет, — попросил усатый охранник. — Нам не разрешено оружие. Я тоже иду с ними.

Нина отдала ему свой пистолет. Борис по очереди обнялся с Платоном и с Виктором.

Ухнул гранатомет, и дверь вышибло взрывом. Первым выскочил Борис. За ним Хелл и усатый охранник.

Снайпер сразу же снял охранника, и он уткнулся седой головой в бордюр канавы. На спине форменной куртки были видны буквы ККК. Кинжальным огнем из автоматов Бориса и Хелла прижали к земле. Их сразу окружили люди в черных балаклавах и таких же черных бушлатах. Морпехи.

Весь этот короткий бой Платон и Нина видели по монитору. Среди десантников Платон заметил Ангину Игоревну, которая руководила операцией. Ангина была одета в форму десантника. Вместо прозрачной кофточки в вороте куртки выглядывала тельняшка. На груди «Солнцепек», на плечах подполковничьи погоны. «Полковника пока не выслужила», — невольно подумал Платон.

Шурик, во все глаза глядевший на экран, спросил:

— Они хотят нас всех застрелить?

— Хотят. Но у них не получится, — ответил Платон.

5

Платон и Нина вышли в тот же проем стены, развороченной взрывом. Их сразу окружили морпехи и повели к броннику. Мальчик Шурка хвостиком увязался с ними. Ангина хотела вернуть его в больницу, но Платон сказал: «Я забираю мальчика с собой. Он теперь всегда будет с нами». Ангина хмыкнула. Но сейчас ей было не до полусумасшедшего мальчика.

Центральная дверь бункера со скрипом отъехала. В автобусе подвезли с пирса врачей и медсестер. Медики надели маски и зашли в больницу.

Огромная тишина навалилась на Остров. «Вот и все, — подумал Платон, — скоро зима». Осень наступила нынче рано. По утрам установились заморозки, и островки крапивы и люпинов у леса стояли седые от изморози. Когда они садились на броню «коробочки» — так до сих пор в армии называли боевую машину пехоты, — с неба просыпалась снежная крупа. «Снег над палаткой кружится. Вот и кончается наш короткий ночлег. Снег, снег, снег...» Одна из самых памятных песен. С настроением... Платон снял с себя бушлат и накинул на плечи Шурика. Нина была теперь спокойна. Сын в безопасности, это самое главное. Несчастливого ребенка из больницы забрали с собой. Она решила переправить его тоже в Александровск и почему-то была уверена, что они спасут Шурика. Витю Аверина и Хелла увезли на другой «коробочке». Нину с Платоном даже в наручники не заковали.

Здание Министерства Обалдуев почти все выгорело. Когда погибли Вильгельмина и Сырок Тревожный, фаеры и «порчаки» подожгли и разграбили его. Управление переселилось в стоящую рядом публичную библиотеку.

Ангина разговаривала с Платоном и Ниной в бывшем зале иностранной литературы. Новый комендант Острова приказала книги нерусских авторов вынести и сжечь на площади. «Пусть читают Пушкина и Чехова!» Макиавелли, наверное, тоже сожгли. Он же итальянец.

Из окна читального зала были видны набережная и пирсы.

— Ну что, Платон Укутович, — сказала Ангина. Она уже переоделась в другой мундир. Черная куртка с погонами и такие же черные широкие брюки,

чуть ниже колена. На рукаве шеврон: две молнии и пламя. «Надо же, уже и форму придумали! — подумал Платон, — или раньше пошили? Значит, готовились заранее. Стратеги...»

— Ну что, Платон Укутович, — повторила Ангина, — предлагаю от войны переходить к перемирию. И сразу к сотрудничеству со следствием.

— Для начала, Альбина Игоревна, предлагаю вам разговаривать на человеческом языке. И называть друг друга именами, а не собачьими кличками. Мое отчество не Укутович, а Захарович. Платон Захарович Акташев. А фамилия Нины — Перепелкина. Знаете, как пелось в старинной песне: «Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья». Попробуем вернуться к самим себе.

Ангина рассмеялась:

— Платон Захарович, так вы же сами все эти собачьи клички придумали, — рассмеялась Ангина. — Вы, воры-ауешники и Хелл Рейзер. А с Ниной мы знакомы тысячу лет. Я была вожатой у них в лагере. Ты же помнишь меня, Нина Перепелкина?

— Кто же вас не помнит, Альбина Игоревна, — тряхнула рыжей челкой Нина.

— Ангиной меня прозвала Нина Перепелкина. Но я не обижаюсь.

Принесли горячий чай в подстаканниках, конфеты «Ласточка» и баранки.

— Вы же не ели ничего. Попейте чаю с баранками.

Когда выпили чай с баранками и конфетами, Ангина небрежно, как бы между прочим, сказала:

— К сожалению, ваши друзья Рейзер Хелл и Борис Животное, погибли. При попытке к бегству они уничтожены бойцами морской пехоты.

Нина вскрикнула и зажала рот руками. На лице Платона заходили желваки.

— Все идет согласно разработанному плану? — процедил он.

— Какому еще плану? — делано удивилась Ангина.

— Мы слышали ваши переговоры с Писокотем. В квартире Сырка Тревожного оборудована «прослушка» Острова.

— Вы там были? Да, мы знаем, что этот мальчик — технический гений. Вот какого человека мы потеряли. Между прочим, Платон Захарович, его звали Сережа. Сережа Тревожников.

— Я в курсе. Он был не только гением, но еще и талантливым воришкой.

— У каждого из нас, Платон Захарович, свои скелеты в шкафу. Кстати, твой друг Виктор из института стали и сплавов жив. Просит зачем-то осмотреть станцию Тесла. Наверное, я ему разрешу это сделать. — Ангина буквально упивалась своей властью.

— Он вообще-то ни в чем не виноват, — заметил Платон.

— Поэтому остался в живых.

Ангина попросила Нину вместе с мальчиком подождать в соседней комнате.

— У меня от Нины нет секретов, — возразил Платон.

— У меня от нее тоже нет секретов. Но тут дело государственной важности.

Нина фыркнула и взяла Шурика за руку. Ангина грустно сказала:

— Вы, Платон Захарович, конечно, обо всем догадывались, — с грустью в голосе проговорила Ангина. Платон подумал, что она имеет в виду мятеж, но оказалось совсем другое: — Предлагаю вам сотрудничество с новой администрацией.

— Шифр я тебе не скажу! — Платон настолько разозлился, что отбросил этикет и перешел на привычное «ты». — Как ты не понимаешь, Альбина? Нет огня — нет бунта!

Ангина тоже перешла на «ты»:

— Платон! Неужели ты думаешь, что мы ловим тебя из-за шифра? Я дала задание, и айтишники через пару дней все переформатируют и введут новые коды. Делов-то... У нас не один Сережа был техническим гением. Потом, ты прекрасно знаешь, что на Острове подачей газа управляют с помощью нейросети. Новые технологии!

— Тогда зачем я вам нужен? Дайте мне выступить на похоронах, я скажу все, что думаю, объясню случившееся. Не хочу остаться в глазах сплавщиков преступником. И я покину Остров.

— Видишь ли, Платон... У тебя на Острове большой авторитет. Твои требования во многом совпадают с нашими. Писокоть боится, что ты возглавишь мятеж, и тогда события действительно выйдут за пределы Острова. Ты первым начал убивать. Готы и ауешники настроены мстить.

— Знаешь, что будет дальше? Власть на Острове уйдет под контроль ауешников. Они вас уже «крышуют». Здесь начнутся воровские понятия. Закона не будет, судя по твоей охраннице, Истине Глаголевой.

За окнами послышался гул. Платон и Ангина выглянули в окно. На пирсе собиралась толпа людей с чемоданами, рюкзаками. Были и пенсионерские сумки на колесиках. Из горловин сумок торчали жирные листья домашних растений. По всей вероятности, старики увозили горшки с цветами.

К причалу швартовались две баржи.

— Писокоть Великолепыч пошел навстречу нашим требованиям. Мы начинаем эвакуировать с Острова огородников и садоводов.

— Давно пора, — пробормотал Платон.

6

Ангина поговорила и с Ниной Перепелкиной. Тоже один на один.

— Платон закусил удила. Все время капризничает. Ты же не хочешь, чтобы он погиб «при попытке к бегству»? Уговори его сотрудничать. Начнем вот

с чего. После похорон будет митинг. Нам на сцене нужна панорама. Я знаю, что ты художница. Сможешь нарисовать задник, на всю стену?

— Что должно быть на панораме?

— Я не знаю... Может быть, символ острова «Багрец».

— Материалы и краски мне дадут?

— Конечно! Я распоряжусь. Сколько времени потребуется на работу?

— Если дадут аэрозоли, кисти и акриловые краски, то к завтрашнему утру будет готово. Но мне потребуется помощник.

— Ну, вот Платона и попросим. Разве он откажет тебе?

— У вас есть фотографии погибших?

Ангина открыла ящик стола и достала фотографии Сырка и Вильгельмины. Потом пригласила Платона.

— Давай начнем с того, что вы поможете мне организовать и провести похороны. Может, Платон Захарович, тебе действительно надо дать слово... Посмотрим. Но, честно говоря, у меня для вас есть более существенное предложение. Я даю вам свой самолет, и вы улетаєте в Минск. Для меня коридор в Беларусь всегда открыт. Там вас встретит мой родственник по фамилии Фидарей. Он спрячет вас в санатории «Альфа Радон». Он мой двоюродный брат, работает в Администрации Президента Белоруси. Платону предложат место начальника охраны президентского санатория. Нина может стать художником-оформителем. Если потребуется смена паспортов и фамилий, то устроим и это. Позже Нина привезет к себе сына и отдаст в интернат при правительстве.

Нина с надеждой посмотрела на Платона. Ненавистный Остров, ненавистная Москва! Белорусь, где чистые озера и сосновые леса. А в деревнях все крестьянские дома с изгородями и огороды без сорняков...

— Платон, соглашайся!

Он молча взял ее за руку и потянул к двери.

Когда они вышли из библиотеки, Платон повернулся к Нине и, глядя ей в глаза, произнес:

— Врет она. Все время врет!

— Платон, у нас в стране лгут даже младенцы.

— Ну, вот ты... Ты обманываешь меня?

— А ты меня?

Платон не ответил. Ему вспомнилась строчка из песни, которую Нина пела у себя дома, на улице Народного Ополчения:

«Любовь — прекрасная страна, в ней каждый человек предатель...»

7

— Что ты рисуешь?

— Бабочку Когню.

— Бабочку, летящую к огню?

— Нет, Сырок так назвал свою бабочку — Когню. Оттого, что Остров все время горит, а бабочки летят на огонь. И гибнут в пламени.

На огромном холсте бушевали языки пламени. Нина изображала пожар на Острове аэрозолями с акрилом. Саму фактуру огня прорисовывала масляными красками — кистью. Получалось рельефно. Хотелось протянуть руки к холсту и согреть ладони. В центре композиции парила бабочка, огромная, черно-золотая. Крылья ее трепетали. В извивах на крыльях угадывались лица Вильгельмины и Сергея. Замысел был понятен. На огонь они летели сами. Бабочки сгорали в пламени.

Шурик, которого они забрали из психушки, крутился рядом. Он подошел к полотну и долго его рассматривал. Потом сказал:

— Я видел такую бабочку.

— Где ты ее видел? Таких бабочек не существует.

— Неправда, она залетала к нам в палату. Садилась на лампочку. А потом улетела.

— Бери мастихин и грунтуй холст, — сказала Нина Платону, — ты же теперь мой помощник. Мастихин — это такой шпатель для смешения красок. Ты стенки в домах штукатурил?

Платону много чего приходилось делать в жизни. И рыбу он ловил на Колыме, и шурфы долбил в скалах на Нижнем Амуре — искали золото. И даже крыл гудроном коровники на Охотском побережье.

Краску по холсту он растирал умело. Из головы не выходило предложение Альбины. Зачем ей спасать Платона и Нину? Прятать где-то в Белоруси. А ему зачем убегать в Белорусь и менять фамилию? Если он совершил преступление, пусть его судят. Похоже, они просто не хотят выносить сор из избы. Им нужно ставить свои опыты над людьми.

Шурик тем временем увлеченно играл в пазлы. У него это неплохо получалось — двух синих китов он собрал за полчаса. Наблюдая за ним, Платон решил узнать судьбу мальчика. Почему он оказался на Острове, где его родители? А еще он думал о том, что почти не знает своих людей. Нина, оказывается, не портовая проститутка, а художница, которая рисует бабочку Когню. Сырок Тревожный не примитивный воришка, потрошитель сейфов, а коллекционер бабочек Сережа Тревожников, искавший бабочку, которой нет в энциклопедиях. Альбина не злобная карьеристка по имени Ангина, а... Кто? Мечтала устроить свою женскую судьбу. Не получилось. «Мы в высоких живем теремах — входа нет никому в эти зданья: Одиночество и ожиданье вместо нас поселились в домах...» — прекрасная песня Высоцкого. Но и Нина, и Сырок, и Ангина, жаждущая любви, не знают, что Платон про себя поет песенки из прошлого. Уже не может без них обходиться. Теперь еще Шурик... Если он с умственными отклонениями, то как он так быстро из мелких деталей собирает таинственных китов? Платон попробовал сам, но едва

подобрал пять-шесть пазлов. Нужен особый взгляд и другая моторика в пальцах, чтобы собирать китов...

Сцена, на которой работали Нина и Платон, была сбита на набережной в гавани, где собирались фаеры. Пахло смолой и еловыми досками. С канала порывами дул ветер, и у Нины мерзли пальцы. Изредка налетала снежная крупа. Платону вернули его сумку, но, разумеется, все оружие, ножи и взрывчатку изъяли. В сумке нашлись перчатки для стрельбы — их называли митенки или шингарты. Платон достал перчатки и протянул Нине:

— Надень шингарты, так теплее будет.

Но все-таки главный вопрос, который тревожил Платона, был другой. Нина Перепелкина. Что ему теперь с ней делать? Перепелкина возникла из детского письма. Он знал, что ему нужно спасти не себя, а Нину, пионерку из лагеря «Уголек», ее сына Ваню и больного мальчика Шурика, который не понимает происходящего.

В гавани, на набережной, собирались сплавщики. Впрочем, они и не уходили отсюда с начала мятежа. Ставили палатки, на берегу зажигали керосинки, кипятили чай и варили на горелках шурпу, фирменный суп туристов. Многие сплавщики знали Платона и подходили, здоровались, интересовались, куда он пропал, предлагали помощь. С удивлением Платон обнаружил, что в нем не видели врага, которого надо уничтожить или выгнать с Острова.

Неожиданно толпа расступилась, и Платон увидел, как по живому коридору шагают Хелл Рейзер, Борис Животное и Витя Аверин. Хелл слегка прихрамывал, рука Бориса висела на перевязи. А Витя катил свой чемодан на колесиках. Вместе с ними шла Альбина, окруженная охранницами. Платон спрыгнул со сцены. По очереди обнялся с друзьями.

— Меня ввели в заблуждение, — сказала Альбина, — неправильно информировали. Бориса мы хотели оставить в госпитале, но он отказался. Ваш советник по культуре растянул ногу при падении. Одним словом, я их отпускаю.

— Так мы, выходит, свободны? — спросил Хелл Рейзер. Отлично! Я бы сейчас выпил рюмку шнапса. Предлагаю выдвинуться на «Керосинку»! Есть там харчевня. Называется «Сквозняки у Карла». □

Окончание следует.

Рио, где-то на Марсе

Лариса
Новосельская

Много лет прошло после нашего семейного — я с мужем — путешествия в Бразилию, но до сих пор не можем сложить пазл: где же мы побывали? Неужели на Земле есть рай?

Даже с Китаем было проще, — помогал персональный гид, хотя Шанхай и его окрестности — это определенно другая планета.

Киплинг вспоминался всюду — «Восток есть Восток, и нам никогда не сойтись» — даже в магазинах, где толпы продавцов, энергично прикладывающих товар к телу клиента и цокающих языком из-за неподходящей длины, раз за разом приносили со склада зеленые, черные и даже белые штаны, но... точно такого, уже отвергнутого размера! Но не буду отвлекаться. Итак...

Слева:

*Ух,
Копакабана*

*Чучела
по-бразильски*

Что мы знали о Рио-де Жанейро кроме белых штанов, о которых мечтал известный персонаж? Слышали еще про диких обезьян и некоего дона Педро... Разве это повод мчаться на другой край света? Но, похоже, иногда путешествия из хобби превращаются в хроническую болезнь, о которой знал еще Сенека, призывая своего друга Луцилия сидеть на месте.

«Ты не странствуешь, не тревожишь себя переменой мест — это внушает мне на твой счет немалую надежду. Первое доказательство спокойствия духа — способность жить оседло и оставаться с самим собою».

Но как устоять, если «Аль Италия» объявила щедрую скидку на билеты, потому что в Рио -де -Жанейро закончился ежегодный карнавал.

*Рынок —
и глазам вкусно*

Справа:
*Лестница
Селарона*

И мы самонадеянно (бывалые же пилигримы!) полетели на другой конец света — без проводника и без знания португальского языка. Устоять не могли — когда еще представится такая возможность? Кстати, правильно поступили. Потому что такой путь — 2 часа лета до Москвы, 4 — до Рима и 14(!) до Рио — можно преодолеть, будучи хотя бы относительно молодыми. Но долетели, куда деваться!

И, как обычно за границей, первые дни с нас сползала короста недоверия и подозрительности...

Когда же на коряво переписанный с гугла-переводчика листок «Paodeocular» охотно откликнулся первый встречный прохожий и, поманив нас за собой, вел два или три квартала, — до самого подножья знаменитой Сахарной головы, подъем на которую уже возможен на фуникулере, недо-

верие сменилось удивлением и даже восхищением. Нет, если совсем честно, по дороге мы прикидывали, сколько реалов запросит «Сусанин» за свою экскурсию, и волновались, пока на прощанье не получили лучезарную улыбку и певучее «Чао-чао» и не устыдились своего жлобства. А еще нас поразил водитель автобуса, который, поняв, что мы перепутали маршрут, высадил нас из своего и пересадил в другой, объяснив коллеге, что мы уже купили билеты.

Но к этому мы быстро привыкли. К хорошему ведь быстро привыкаешь...

Мы сняли в отеле самый дешевый номер, впрочем, как обычно. И однажды прекрасным утром слышим

стук в дверь, и на пороге появляется человек из obsługi с бумажкой в руках и мольбой во взоре. На бумажке мы разглядели одно слово — «Протечка». Естественно, расстроились: вот невезуха! Но человек жестом пригласил нас на выход, мы поплелись вслед за ним, заранее рисуя картины одну страшнее другой. И... пришли в номер «люкс» — шикарные двухкомнатные апартаменты, да еще с сауной! Мы прожили здесь весь забронированный срок, не веря своему счастью и периодически осведомляясь на ресепшене, не придет ли нам счет на доплату. Дежурные нас каждый раз успокаивали и сообщали через гугл-переводчик, что отель таким образом извиняется за причиненные

неудобства в виде переселения. К такой заботливости мы тоже быстро привыкли.

В новом номере сразу включили телевизор — куда же от него деться — и поначалу не поняли, почему дефиле красавиц на канале моды превратилось в парад толстушек. Потом-то мы поняли, что именно толстушки составляют подавляющее большинство женщин и девушек на улицах. Труссы-«напопники» продаются в магазинах и на пляже — для тех, кому не хватило тела для стандарта. Корпулентные фигуры здесь модны.

Рио — темпераментный город. Здесь нет ни одного унылого и серого здания — все они покрыты яркими граффити, и муниципальные службы, похоже, не собираются их закрасивать — художник ведь трудился, нес людям радость! Может быть, поэтому и люди здесь веселые, приветливые, сияющие улыбками...

...Один из нашей компании пригласился проводить вечера в аптеках, похожих на маленькие кафешки, оправдывая свои посиделки с красивыми, похожими на героинь Альмодовара (см. «Женщины на грани нервного срыва») дамами вкуснейшим и бесплатным кофе!

Дамы не только компанейски пили кофе, но и пытались помочь — найти в интернете странное заболевание, которым страдает внук русского сеньора — *disbacteriosis*.

— *Diarrea*? — отрывались они от айфонов и грустно возвращались в сеть: — опять не то!

— Конечно, с круглогодичной папайей у них никакого дисбактериоза и даже язвы не будет! — завидовала я, уминая манго, гравиюлу, аннону, асаи и еще бог знает что!

Поверьте, седьмое чудо света — 38-метровый памятник Христу — Искупителю, который когда-нибудь рухнет под натиском орущих, визжащих, бегающих по ступенькам, падающих на спину в поисках ракурса, фехтующих палками для сэлфи «паломников». А еще здесь огромное количество маленьких рынков, где за копейки продаются плоды такой невиданной красоты, вкуса и пользы, какие нам и не снились!

Словом, в Рио мы, в конце концов, освоились и жили безмятежно пока... не попали в самый бедный и неблагоустроенный район, знакомый всем по знаменитому фильму «Генералы песчаных карьеров», — фавелы.

Разыскивая лестницу Селарона, ступеньки и перила которой инкрустировали (надо же скрасить жизнь местных обитателей!) картинами из разноцветной смальты художники с мировыми именами, мы забрели на самую окраину Рио и наткнулись на другие дома и других людей — неприветливых и, мягко говоря, малоинтеллигентных. Стараясь не дышать, боком проскальзывали мимо многолюдных темных баров, спиной ощущая жгучие оценивающие взгляды, не сулящие нам ничего хорошего.

Также из соображений безопасности воздержались от посещения Бо-

*Праздник
непопулярности*

танического сада, где мечтали встретить диких обезьян. Хорошо хоть дон Педро нашелся в виде картины в национальном музее.

А вообще-то с этими путешествиями всегда происходит странная вещь: сколько бы вы миль не отмотали, как бы далеко от дома не убежали, все на новом месте покажется обычным и привычным, даже экзотика. И всегда убеждаешь себя: сюда мы съездим (сходим), посмотрим (купим) в другой раз. А потом, вернувшись домой, понимаешь: другого раза не будет! Все надо делать вовремя и на месте! До сих пор жалею: столько раз проезжать мимо огромного представительства алмазной фирмы «Де Бирс» в Рио-де-Жанейро и не зайти в магазин, похожий на сказочный дворец! Не прикупить, понятное дело, парочку бриллиантовых колечек, а просто поглазеть на это великолепие! Все,

теперь поздно. Синдром беспечного туриста — вот как это называется. И еще...

Как мы ни старались обезопасить себя от общения с фавелами, приключения нашли нас в самом центре города — на легендарном пляже Копакабана, возле которого крутились, и не зря, полицейские наряды. А под каждой пальмой спал человек, не оставляющий сомнения в своей социальной принадлежности.

...Бомжей в Рио так много, потому что их берегут и любят. Во всяком случае, заботливо подсовывают под полуобнаженные, черные от загара тельца картонки — не на голом же асфальте человеку почивать — и ставят рядом тарелки с фастфудом:

— Угощайтесь, ребятки, не стесняйтесь, мы вам еще купим!

А они и не стесняются. Целыми колониями обживают фешенебель-

В метро

ные пляжи, обустроивая свои стойбища подальше от мокрого песка.

И вот однажды ослепительно ярким утром к нам, выброшенным на берег высоченной океанской волной, оглушенным и ничего не подозревающим, приближается странная троица с горящими глазами, и один из нее, самый дерзкий, уже пытается сорвать золотую цепочку с шеи руссо-туриста. Тот в панике озирается по сторонам, надеясь на помощь, но лица не спешат — они, как и другие горожане, относятся к «генералам» снисходительно.

Положение спасает торговец гамаками, который, бросив товар, хватает нас за руки и буквально волочит по песку на выход, к полицейскому наряду. Только при приближении лю-

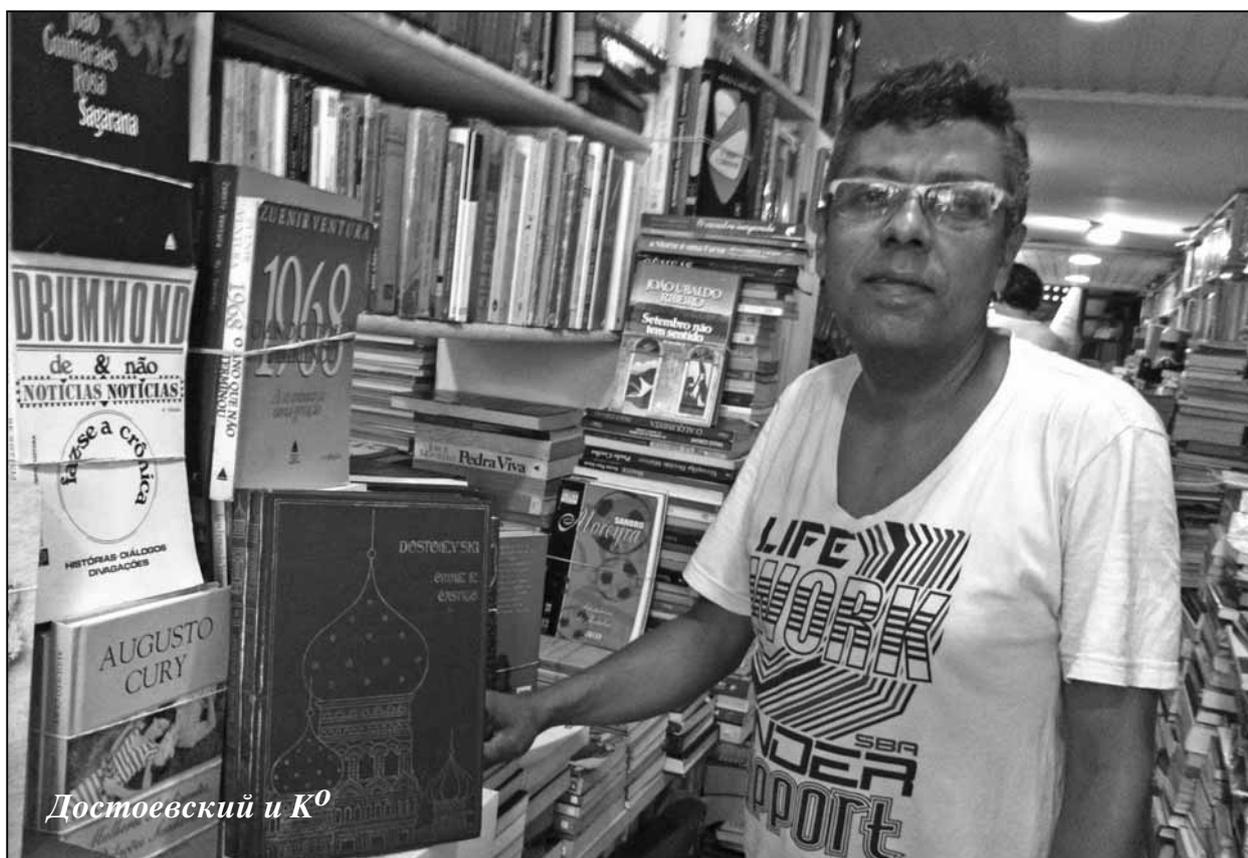
дей в форме жуткая троица, не отставшая от нас ни на шаг, развернулась и медленно-лениво, не теряя достоинства, направилась к своему стойбищу.

Но какого страха мы натерпелись! Зато получили урок: нечего провоцировать — загорать в золотых цепочках, то бишь «соваться со своим уставом в чужой монастырь».

...Еще один урок мы получили уже дома, узнав из какого-то видового фильма, что на Копакабана смертельно опасно заплывать за волну — можно попасть в отбойное течение, которое вынесет из залива в открытый океан. А мы-то удивлялись, почему никто не соревнуется с нами в дальности заплыва, а с берега нам кричат и выразительно машут руками? Но мы же не владеем португальским!

Если кто-то, читая эти строки, подумал, что Рио — город без культуры, смею вас уверить: столько книжных магазинов, как в Рио, мы не встречали даже в цивилизованной Европе. Один продавец не отреагировал на наш адрес: Россия, но, услышав «Толстой-Достоевский», приветливо улыбнулся и вытащил из-под прилавка «Críticoperúcao», как мы догадались, «Преступление и наказание» в солидной кожаной обложке.

Формат книжного магазина тоже своеобразный. Книжки не только вальяжно выстроились на полках, но и грудой лежат на полу. Покупатели, тоже присев на пол, со знанием дела перебирают эту гору и добывают из нее нужное.

Интернет здесь работает на высокой скорости, читать онлайн можно легко, но бумажные книги в чести, в чем мы убедились, обходя кварталы и встречая в каждом обязательную книжную лавку, не считая газетных киосков, ломящихся от свежей продукции, к которым (видели своими глазами) по утрам выстраивается очередь, как у нас когда-то.

А какое метро в Рио-де-Жанейро! Оно проложено через весь город вдоль океана и очень удобно даже для иностранцев, не умеющих читать схемы. Наша «тургруппа» без подсказок пользовалась этим удобным транспортом и легко добиралась до самых дальних достопримечательностей, отмеченных заранее на карте.

...Давно известно, что лучший банк — это память. И как жаль, что жизнь заканчивается, а наш банк заполнен едва ли на четверть! Еще больше жаль тех, кто, по версии Сенеки, вполне здоров, то есть не путешествует, но до сих пор считает, что «за морем живут люди с песьими головами».

Но, думая о Рио, преклоняясь перед этим отражением духа бразильской культуры, — яркой, позитивной, зажигательной, — восторгаясь дивным, райским городом, почему-то вспоминается «Второй шанс» Рэя Бредбери. Помните, как астронавтов на чужой планете встретили их родные и близкие, которые все-таки оказались марсианами?... □

Фото автора

Плакальщица

На то, чтобы понять: завтра — это совсем другой день, мне понадобилось двадцать с лишним лет сознательной жизни...

Раньше я «пробуксовывала» сквозь ночь, вязкую, бесконечную, полную изматывающих черно-белых снов, панически боясь расплескать свое «вчера» и протянуть его в «завтра», чтобы, окончательно проснувшись, лихорадочно отчитываться перед вчерашним в том, что уберегла его в целостности и сохранности, не позволила ночному выпадению в подсознательное затуманить память о прожитом...

Теперь все иначе. Моя работа научила меня тому, что завтра может и не наступить. Поэтому я с легкостью сбрасываю с себя прожитый день и не тащу груз пережитого накануне в неясное, зыбкое будущее. Мне это удалось не сразу, и, если честно, я еще тружусь над этой проблемой. Но мне здорово помогает моя работа.

Я — плакальщица, так я определяю свою экстравагантную для людей с хорошим чувством юмора должность. В словаре у Даля я прочла:

«Плакальщица (плачя, плакуша) — женщина, которая по найму вопит, воет, плачет, причитает по покойнику, а также заводит, запекает плачи по невесте на девичнике, зная все причитания и заплачки».

Закончив актерский факультет театрального института, я не смогла устроиться ни в один московский театр, а уезжать из Москвы для меня было абсолютно невозможно. У меня в самом разгаре был роман с женщиной, который оказался тогда для меня дороже всего на свете. Меня и в театр, видимо, не взяли потому, что вся моя эмоциональная, чувственная природа принадлежала только ему, красивому смуглому каскадеру Ивану Переладову. Бесстрашный, шальной, легкий, выполняющий с восторгом

трюки, которые предназначались для смертников — такими опасными они мне казались, он воплощал все безусловные мужские качества.

— Ты — мой цветик-семицветик, заблудившийся мальчик-с-пальчик, одуванчик бесплотный, — приговаривал обычно Иван, отжимаясь мной по утрам вместо гири и, видимо, испытывая ко мне, как сильный к слабому, море тепла, нежности и жалости.

— Ну, хватит, хватит, запричитал, — возражала я. — И учти, если ты меня уронишь, я сразу разобьюсь — у меня хрупкие кости, и чего я только в детстве не ломала.

— Женька, ты — моя сказка, разве я посмею тебя уронить... ты же совершенство, пестик мой длинноногий, былиночка... Ты — секси, Женька, мне здорово повезло.

Я всегда слушала любовные излияния Ивана с холодящим внутренности суеверным страхом. Я видела толпы его поклонниц — и совсем юных, и красоток моего возраста, и умопомрачительно роскошных дам бальзаковского возраста. Все они расценивали его странный выбор дамы сердца как досадное и непродолжительное недоразумение. Меня бесцеремонно оттирали в сторону, когда он появлялся после очередного трюка с невыносимой для меня улыбкой человека, только что обманувшего смерть. Короче, я была влюблена, переполнена страхом за жизнь возлюбленного, вовлечена в его бурную, сумасшедшую жизнь, и только когда мои бывшие педагоги начинали сетовать и изумляться, что меня, самую талантливую с курса, отказываются брать московские театры, недоуменно пожимала плечами и пыталась придать лицу горестное выражение. На самом деле тогда мне совсем и не хотелось впрягать себя в тугую, забирающий все время и нервы уклад актерской профессии. Как сказал кто-то из великих: «Священнодействуй или убийся вон!» И, понимая, что разрывать себя между работой в театре и Иваном никак не получится, я убралась вон... как мне тогда казалось, временно. Как только наши отношения приобретут нормальные человеческие условия, и я перестану метаться с ним из города в город на съемки трюков, тогда я соберусь, сконцентрируюсь и буду брать приступом тот театр, в котором захочу работать. А пока меня просто распирало от гордости и счастья, что меня любит самый необыкновенный мужчина на свете.

Он, в принципе, был весьма непредсказуемым молодым человеком, мой Иван, и увлекался самыми неожиданными предметами. Когда мы только познакомились, его страстью были учебники и медицинские руководства по офтальмологии. Он с упоением изучал устройство глаза, патологические процессы в сетчатке и глазном яблоке, уяснял пристрастно, что влияет на остроту зрения и почему процесс созревания катаракты протекает, независимо от возраста, крайне индивидуально. Мог часами задавать вопросы

по глазным болезням старинной приятельнице его родителей, профессору красновского глазного института, и сердился, когда она за отсутствием времени обрывала поток его неутолимой жажды знаний в офтальмологической науке. Мне было весьма дискомфортно от такого, мягко выражаясь, необычного хобби моего любимого. Я не могла, как ни старалась, относиться с симпатией к цветному изображению глазного яблока в медицинском учебнике, где вывернутый наизнанку глаз, студенистый, опутанный выглядел устрашающе, а моя легко возбудимая актерская природа моментально концентрировалась на собственных зрительных органах. С ужасом и отвращением я переносила увиденную картинку на себя, и потом в течение нескольких дней мне было больно шевелить глазами, по утрам я с трудом разлепляла слипшиеся веки и под руководством Ивана промывала их спитым чаем и капала «Визин»¹, чтобы ликвидировать красноту, разрушающую небесную голубизну моих белков. Когда в глазах появилась невыносимая резь, Иван отвез меня к подруге своих родителей, светила глазных болезней профессорше Ариадне Артуровне. Крупная, смешливая, с мягкими добрыми руками и глуховатым обаятельным голосом, она сразу врубилась в ситуацию, осмотрела меня и, негромко похохатывая, безапелляционно заявила:

— Оставь ребенка в покое, Иван, со своими офтальмологическими пристрастиями. Она слишком впечатлительна и примеряет все на себя. Кончится настоящим психозом. А сейчас лучше подожди за дверью.

Проведя в кабинете Ариадны Артуровны почти два часа, я просто влюбилась в эту сильную, большую и такую женственную профессоршу. Особенно поразил меня один факт. В кабинет без стука ворвался молодой доктор, и, видимо, привнеся с собой свой собственный ритм ординатора клиники, загнанного огромным количеством больных, не здороваясь, чуть задышавшись, произнес скороговоркой:

— А почему Морозова привезли из Склифа? Куда его теперь?

Ариадна Артуровна неторопливым движением сдвинула на лоб очки и непостижимо сочетаемым ласково-жестким тоном ответила:

— Во-первых, отдышись, а потом здравствуй. Мы сегодня еще не виделись.

Затем обратилась ко мне:

— Как там в вашей сфере, деточка? «Служенье муз не терпит суеты?» — и, кивнув растерявшемуся доктору на стул, добавила с усмешкой: — Нам, Леша, такой лозунг явно бы не повредил. Не надо создавать в клинике ненужный ажиотаж. Нашим больным и без того нервно, поэтому, будь добр, научись покою, не безответственному равнодушию, а именно покою... в самом великом значении этого слова. Серезу Морозова я распорядилась перевести к нам, и на завтра назначим операцию. Распорядись,

чтобы мальчика положили в одиннадцатую палату, и через час проговорим детали.

Вспорхнувший на указанный мэтром кончик стула эскулап Леша, напоминающий нахохленного воробья, озадаченно вытер вспотевший лоб и сипло пробормотал:

— Просто жизнь такая... закручивает.

Ариадна Артуровна хохотнула и довольно покосилась на меня:

— На этот случай Женечка тоже может кое-что вспомнить из наследия Константина Сергеевича Станиславского. Правда, детка? Все личное остается за входной дверью. Здесь — храм... Поэтому — «священнодействуй или убирайся вон!»

Я вздрогнула. Ведь совсем недавно именно этими словами я выбирала между театром и Иваном. Ощущение собственной никчемности больно стиснуло сердце. Здесь идет борьба за человека, и эта уже немолодая профессорша проводит бессонную ночь в поисках сохранения зрения у больного ребенка, а ее взмыленный ученик пригласит сейчас взъерошенную шевелюру, восстановит в душе покой и ринется отвоевывать у тьмы тех, чьи глаза так жаждут света, солнца, жизни...

Выпроводив Лешу и воспользовавшись отсутствием Ивана, милая Ариадна Артуровна, закапав мне в глаза какие-то капли, мягким полусшепотом посоветовала:

— Вам необходимо поменять выражение глаз, деточка, когда вы смотрите на Ивана.

— Это... выглядит неприличным? — взвилась я на кресле.

— Хуже, — успокоила меня профессорша. — С такой преданностью только подкидыш-щенок взирает на своего благодетеля. Учтите, деточка, любой мужчина — это опасный, коварный противник, и очень наивно и пагубно полагать, что может быть иначе. По сути дела, мужчина, как таковой, намного примитивней женщины. Что касается обожаемого мной Ивасика, то мне трудно воспринимать его объективно. Он — любимое дитя моих лучших друзей, царствие им небесное, и после их гибели в автокатастрофе я поклялась по мере моих возможностей заменить ему мать. Ему тогда было четырнадцать... Любовь к машинам перешла к нему от отца — тот гонял как Шумахер... Страсть к скорости и погубила их обоих. Впрочем, я хотела сказать о другом... При всей своей мужественности Ивасик напоминает мне чеховскую Душечку. Он увлекается всем, чем увлечена его очередная пассия. Я желаю вам, деточка, долгой и счастливой жизни с Иваном, но... я не выношу иллюзий, поэтому будьте с ним пожестче.

— Значит... его увлечение глазами болезнями... не от вас? — усвоив единственное из услышанного, перебила я профессоршу.

Ариадна Артуровна засмеялась и легонько похлопала меня по плечу.

— Офтальмология — великая наука. Она оказалась сильнее любви к женщине. Ивасик был влюблен в мою ученицу Сонечку. Она работала ординатором в клинике, намного старше его, замужем...

— Это он сейчас к ней понесся? — опять перебила я Ариадну Артуровну.

— Успокойся, детка, ее здесь нет, она уже два года как работает в Тунисе. А Ивасик наверняка выпрашивает у хирургов пустить его на операцию. Это мы уже не раз проходили. Думаю, что ему не откажут, так что наберись терпения и жди. А я ушла на конференцию...

В то утро, когда я, занявшись уборкой, в великой задумчивости протирала заложённое закладками наследие Шекспира на тумбочке возле постели Ивана, меня вдруг прошиб пот при воспоминании о нашей беседе с глазной профессоршей. Я отчетливо осознала ту западню, которую подстроила мне жизнь. Память выхватила из потока последних событий тусовку, устроенную по поводу премьеры фильма, где Ивасик выступал не только каскадером, но и играл роль бесстрашного Тибальда в очередной осовремененной киноверсии о любовниках из Вероны. Он был так же удивительно прекрасен на экране, как и в жизни. И его гибель от руки Ромео вызвала потоки слез у благодарных зрителей.

Банкет было решено провести на природе, точнее, в поместье у одного из продюсеров фильма. Трехэтажная вилла с колоннами из оникса и малахита, огромный парк с прудом, где, изгибая горделивые шеи, грациозно скользили по глянцевой поверхности воды белоснежные лебеди, огромное количество челяди в фирменной одежде и столы, ломившиеся от яств.

Продюсер оказался обаятельным дядькой лет пятидесяти. Он смотрел на меня нежным взглядом и, бережно обнимая за плечи, говорил, как удивительно я похожа на его дочь, которая учится в Сорбонне и по которой он жутко скучает. Потом пригласил меня пройти в его кабинет, чтобы продемонстрировать фотографию обожаемой дочери.

Такие кабинеты я видела только в крутых журналах. Овальное помещение метров за сто было обставлено роскошной мебелью красного дерева: полукруглые кресла и массивный диван обтянуты тончайшей лайкой цвета топленого молока. Правда, письменный стол был завален бумагами, папками с документами, стопками газет и журналов. Такой же бумажный хаос наблюдался на просторном, тоже овальном, журнальном столе. И на пушистом ковре были раскиданы журналы с растопыренными в разные стороны картонными закладками.

Хозяин кабинета указал мне на кресло, достал из бара бутылку кампари и, налив в стакан, разбавил наполовину апельсиновым соком.

— И... где же фотография вашей дочери? — спросила я, пошарив глазами по стенам в поисках портрета.

— Нет, нет, она у меня здесь. Всегда перед глазами.— Продюсер взял с письменного стола изысканную овальную рамку и, присев на подлокотник моего кресла, с нежностью проговорил:

— Вот такая она, моя Кристинка.

С цветной фотографии смеялось во весь рот худенькое большеглазое создание. Она и впрямь походила на меня — такой же короткий, чуть вздернутый нос, прямые непослушные волосы цвета соломы, круглые зеленовато-серые глаза, впалые щеки и пухлый детский рот с чуть оттопыренной нижней губой. Даже выражение лица похоже — наглое и одновременно беспомощное.

Повертев в руках рамку, я выдавила из себя:

— Хорошая у вас дочка. Такая же обаятельная, как и папа. Только почему в кабинете все овальное?

— Насчет овалов не совсем так, — коротко рассмеялся Игорь Анатольевич, — имеется в моем кабинете кое-что другой формы.

Он отодвинул штору, и я восторженно ахнула. Почти во всю стену было вырезано огромное круглое окно, смотревшее прямо в сад. Я поднялась с кресла и подошла к окну. Отсюда была видна ухоженная поляна с уголком для барбекю. Там возле дымящегося мангала толпились подвыпившие гости. Моего Ивана, как всегда, окружала компания женщин всех возрастов и мастей, но он, смеясь и что-то машинально отвечая, рассеянно оглядывался вокруг. Мое сердце наполнилось гордостью — я ушла с продюсером, не предупредив его, и он разыскивает меня взглядом... Но глаза его внезапно сфокусировались на чем-то, что не попадало в поле моего зрения, он с облегчением выдохнул и с радостью человека, который что-то потерял и вдруг обнаружил пропажу, шагнул вперед. Мой лоб приклеился к круглому стеклу, и я вздрогнула всем телом, увидев, как Иван ослепительно улыбается молодой высокой брюнетке с гладко прилизанной головкой и низким пучком роскошных вьющихся волос. Она, чуть надменно отвечая улыбкой, приняла из его рук бокал с вином и пошла к столу подпрыгивающей походкой. Иван шел следом, касаясь ее противоестественно прямой спины широкой ладонью.

— Балерина... — растерянно выдохнула я.

— Не совсем. — Игорь Анатольевич обнял меня за плечи и постарался отклеить мою прилипшую челку от запотевшего окна. — В прошлом балерина, а теперь театральный критик. Злая на язык баба. Читал ее последнюю рецензию на «Короля Лира». Не хотелось бы попасть в объект ее исследовательского внимания.

— Вам не грозит, — успокоила я продюсера. — Вы же не собираетесь становиться мишенью для таких... они всегда безжалостны к творцам, эти театроведы... сами ничего не создают, только и умеют, что попирать чужое вдохновение.

Слова выпрыгивали из меня сами по себе, а глаза лихорадочно следили за тем, как Иван выкладывает плоской балерине на заслуженном отдыхе кусочки шашлыка. Он поддевал вилкой мясо и ловко снимал его с длинного шампура прямо в центр огромной одноразовой тарелки. «Плоскодонка» строптиво руководила этим процессом, и возникало ощущение какого-то эротичного таинства...

— У вас такой шикарный дом, а тарелки для шашлыка картонные, — с осуждением произнесла я и услышала в ответ одобрительный смешок над своим ухом. Он и впрямь был славный дядька, этот всемогущий продюсер. И хотя его «отцовская» рука все еще отдыхала на моем плече, я могла в любую секунду скинуть ее и встретить полное понимание в моем неприятии почувствовать над собой родительскую опеку...

Когда добросовестно изучив два пухлых альбома с детскими фотографиями белобрысой Кристинки, я вернулась на полянку для барбекю, «Плоскодонки» в галдящей компании не было, а Иван с радостной физиономией ринулся мне навстречу....

Я машинально провела тряпкой для пыли по стопке книг и, присев на краешек кровати, вытащила самую тоненькую. Это была монография кандидата искусствоведческих наук Дианы Днепровой по исследованию сценичности Шекспира. Монография имела дарственную надпись, жирно замазанную белой пастой. Я поковыряла ее пальцем, но паста отваливалась только вместе с бумагой. Прodelав дырку в титульном листе, я вздохнула и, выйдя на балкон, плюхнулась в плетеное кресло, подставляя полуденному солнышку и так пылающее лицо. Присевший на перила жирный, самодовольный голубь удивленно глянул на меня, и я процедила сквозь зубы:

— Я тебя ненавижу! Тунеядец! Раньше таких, как ты, выселяли за сто первый километр. Хотя... Может, лучше жить за сто первым километром, чем делать вид, что за несколько веков театр не изучил до дна сценичности Шекспира. А уж то, что там наизучала балетная пенсионерка, можно только повесить на уши такого неискушенного шекспироведа, как Иван. Да и то...

Я хотела прибавить что-то типа того, что только с его способностью увлекаться поразившим его объектом, со всем его, объекта, психологическим пространством и интеллектуальными запросами, можно так попасться, но тут же подавленно осеклась. Если так, то что, собственно, являю собой я?! Выучившаяся на артистку и никем не востребованная мелочь

пузатая! Инфузория-туфелька! Претендующий на отцовство продюсер Игорь Анатольевич захлеб рассказывал, как сходит с ума от изучения биологии его бесцветная Кристинка в своей Сорбонне, как фанатично мечтает стать великим исследователем какой-то там не поддающейся пониманию генной зависимости человека. С утра до ночи изучает в дырку микроскопа клетку и заходится в эйфории.

Я разжала кулак, все еще судорожно сжимавший тряпку от пыли, и вдруг вспомнила наш разговор с Игорем Анатольевичем в его овальном кабинете, когда он незаметно заставил меня разоткровенничаться, и я поведала ему грустную историю моего отрочества. Наверное, в этом бизнесмене было что-то подкупающе человеческое, если я вдруг отважилась расколоться на свои детские воспоминания, которые страстно ненавидела...

Короче, моя мать умерла при родах, так и не сообщив белому свету, от какой сволочи она меня зачала. В отличие от тех бедолаг, с которыми я делила свое детдомовское прозябание, я никогда не шастала вдоль обрыдлого ржавого забора в ожидании сказочного появления родителей. Я была маленьким злобным волчонком, и приручить меня было не в силах даже свалившейся с неба доброй фее с волшебной палочкой, которая одним касанием превратила бы чумазого, белобрысого ублюдка в застиранной линялой одежонке в нарядную благополучную Барби.

Кстати, за такую Барби я была бита своими соплеменниками до полу-смерти. Однажды после показушного благотворительного визита какой-то организации в нашу игровую комнату внесли коробку с игрушками, и среди всего прочего там находилась умопомрачительная длинноногая кукла в роскошном вечернем платье, с длинными льняными кудряшками до пояса, крошечным хрустальным колье на длинной шейке и с такими же висячими сережками. Девчонкам было велено помыть руки с мылом, и только после этого разрешили поддержать по очереди это чудо. Я была в тот день наказана за отказ доесть до «чистой тарелки» опостылевшую студенистую кашу и из угла, в котором стояла, исподлобья наблюдала, как мои «однополчанки» с холуйской завистью неуклюже перебирали шершавыми руками в цыпках оборки на вечернем наряде Барби. Ночью я пробралась в игровую со спрятанной под подушку банкой гуталина и с остервенелым вожделением перемазала куклу жирной, вонючей ваксой. Колье и серьги растоптала до мелкого порошка, а малюсенькие изящные вечерние босоножки спустила в унитаз. Наутро была деловито и основательно изморожена заплаканными девчонками и на месяц отлучена от репетиций детдомовского хора, где была главной солисткой.

Мой не по годам сформировавшийся голос в красивое богатое контральто непостижимым образом решил дальнейшую судьбу. На районном кон-

курсе, где я басом выводила «Уральскую рябинушку», меня увидела ассистентка с Мосфильма, искавшая подростка на главную роль в картину известного режиссера Робермана. На пробах вместо ожидаемого зажима за тюканной убогой детдомовки, съемочная группа получила наглый, раскованный протест, и я была с восторгом утверждена на главную роль. Во время съемок я жила в уютной красивой квартире Иосифа Алексеевича Робермана. Не потому, что они с молодой женой Эллой и мамой Эстер Львовской в инвалидном кресле на колесах решили меня удочерить. К этому вынудили обстоятельства: дважды из-за моего «нетоварного» вида отменялись съемки. Мои кореша по детдому со злобным шипением: «Бей артистку!» — метелили меня в спальне, оставляя на лице синяки и ссадины, которые не брал грим. Наказание виновных директрисой не увенчалось успехом — я была вновь избита и тогда переехала в дом Робермана.

Фильм получился классный. Меня даже свозили на кинофестиваль в Болгарию, но потом Роберман с семьей отвалил на свою историческую родину, а меня водворили обратно в детдом.

С грехом пополам закончив восьмой класс, я поступила в медицинское училище. После первого похода на занятия в морг, зеленого цвета, с подступающей тошнотой, на ватных ногах я выкатилась, держась за стены, в коридор и жадно припала к дымящемуся чинару, протянутому сочувствующим сокурсником. Так начала курить...

— Да-а, — проникновенно протянул тогда Игорь Анатольевич и почему-то поспешно снял родительскую руку с моего плеча. — Значит, научилась ухаживать за больными?! А ты, оказывается... стреляный воробей. — И поспешил извиниться: — Я в том смысле, что биография у тебя непростая.

— Ничего, — великодушно ответила я и в знак полного понимания вернула его руку на свое плечо. — Когда поступила в театральный, хотела бросить, но педагоги так заходились от моих хрипловатых низких обертонов, что испугалась... Курить брошу, и вдруг изюм из голоса исчезнет? Хотя все это, конечно, мура собачья... Медицинское я не закончила, но основными навыками все же овладела — полтора года проучилась... Училась на фельдшера и вкалывала в онкологическом центре ночной сиделкой...

... — Понял, сачок? — закончила я непрошенные воспоминания, обращаясь к голубю. — Так что за сто первый километр ищи себе другую компанию.

Из кармана пижамы вдруг засигналил мобильник.

— Жэка, я в Москве, мечтаю увидеть твою рожу, — завибрировал из трубки густой мелодичный голос детдомовского кореша Максима Свободина. Это был единственный голос из той жизни, от которого внутри меня не поднималась отвратительная, настоящая на ненавистной, с твердыми студенистыми комками, каше тошнота. Он был на год старше меня и на двести

лет умней. «Жених и невеста, тили-тили тесто», — в злобной ажитации извергали свою недетскую агрессию мои собратья по детдому. А он, некрасивый, коренастый, наделенный огромной физической силой, с плоским перебитым носом и шрамом поперек толстых губ, оттирал от меня беснующуюся ораву мальчишек и девчонок и грозил кулаком, похожим на кувалду. Он защищал меня, давал за меня сдачи и, в очередной раз попортив кому-нибудь «портрет», смачно сплевывал и, по-взрослому озадаченно взглядывая на меня, бубнил: «Не хочется, конечно, руки марать, но ведь такого дохляка, как ты, эти гниды враз раздавят». Он ценил мою независимость и чувство собственного достоинства и, подкармливая после моего очередного стояния в углу или пребывания в темной, вонючей кладовке сворованными на кухне кусками какой-нибудь еды, приговаривал: «Чует мое сердце, Жэка, из тебя человек получится».

А потом случилось невероятное. Его, самого внешне неказистого, усыновили супруги из Штатов. Я горько и безутешно рыдала в подушку, а он гладил меня по голове тяжелой, заскорузлой ладонью и бормотал: «Пойми, глупая, это шанс. Отсюда надо ходу любым способом. Мне ихние Штаты на хрен не нужны, и от этих америкосов блевать тянет, но это шанс... Ты не реви, тебя вон в артистки берут, а я сам там оклемаюсь и тебя вытащу. Ты только верь мне...» Я верила. И потом долго думала, что, возможно, и фамилию он получил неслучайную — Свободин. Он весь был точно выполнен из крутого замеса того, что зовется волей — шалого бодрящего ветра, парной плоти земли, вечернего сплава бескрайних хмельных полей с багровым тревожным закатом солнца и безмолвным обещанием природы своего извечного круговорота. Он был сильней моей ненависти к собственной участи и надежней всех слов и обещаний. Максим слал мне письма и посылки из Штатов на адрес бывшей робермановской домработницы Таси, и я время от времени щеголяла в новых джинсах или модной «навороченной» куртке. Он писал мне скупые, больше похожие на записки послания, и с каждым годом его врожденная грамотность начинала грешить забыванием родного языка. Я почему-то мучительно тяжело переживала это его постепенное отторжение и, с тревогой прислушиваясь к его словам, пыталась разгадать, нет ли в нем самом какой-то существенной перемены. Мои опасения развеялись, когда я переселилась в институтскую общагу, и он стал звонить мне на проходную. Он был такой же, только повзрослевший и забавно сглаживающий некоторые буквы в словах.

— У тебя акцент, Макс! — засмеялась я, впервые за долгое время услышав его такой родной, волнующий голос.

— Поверь, Жэка, в моей душе нет места никакому акценту. Это чисто внешнее. — Как всегда лаконично расставил он все точки над «і».

Необъемная грудастая вахтерша тетя Шура зычно вызывала меня на переговоры.

— Борисова, а ну, дуй к телефону. Хахаль звонит американский.

— Теть Шур, сколько раз можно повторять, что Макс никакой не хахаль!

— А кто ж?

— Гораздо важнее. Друг детства.

— Ага. А то я мужиков не знаю. Будет друг детства валюту изводить на международные разговоры. Да ты не тушуйся, Борисова, я ж не возражаю, пусть звонит, сколько влезет... Сам-то чем занимается? Тоже артист?

— Нет, тетя Шур, он врачом будет. Хирургом.

— Вот это он молодец! — одобрительно кивала тетя Шура. — Врачи у них получают хорошо. Не то, что наши голодранцы. Может, со временем и тебе чего перепадет, раз уж дружба такая...

Американские родители Максима приглашали меня в гости, но мой устойчивый детдомовский комплекс с идиотическим постоянством не позволял воспользоваться их гостеприимством. Я ссылалась на дикую занятость и до головной боли терзалась жгучим желанием увидеть эту немыслимую Америку. На втором курсе судьба подарила мне поездку в Чикаго на международный кинофестиваль с фильмом, в котором я снялась. Семья Макса жила в Калифорнии — туда я не добралась, зато Максим прилетел на два дня, и мы, наверное, сутки пребывали в счастливом оцепенении, смотрели друг на друга, балдея от немыслимости происходящего, смеялись невпопад до коликов в животе, заходились от распирающего комка слез в черепушке и, пытаясь скрыть эти слезы, несли несусветную чепуху... Потом Макс прилетал в Питер по своим студенческим делам, и я моталась туда, чтобы сказать ему молчаливыми преданными паузами, как он мне бесконечно дорог...

Все это мигом пронеслось в голове, когда я услышала по мобильнику его голос.

— Макс, черт подери, почему не сообщил заранее?

— Детка, могу побыть сюрпризом? Или не так?

— Можешь... Ты можешь все, Макс. Как же ты кстати!

— О кей. Где и когда?

— Немедленно, Макс! Ты где остановился?

— В «Пекине».

— Я мчусь к тебе! Встречаемся у левой ноги Маяковского.

Через сорок минут я сквозь пелену слез с улыбкой следила за широкоплечим, коренастым молодым человеком, который торопливо пересекал площадь. Две девушки остановились и посмотрели ему вслед. Оглянулась эффектная пожилая дама. Девчонка-подросток с собачкой на поводке чуть не свернула шею. В нем, совсем некрасивом, с чуть приплюснутым

грубоватым лицом, чувствовалась та сила, надежность и мужское обаяние, которые покорили меня с детства.

— Так. А нельзя радость встречи обозначить поцелуем, а не заплаканной рожей?! — Макс сгреб меня в объятия, чуть оторвав от земли, и бережно покружил вокруг себя. Я прижалась к нему и, обхватив руками его голову, горестно прошептала.

— На тебя бабы заглядываются. Вот женишься, и она запретит тебе даже думать обо мне.

— Запретить думать невозможно. Ты голодная?

— Ты же знаешь. Я всегда хочу есть.

И мы отправились обедать в ресторан «Пекин».

— Рассказывай, Макс! — потребовала я, когда официант удалился с нашим заказом.

Максим нарочито тяжело вздохнул, вместо ответа полез в карман белого льняного пиджака и вытащил оттуда две коробочки.

— Сначала подарки. Это от Линды и Ричарда. А это — от меня.

В одной коробочке я обнаружила изящный золотой браслетик с россыпью мелких сапфиров, а в другой — роскошные серьги, составляющие с браслетом элегантный комплект.

— Как красиво! За что мне это, Макс? — простонала я, продергивая серьги в уши.

— За смех и за печаль, — засмеялся Максим и сразу стал серьезным. — За твой прошедший день варенья. За то, что ты единственный человек на нашем шарике, с которым у меня одно детство на двоих. И больше не задавай глупых вопросов.

Официант принес шампанское, виртуозно вывинтил пробку и разлил по бокалам.

— Давай, Жэка. За тебя. — Макс звякнул своим бокалом о краешек моего. — Я тебя люблю и по-прежнему готов организовать твою жизнь в Штатах. Так что ничего не изменилось.

Я отпила приличный глоток шампанского и пробормотала:

— Я тоже очень тебя люблю. А теперь колись, Макс. Кто она?

Максим озадаченно покрутил коротко стриженной головой и одним махом осушил бокал.

— Ну, ладно. Она — красивая женщина, очень умная и очень добрая. У нее трое приемных детей из разных стран, и она старше меня на десять лет. В Калифорнии у нее свой бизнес, она много занимается благотворительностью и почему-то полюбила меня.

— Не «почему-то», а потому что ты — самый лучший, — горестно прошептала я и так же тихо спросила: — А у тебя есть ее фотография?

Макс кивнул и вытащил из бумажника фотографию.

На зеленой лужайке, возле большого стильного дома со щенком на руках стояла стройная, высокая мулатка с красиво вылепленным чувственным лицом. Ее огромные, в пол-лица, глаза, действительно излучали добрый мягкий свет.

— Где... вы познакомились?

— Она приезжала по каким-то делам в офис к Ричарду, а я как раз был у него. У нее сломалась машина, и я отвез ее домой.

— То есть, любовь с первого взгляда? — жестко уточнила я.

— Видимо, так, — признался Максим и виновато взглянул на мое напряженное лицо.

— Красивая, — великодушно признала я и, не возвращая фотографию, добавила: — Я буду вынуждена ее полюбить.

— Вообще-то будет справедливей, если это будет не так уж вынужденно, — отозвался Максим.

— Как ее зовут?

— Ее зовут Глория. Глория Марлоу.

— Если она знает твою историю, возможно, ею руководят материнские чувства. Потребность усыновить в ней, вероятно, сильно развита...

— Жэка!.. — Максим укоризненно мотнул головой.

Я положила голову на краешек стола и зарыдала.

Его горячая ладонь легла на мой затылок, а я, вспомнив, как точь-в-точь такой мизансценой в детдоме провожала Максима на усыновление в Штаты, зарыдала еще горше.

— Простите, возможно, чем-то нужно помочь? — раздался над головой учтивый голос вымуштрованного официанта.

Я подняла зареванное лицо и, встретившись взглядом с растерянносочувствующими глазами вполне симпатичного паренька, хрипловато выдохнула:

— Вряд ли у вас получится. Ведь не могу же я привязать его к себе настолько.

Круглая физиономия официанта от напряжения покрылось испариной.

— Спасибо. Все в порядке. Просто, знаете, нервы... — тут же сжалась я над его обескураженным видом.

Мальчик облегченно выдохнул и выгрузил с подноса тарелки с салатом.

— Пойми, Макс, меня правильно и не сердись, — пролепетала я. — Конечно, во мне, как во всякой женщине, очень мощно присутствует собственный инстинкт. Но по отношению к тебе даже это ничто. Просто ты единственный, кого я люблю по-настоящему, ну, наверное, такой подлинной любовью, в которой всякое «чересчур» недостаточно. С большим пере-

бором, понимаешь? Ты же знаешь, мне вообще свойственно перебирать. Возможно, это удел всех творческих людей. Хотя теперь говорить обо мне как о творческой личности... даже смешно... Я никто, понимаешь, Макс, просто дырка от бублика. И со мной можно вообще не считаться...

Я собиралась снова разрыдаться, но Максим состроил зверскую физиономию и грозно прорычал.

— Я все понял, Жэка! Где он? Я набью ему морду.

— Не надо, Макс, — испуганно встrepенулась я, и слезы мгновенно высохли. — Это будет нечестно. Ты занимался всю жизнь боксом, а он всего-навсего каскадер со слабой физической подготовкой.

— Он обидел тебя?

— Обидел? Не знаю...

— Не понимаю, Жэка... Ты хочешь полного отчета о моей личной жизни, что естественно и справедливо, а сама увливаешь, как трусливый заяц, — огорченно произнес Максим и вздохнул: — Ладно, принимайся за салат.

Я послушно нависла над тарелкой и с небывалой скоростью заработала вилкой.

— Жуй, Борисова, жуй, нельзя так заглатывать пищу, — проговорил он гнусавым голосом директрисы. — Только удавы способны переварить целиком проглоченного кролика.

— Дождешься от вас кролика, как же! — огрызнулась я и, исподлобья оценив, как красиво ест Максим, добавила: — Твои америкосы научили тебя есть по-джентельменски. Прямо залюбуешься. Здорово!

— Учись, пока жив, — усмехнулся Максим. — Линда и Ричард не только жрать меня научили по-человечески, они научили меня смотреть на мир не злобными глазами затравленного ублюдка, а ощущать гармонию и красоту всего этого безобразия органами чувств вполне самостоятельного, уверенного в себе гражданина Соединенных Штатов. У них здорово это формируется с самого рождения. Пусть человек вырастет в ощущении, что вокруг тебя справедливость и отсутствие хаоса, и ты должен благодарить Бога, что живешь в такой стране.

— Скажи, Макс, а ты никогда не спрашивал, почему именно тебя они выбрали?

— Спрашивал.

— И что?

— Ричард всегда отшучивался. Дескать, всегда видел своего сына этаким косолапым медвежонком, коренастым увальнем. А Линда отнеслась к моему вопросу более обстоятельно. Нарыла семейные фотографии, и оказалось, что я дико похож на ее деда. Он дружил с Хемингуэем, и на фотографии они вдвоем перед домом Хема на Кубе. В охотничьих костю-

мах, с трубками в крепких зубах, по-моему, не вполне трезвые и очень довольные.

— Дед тоже был писателем?

— Нет. Он был военным, полковником, а после Второй мировой войны его произвели в генералы.

— Круто! И Линда — его единственная дочь?

— Слушай, не заговаривай мне зубы. Возвращаюсь к тому, что, если Иван тебя чем-то обидел, дело будет иметь со мной. И мне бы очень хотелось, чтобы он владел этой информацией.

В кармане завибрировал мобильник. Я взглянула на экранчик и слегка напряглась.

— У него, видимо, с интуицией все в порядке, — криво улыбнулся Максим. — Разговаривай. Выдирать из твоих рук аппарат я не собираюсь.

— Слушай, малыш, — зазвучал в телефоне возбужденный голос Ивана. — Я срочно улетаю в Сочи. На два дня. Не успеваю даже забежать домой. Все. Целую. Позвоню. Не забудь забрать из чистки мой костюм.

Я растерянно повертела отключившимся телефоном. К счастью, бесшумный официант поставил передо мной тарелку с дымящимся борщом. Схватив ложку, я отправила в рот обжигающий суп и, недовольно хмыкнув, проворчала:

— Только что он соврал, что улетаю в Сочи. То есть, может, и улетаю, но не один... Короче, Макс, меня ждет отставка.

И я рассказала своему другу детства все, как на исповеди. Только отпущения грехов не последовало.

— Дура ты, Борисова. Какой была дурой, такой и осталась, — зло произнес Максим. — Ты — замечательная артистка, иди в театр, работай, живи своей жизнью. Ты в детстве такого нахлебалась — на всю жизнь хватит, поэтому сейчас соберись и не жди, когда тебя опустят. Пока я здесь, помогу тебе расстаться с твоей халупой в коммуналке и приобрести приличное жилье. А от этого хмыря сваливай немедленно! И не смотри, как побитая собака. Если он не понимает, что теряет, — ему хуже. Ты любого мужика можешь осчастливить, тебе цены нет, ты, Жэка, — эксклюзив.

Максим замолчал, что-то напряженно прокручивая в голове, потом внезапно спросил:

— Тот старик... по-прежнему приходит к тебе во сне?

— Да. Не так, чтобы часто... Хотя последний раз это было совсем недавно, несколько дней назад. Мне снилось, что я бреду по желтой, выжженной солнцем пустыне и буквально задыхаюсь от жажды. Язык приклеился к небу, и я никак не могу его отодрать. Пересушенные горячим ветром глаза не ворочаются от сухости, кости разламывает от усталости. Кажется, еще

миг, и я потеряю сознание. И тогда опять появляется он... Сначала на горизонте как бы столб густого тумана, а потом туман рассеивается, и появляется его фигура, прямая, стройная, как у юноши, с сучковатым посохом, сумкой из мешковины через плечо. Он бос, но отчего-то его ноги не покрыты пылью и глиной... На нем распахнутая на груди полотняная рубаша и такие же штаны, подвязанные на тонкой талии веревкой. Только вблизи видно, как он стар. Потрескавшаяся от солнца кожа складывается от не постижимой лучистой улыбки. Добрые, цвета неба, глаза смотрят так, точно я для него — родней не бывает. Я плачу и шепчу: «Пить...» А он кладет мне на макушку руку, и я чувствую, как живительной влагой заполняется рот, горло, как каждая клетка меня набухает долгожданной прохладой воды. Я хватаю его руку, подношу к губам и сразу же просыпаюсь. Как всегда...

Максим задумчиво покрутил в руке пустой фужер, потом почему-то сказал:

— Зря, Жэка, мы так и не довели до конца историю с твоей матерью.

— Тогда мы были детьми, Макс, с нами никто не считался, — отрицательно мотнула я головой. — Помнишь, как нас выставили из роддома, в котором я появилась на свет. Да и у Роберманов тогда не очень-то получилось. Мол, никаких документов не сохранилось. Сами, небось, в роддоме прохлопали; я читала, сколько женщин погибает во время родов по халатности врачей, и концы в воду — мол, во время переезда роддома в другое помещение все пропало. Я не хочу об этом... И что ты вдруг вспомнил?

— Да я и не забывал. — Максим знаком подозвал официанта и спросил у меня: — Что будешь на сладенькое?

— Мороженое и кофе.

— Два шоколадных мороженых и два кофе, пожалуйста. Может, этот старик, какой-то твой предок и сигналил тебе, что не пристало оставаться безродной... Человека без корней не бывает.

— Помнишь, в детдоме ты часто говорил, что не любишь людей. А теперь?

— И теперь.

— Что-то непохоже.

— Да нет... Просто со временем копнул поглубже. Как бы сказать... Изначально человек, задуманный и сотворенный Господом, носит в себе природу воплотившегося Христа. Все губит предоставленная свобода выбора.

— Тебя очень изменила твоя вторая родина.

— Да ладно! И там и здесь, по сути, одинаково. Уродство в том, что страна соблазняет массы желать того, что может достаться лишь немногим. Для большинства грандиозные мечты о счастье никогда не становятся

ся явью, но попытка добиться этого движет миром... — Максим взглянул на часы, жестом подозвал официанта и сказал:

— Уже рискую опоздать. До дома сама доберешься?

— Не хочу домой! — замотала я головой.

— Не хочешь? О'кей! Тогда встречное предложение. Так как на деловое свидание взять тебя никак не могу — мои апартаменты к твоим услугам. А вечером я снова безраздельно твой.

Апартаменты Макса в «Пекине» оказались вполне сносным полулюксом. Под окнами бурлило и колготилось безумное Садовое кольцо, а здесь надежные стеклопакеты обеспечивали полную тишину. После ухода Макса я прилегла на диван, включила телевизор, но через некоторое время после разборки очередного Педро со своей неверной возлюбленной глаза мои начали слипаться и, убрав звук, я прямо с пультом в руке провалилась в вязкую трясику тяжелого дневного сна. Снилось всякая белиберда. Мулатка с лицом и выворотной походкой «плоскодонки» визгливым базарным голосом кричала на Макса. А он, одетый в убогий детдомовский костюм с оттопыренными пузырями на коленях трикотажных «треников», в облезлой меховой шапке с оторванным ухом и уродливых громоздких ботинках не по размеру, с отрешенным видом выслушивал визгливую брань темнокожей девицы, страдая от унижения. Мне хотелось вступиться за Макса, закричать, зло и надрывно, предостеречь его, что пройдет время, и он выберет ее из всех разноязычных и разноперых особей земного шара и полюбит ее вместе с оравой приемных детей и животных. Но я молчала. Мулатка вдруг начала скидывать с себя одежду, и вместо кожи заискрилась перламутровая чешуя. Сверкнув на солнце ослепительным русалочьим телом, она гуттаперчиво изогнулась и приникла к Максиму, опутывая его, как щупальцами, длинными балетными руками. Макс сдавленно вскрикнул... и я резко вскочила с дивана, взмахнув телевизионным пультом и стукнув себя по лбу...

За окном, оказывается, уже наступили сумерки, и в гостиничном номере царил полумрак. Я промокнула ладонью вспотевший лоб и потерла уши-бленное место.

С экрана телевизора встревожено вглядывался в виртуальную многомиллионную аудиторию телеведущий российского канала. Я включила звук и откинулась на спинку кресла.

— ...Версия теракта также отрабатывается соответствующими органами, но до обнаружения и расшифровки черных ящиков это лишь одно из предположений.

Итак, самолет ТУ-154, совершавший перелет Москва-Сочи, упал примерно через час после взлета. На место аварии уже приземлилась бри-

гада МЧС. По последним данным, погибло 53 пассажира и семь человек экипажа...

На экране замелькали пыльные улицы иракского города — ведущий сменил тему...

Я застыла в кресле. В голове не было ни одной мысли, только гулкие удары, точно кто-то бил колотушкой в медный таз. Прошло, может, полчаса, может, десять минут, а может, вечность. В дверь постучали. Я подвигала пересохшим языком по небу и сиплым шепотом спросила:

— Кто там?

Ответа не последовало, видимо, меня просто не услышали. И я повторила громче:

— Кто там?

— Почтальон Печкин. Принес письмо от вашего мальчика.

На негнущихся ногах я доковыляла до двери, открыла ее и спокойным голосом сообщила улыбающемуся Максусу.

— Я его уже получила.

— Чего? Что ты получила? — улыбка сползла с лица Макса и уже в следующую секунду, падая ему на руки, я прошептала:

— Письмо... от моего мальчика...

Ариадна Артуровна вернула мне телефонную трубку и, вопреки железному правилу не курить в клинике, извлекла из кармана халата сигарету и закурила. Непослушными руками я водрузила трубку на место и сиплым шепотом спросила:

— Что они сказали?

— Они сказали, что ошибки быть не может. Иван Сергеевич Переладов не регистрировался на рейс Москва — Сочи... Соответственно, идентифицировать его останки представляется им полным бредом. Что ж... они правы.

— Вы же не сказали, что Иван всегда идет на посадку через VIP.

— Они в курсе. Как ни странно, они в курсе всего. Иван не покупал авиабилет на этот рейс. Все — сплошное вранье.

— Нет, ну, со мной — ладно... Но ведь прошло почти две недели, и его нигде нет. Он ведь знает, что с вами творится. И потом... я жуткий интуит, правда... Меня в детдоме обзывали Кассандрой. Это наш учитель по истории придумал, и я поначалу жутко обижалась, думала, это что-то обидное. А ребята смеялись... Мы же там «серые» все были. Потом уже некоторые так рванули, что образованней не бывает. Макс, например... Это мой друг детства. Он сейчас в Москве, кстати, ваш коллега, врач, прилетел по делам из Штатов и сейчас никак улететь не может. Из-за меня. Его там невеста ждет с оравой детей, а он все меня «пасет».

— Невеста с оравой детей — это просто замечательно, — задумчиво произнесла Ариадна Артуровна. — Так что он предлагает, ваш американский доктор?

— Он считает, что нужен частный детектив. Макс сказал, что заплатит ему... Хотя я тоже сегодня кое-что должна разузнать.

— Не знаю, Женечка, право, не знаю. Для человека моего поколения «частный детектив» звучит не более достоверно, чем персонаж из Конан Дойля. Извини, дорогая, у меня через десять минут операция, я должна собраться.

Я метнулась к профессорше, обхватила ее за шею и зарыдала.

Ариадна Артуровна гладила меня по голове и приговаривала:

— Ну, ну, дружок, возьми себя в руки. Жизнь полна таких невероятных сюжетов. Не исключено, что твоя интуиция и на сей раз окажется на высоте. Самое главное, его нет в списке погибших.

— А в списке живых? — всхлипнула я. — Где он, этот список? Куда обращаться с запросом? Так же не может быть... был человек, и вдруг его нет нигде... и среди погибших не числится...

— Потерпи, деточка, прошло слишком мало времени. — Ариадна Артуровна взяла кусочек марли и бережно промокнула мои мокрые щеки. — Где твой американский доктор? Не хотелось бы отпускать тебя одну... наедине с твоими фантазиями.

— Он... его попросили поучаствовать в телевизионном ток-шоу. Речь пойдет о том, должны ли иностранцы усыновлять и удочерять русских детей. Сейчас ведь упорно пишут и говорят, что их там мучают и отдают в клиники для пересадки органов... Ой! Ариадна Артуровна! А если...

— Никаких если! Травмированные бесконечными ушибами органы Ивана никому не нужны! — Профессорша решительно развернула меня лицом к двери и легонько шлепнула по попе: — Отправляйся и не паникуй раньше времени. Ты сейчас домой?

— У меня важная встреча. Потом — домой.

— Значит, через три часа жду твоего звонка. И давай-ка надеяться на лучшее.

«Плоскодонка» ждала меня возле входа в редакцию газеты «Московский комсомолец». Вид у нее был, как у плакучей ивы после засухи. Цвет лица отливал болотной зеленью, а из-под темных очков проглядывали синеватые круги. Разглядев меня, она попыталась принять «товарный вид» — свела лопатки, вздернула подбородок, переступила ногами и встала в третью позицию, точно намеревалась исполнить танец одинокого лебедя. Но мышцы балетной пенсионерки отказались вместе с ней преодолеть стресс, и через секунду она опять завяла...

— Здрасьте! — поприветствовала я Диану Днепрову с улыбкой до ушей. — Извините, я немного опоздала.

— Ничего, — сухо прошелестела «поникшая ива». — Поднимемся в редакцию или здесь где-нибудь...

— Здесь! — утвердительно кивнула я. — В редакцию не хочу. Не люблю я вашу желтую прессу. С детства от брехни воротит.

— А вот в это трудно поверить. Я кое-что слышала о вашем детстве. Не думаю, что подобная среда может породить таких уж правдолюбцев, — сухо отпарировала «ива» и мелко вздрогнула, опасаясь моей реакции. Но, конечно же, она понапрасну «вибрировала».

— Не бойтесь, не укушу, — доброжелательным голосом отозвалась я и подтолкнула Диану плечом к подземному переходу. — У нас в заведении, ну, в том, на который вы намекали, сотрудники собеса читали лекции об уважении молодежи к почтенному возрасту.

— Не ерничайте, Женя, — устало откликнулась «Плоскодонка». — Если вы не в курсе, балерины уходят на пенсию в тридцать пять лет. Полагаю, для драматической актрисы это только начало расцвета, карьеры. А у балерин творческий век трагически короток...

— Не знаю, не знаю... Плисецкая в шестьдесят блистала в «Кармен-сюите», — не унималась я.

— Не будем о великих, — так же устало пробормотала Диана, и мне стало ее даже жалко. Черт знает что сейчас творится в ее душе и что там происходило между ней и Иваном...

Диана вдруг побледнела, схватилась руками за виски и прошептала:

— Давайте сядем. Голова кружится...

Я тут же подхватила ее и усадила на клумбу возле тротуара. Затем вытащила из кармана ополовиненную упаковку валидола и сбросила в ладонь «пензионерки» пахучую таблетку.

— Может, нужна помощь? — остановилась рядом с клумбой милая пожилая дама с таксенышем на фирменном поводке. — Давайте вызову «скорую».

«Плоскодонка» энергично заработала челюстью, рассасывая валидол, а я нерешительно заметила.

— Думаю, сейчас пройдет... Это от жары.

— Жара небывалая, — закивала головой дама с собачкой. — Да еще магнитные бури замучили. Кстати, завтра сильнейшая магнитная буря... — Она пристально вгляделась в измученное лицо Дианы: — Впрочем... Хотя, конечно... Да нет, скажу. У меня, знаете, внучка беременная. И тоже все время какие-то приступы дурноты. Может... Извините, это совсем не мое дело, но ведь иногда человек волнуется, а причина-то самая, как говорится, естественная...

Таксеныш пристроился на клумбе рядом с Дианой и от души справил нужду.

— Фу, как не стыдно, Фрося! Извините...

Я погладила собаку по бархатистой глянцевой шерстке и задумчиво посмотрела на «Плоскодонку».

— Собаку, что ли, завести... Это же прелесть... Только имя ей не совсем... Слишком простонародное. Она же абсолютная Сильвия или Клеопатра. Красавица! Просто красавица!

Хозяйка зашла от восторга и благодарности.

— Видишь, золотце, как мы понравились барышне! Если захотите, могу через полгода предложить щеночка. А Фросей ее внучка назвала. Только Фрося, и ни в какую...

— Это та, что беременная? — мрачно уточнила я, взглянула исподлобья на Диану, которая молча поглощала валидол и делала вид, что спазмом ей заблокировало уши, и сказала хозяйке таксеныша:

— Давайте запишу ваш телефон.

Та радостно улыбнулась, продиктовала номер, и я ввела его в мобильник, добавив к нему — «Фрося».

— Очень рада нечаянному знакомству, — снова улыбнулась дама. — А я — Наталья Павловна. Звоните, девочки, месяцев через пять ждем потомства, и до свидания.

— Всего доброго, — тряхнула я головой. — Дай Бог счастливого потомства и внучке, и Фросе.

Таксеныш еще раз окропил анютины глазки и под притворные укоры хозяйки засеменял на дальнейшую прогулку.

Я плюхнулась рядом с Дианой, вытащила пачку сигарет и вежливо осведомилась:

— Ваш токсикоз позволит мне покурить?

Диана вздохнула и тихо пробормотала:

— У меня просто нет сил, Женя, вступать с вами в словесный поединок. Что касается токсикоза, как ни бредово все это выглядит, Фросина хозяйка не ошиблась... Я действительно в положении, и поэтому мне вдвойне тяжело...

— Здорово! — проговорила я натянутым голосом. — И сколько уже ему?

— Кому? — зашелестела уже приосанившаяся «ива». — Если вы имеете в виду детей, то, как видите, их еще нет.

— А их много? — удивилась я.

— Двое — мальчик и девочка. Так показало УЗИ, и им пять месяцев.

Стиснув зубы, я моментально вычислила, что на пикнике у продюсера Игоря Кирилловича из его кабинетного иллюминатора я взирала за уже оплодотворенной «Плоскодонкой» и с легкой ехидцей заметила:

— Надо же, что-то для двойняшек у вас живота совсем мало.

— Просто я ношу свободную одежду, — ответила Диана.

— Да-а... — протянула я, — все познается в сравнении. Я думала, мне хреново, а вам, оказывается еще хреновей. Хотя... Хотя, как сказать.

— «Ива» встрепенулась, легко поднялась, и я подумала, что физическая подготовка даже в пенсионном периоде работает ничего себе.

Пройдя полквартиры в полном молчании, мы уселись под тентом летнего кафе напротив симпатичного фонтанчика, возле которого носилась под брызгами куча детворы.

— Я почему-то была уверена, что в Сочи Иван летит с вами, — отхлебнув кофе, равнодушным голосом произнесла я. — Теперь-то понятно, что, оказывается, никуда он и не улетал, но это темная история... Вы на меня не обижайтесь, Диана. Просто... я безумно тяжело переживаю всякое предательство. То, что вы ждете ребенка от Ивана, то есть сразу двух детей, меняет дело. Только почему он не сказал мне этого... я ведь ему даже не жена... это ведь подло не только по отношению ко мне, но и к вам, не говоря уже про детей... Слушайте, а может, он просто смылся?! Может, он вообще отец семейства и запутался окончательно. Как говорит Ариадна Артуровна, Ивасик — крайне увлекающаяся натура. Может, он драпанул за своей бывшей пассией куда-то там в Египет или Ливан...

— Простите, Женя, — перебила меня слабым голосом Диана, — кто такая Ариадна Артуровна?

— Как? — искренне изумилась я. — Он никогда не рассказывал вам о самом близком человеке на этом свете? Так вот, Ариадна Артуровна — ближайшая подруга родителей Ивана и замечательный глазной хирург. У вас, кстати, левый глаз слегка подкашивает, так что очень рекомендую.

— Да, знаю. Это у меня с детства. Но не всегда, только когда я нервничаю. Тут зазвонил мой мобильник.

— Здравствуйте, Женя. Это вас беспокоит Игорь Анатольевич.

— Здравствуйте. Как ваша Кристина?

— Спасибо, милая, она в порядке. Жду ее на следующей неделе. Я в курсе того, что произошло с Иваном. Держитесь, деточка. Ну, об этом мы поговорим при встрече. У меня к вам, Женечка, одно деловое предложение. Сразу скажу, что материально весьма выгодное. Можете подъехать ко мне в офис?

— Уже еду. Говорите адрес.

Отключив мобильник, я какое-то время в задумчивости наблюдала за Дианой, потом сказала:

— Я сейчас поймаю такси и завезу вас домой. Не возражайте, Диана. Ведь наш общий хахаль всегда подвозил вас, не так ли?..

Среди ночи меня разбудил звонок в дверь. Натянув съехавшие пижамные штаны, я понеслась к двери, сшибая все, что попадалось на пути. В не проснувшихся спутанных мозгах крутилось одно: «Иван... Он вернулся!» С трудом одолев дверной замок, я распахнула дверь...

На пороге стоял Максим, и лицо у него было злым и напряженным.

— Макс... ты...

— Нет, не я, это дедушка Мороз, борода из ваты. Совсем сдурела, блин...

Макс отодвинул меня плечом и вошел в прихожую, захлопнув за собой дверь. Быстро сориентировавшись в пространстве Ивановой квартиры, включил свет, нашел телефонный аппарат, взял трубку, поднес ее к уху и пробурчал:

— Ясно. Какой ты была, Борисова, растрепой, такой, видно, и помрешь. Трубочку-то надо класть на место! А мобильник тоже забыла включить?

Я растерянно таращила глаза на Макса, все еще пытаюсь окончательно проснуться.

— Мобильник? Ой, да. Знаешь, у меня была очень важная встреча, я его отключила, а потом... знаешь, Макс, я просто так была потрясена тем, что мне предложили... Даже не могла заснуть и выпила таблетку феназепамы...

— И что же тебе такое могли предложить, если ты напрочь забыла о том, что мы договаривались созвониться и встретиться у меня в «Пекине».

— Мне предложили поработать... в крематории...

Максим аж поперхнулся. Я вспорхнула на подлокотник его кресла и несколько раз с чувством постучала ладонью по его широкой спине.

— Короче, Игорь Анатольевич, ну, этот продюсер «Ромео и Джульетты», я тебе рассказывала... он открыл под Москвой новый крематорий и кладбище. У него и раньше был этот... ритуальный бизнес, гробы там всякие, памятники, венки... услуги по захоронению...

— Милый дядька! — просипел Макс. — Заняться таким жизнеутверждающим предприятием может только человек с абсолютно здоровой психикой. А ты-то что там будешь делать? Наносить макияж мертвецам?

— Ничего подобного! Игорь Анатольевич... пока для пробы, попросил меня... оплакать одного человека. Понимаешь, не у всякого умершего найдутся близкие люди, которые будут по-настоящему скорбеть на похоронах, А похороны могут быть ... ну, как бы... такими представительными, когда народ соберется высокопоставленный, светский, и потом пойдут разговоры, что вот, мол, прожил жизнь, а даже оплакать некому. Иногда очень важно для определенных людей, чтобы похороны оказались человеческими, теплыми...

Максим запрокинул голову и заржал, как дикий жеребец. Он всегда хохотал так заразительно, что невозможно было не присоединиться к нему. Какое-то мгновение я соображала, не обидеться ли мне на такую реакцию,

но уже в следующую секунду подвывала ему своим хрипловатым смехом. Мы хохотали, как полоумные, наверное, минут десять, до коликов в животе. А когда я, вскочив с подлокотника, запуталась в широченных пижамных штанах и рухнула на ковер, приступ смеха пролонгировался еще минут на пять.

Макс постанывал и приговаривал:

— Супер... просто супер... я же говорил, Жэка, что ты эксклюзив... и предложения, соответственно, эксклюзивные...

Потом он вдруг сделался серьезным и спросил:

— Так каким же определенным людям важно, чтобы по покойнику убивалась безутешная вдова или дочь, или любовница? Какую роль ты собираешься играть в предложенном сценарии?

— Это мы еще не обговаривали. Какая разница... Я ведь могу так быть убита горем, что не буду вступать ни с кем в общение. Но главное, Макс, мне за это дело заплатят тысячу баксов.

— До чего же ты корыстная, Борисова, — хмыкнул Максим, но глаза его не смеялись, они были напряженными и настороженными. — Могла бы и за так проводить в последний путь безродного, одинокого олигарха.

— Почему олигарха, — удивилась я. — Может, просто...

— Такие бабки за «просто» не платят, — резко оборвал меня Макс. — Короче, советую не ввязываться. Более того, я физически не пущу тебя на это представление...

Но «представление» все же состоялось. И удерживать от этого меня было некому, так как Максим срочно улетел в Америку. Его темнокожая невеста упала с лошади на верховой прогулке и была доставлена в больницу с сильным сотрясением мозга и переломом ноги.

Клятвенно пообещав Максиму не ввязываться в это сомнительное предприятие, на следующий же день с телохранителем Игоря Анатольевича, немногословным услужливым Николаем, я отправилась по бутикам выбирать траурное одеяние. Уже войдя в образ, я со скорбным лицом под сочувственными взглядами продавщиц натягивала на себя черные платья, цена каждого из которых равнялась стоимости всего моего гардероба. В результате выбрала маленькое черное платье от Гуччи и изящную шляпку, похожую на ту, в которой появлялась в «Римских каникулах» обожаемая мною Одри Хепберн.

— Шляпу-то зачем? — прошептал Николай, когда я с оценивающим прищуром разглядывала себя в зеркало.

— Так ведь с непокрытой головой не полагается, а косынки и платки мне жутко не идут...

Я хотела добавить еще что-то по поводу отпевания в церкви, но промолчала. Бритоголовый, накачанный Николай был явно мне симпатичен, но я не знала, до какой степени он информирован по поводу моей особы. Я пожалела, что не расспросила поподробней Игоря Анатольевича, о чем могу разговаривать с приближенными ему людьми, а о чем говорить категорически нельзя.

Впрочем, кроме Николая я видела мельком только красивого черноглазого мужчину лет сорока, которого Игорь Анатольевич представил мне как партнера по бизнесу, и тот, учтиво приложившись к ручке, предложил мне называть его «просто Арсений». Я пожаловалась на то, что плохо переношу жару, и «просто Арсений» предложил мне фужер холодного шампанского. Я отказалась, и на этом наш диалог был исчерпан.

После того как траурное одеяние было упаковано в роскошную коробку с зазывным, совсем не траурным малиновым бантом, мы отправились покупать обувь. Это было моим слабым местом. Иван называл меня «сороконожкой», потому что при виде хорошеньких туфелек или крутых навороченных кроссовок у меня, по его определению, поднималась температура. Итак, мне предстояло выбрать одну пару черных туфель, а глаза разбежались, и я хватала и мерила все подряд. Конец этому нескончаемому предприятию положил Николай. Он поставил передо мной роскошные замшевые лодочки на высоченной шпильке с крохотными капельками горного хрусталя вдоль глубоко вынутого мысика. Я сразу вписалась в эти туфельки, точно они шились на заказ именно для меня.

— Ну и глаз у вас, Николай! — прошептала я.

Телохранитель довольно хмыкнул и почему-то спросил:

— Вам Игорь Анатольевич не говорил, что вы с Кристиной, дочкой его, необыкновенно похожи?

— Не только говорил, даже фотографию ее показывал. Действительно, что-то общее есть. Наверное, тип один: узкое, худое лицо, волосы как солома, белобрысая.

— Глаза. Вернее, выражение глаз, — уточнил Николай. — И фигура. Я когда вас увидел, даже не сразу осознал, что это не Кристина.

Уже ночью, ворочаясь в постели без сна, я почему-то все время вспоминала сказанное Николаем. Выражение глаз. Как может быть одинаковым выражение глаз у единственного избалованного ребенка успешного бизнесмена и у драной артистки с детдомовским прошлым? Хотя... что я знаю про эту Кристинку? Случается же, что у внешне благополучных людей в душе полный кавардак и катастрофа. И потом... я ведь ничего не знаю про ее мать, жену Игоря Анатольевича. Кстати, надо бы поинтересоваться у Николая...

Заснула я только под утро, и во сне ко мне снова пришел старик. Как всегда, я ощущала ужасающую жажду, и он одним прикосновением ладони к моей голове напоил меня. Я почувствовала себя свежей и отдохнувшей, точно вышла из моря. А он разложил на травке белое полотняное полотенце, разломил хлеб, разлил по стаканам молоко с густой пенкой и лукаво сощурился:

— Не любишь, когда тебя сиротой называют?

— Не люблю.

— И правильно. У Господа сирот не бывает. Всем людям, до единого, обеспечено Божье отцовство. И в этом, если глубоко задуматься, такая благодать, такой восторг, такое блаженство...

Старик не предлагал мне ни молока, ни хлеба, и я понимала, что не должна это вкушать. Должна просто видеть, чтобы зачем-то запечатлелась в душе эта простая картинка — ясноглазый старик с невесомой походкой, его босые ступни, не запачканные дорожной пылью и грязью, голос, от звуков которого хочется радостно плакать, и котомка с караваем хлеба и кувшином молока...

«Ты — мой дедушка? — хотелось сорваться с языка, но он так понимающе смотрел на меня, что любой вопрос казался неуместным. В голове у меня роились бесконечные вопросы, но с попыткой их сформулировать приходило понимание, что все эти «почему» и «зачем» — напрасный труд — любой ответ лишен смысла, потому что в нем живет неправда. Ответ всегда приходит сам, он должен вырваться, обрести право нести ответственность либо за полный крах иллюзий, либо за посеянную в душе надежду. Все это я читала в глазах старика и чувствовала, как просыпаюсь, и утро отбирает у меня моего загадочного странника. Вместо блаженного покоя сваливается суета, боль, проблемы и комплексы... Еще не размыкая век, я мысленно повторила все, что говорил накануне Игорь Анатольевич. Панихида в крематории была назначена на одиннадцать утра. К десяти за мной приедет Николай и отвезет в ритуальный зал. Честно говоря, мне было очень не по себе, но, с другой стороны, работа есть работа, какой бы экстравагантной она ни была. Я пообещала Максиму, а заодно и себе, что в ближайшие дни съеду с квартиры Ивана, а возвращаться в свою коммунальную халупу совсем не светило. Максим настоял, чтобы я взяла у него деньги на съём однокомнатной квартиры, но мне надо было вернуть долги, в которые я влезла после исчезновения Ивана, поэтому тысяча баксов за сыгранную роль были очень кстати.

Приоткрыв один глаз, я глянула на часы, прихлопнула кнопку еще не зазвеневшего будильника, откинула одеяло и замерла... В квартире кроме меня кто-то был. За стенкой в гостиной скрипнула половица, упал стул, звякнула посуда в горке. Мой лоб покрылся холодной испариной, рука дер-

нулась к мобильнику, но уже в следующую секунду, стиснув зубы от усилий двигаться бесшумно, я оказалась у двери, повернула ключ и сползла по косяку на пол, все еще сжимая в руке мобильник и лихорадочно соображая, что мне делать. Какое-то время я просидела в полном оцепенении, напряженно вслушиваясь в наступившую тишину за стенкой. Дверь открытого балкона чуть шелохнулась от порыва ветра, а по перилам забарабанили редкие струйки воды. Это соседка сверху, маникюрша Лариса, поливала свой виноград.

— Привет, Ларис! — ринулась я на балкон.

— Здравствуй, Женя, — отозвался сверху заспанный голос. — Ну, что Иван? Ничего нового не слышно?

— Пока нет... Слушай, можешь спуститься ко мне на минутку?

— Да мне ж на работу, и так проспала...

— На секундочку, Ларисочка. Очень надо.

— Ну ладно, иду... Только халат накину...

Отперев дверь, я выглянула из спальни в коридор. Из открытой гостиной в прихожую падал солнечный сноп, в котором неторопливо кружились высвеченные пылинки. Осмелев от предстоящего визита соседки, я, не дыша, заглянула в комнату и замерла, уцепившись за косяк. На столе стояли две налитые до краев рюмки, початая бутылка дорогой водки, а одну из рюмок накрывал подсохший кусочек черного хлеба. Со спинки перевернутого стула свисала шифоновая траурная вуаль... От резкого звонка я вздрогнула и, с трудом переведя дыхание, на ватных ногах вышла в прихожую, плотно закрыв за собой дверь...

Ритуальный зал роскошного загородного крематория постепенно заполнялся народом. Подъезжающие машины свидетельствовали о том, что круг знакомых покойного состоял из людей, наворовавших из закровов родины приличные деньги. Я сидела на стуле рядом с телом усопшего, упакованного в резной саркофаг из красного дерева и, не поднимая головы, шевелила ноздрями, улавливая вновь прибывающих по запахам дорогих парфюмов. Это был такой богатейший коктейль запахов, что в нем не сумел бы сориентироваться даже самый опытный парфюмерный дегустатор. У меня же просто кружилась голова — и от духов, и от напряжения, и от полной внутренней растерянности.

Утром, когда я вышла к машине в скромном платице от Гуччи, шляпке от Диора, туфельках от Шанель и тончайших перчаточках от Валентино, у Николая, прогуливающегося у кремового «БМВ», так отвисла челюсть, что я испугалась, не придется ли вправлять ее обратно хирургу в травмопункте. Впрочем, когда соседка Лариска, неоценимая в способности не за-

давать лишних вопросов, помогла мне уложить мою непослушную «солому» в высокий строгий пучок, водрузила маленькую шляпку, закрепив ее шпильками, застегнула молнию на платье и подтолкнула к зеркалу, я сама была шокирована бросившей на меня удивленный взгляд искоса роскошной блондинкой. Просочившаяся в гостиную Лариска вынесла оттуда мистическую вуаль и ловко обкрутила ее вокруг шеи. В первую секунду я вздрогнула и сбросила ее на пол, а потом решительным жестом подняла и накинула на руку. Не знаю, по какому поводу этот знак скорби попал ко мне в квартиру — или кто-то давал понять, что Ивана больше нет в живых, или это — не совсем удачная шутка по поводу моей роли на предстоящих похоронах, не знаю... Но бояться этой белиберды я не собираюсь, вот только замок от квартиры все же надо бы заменить...

Теперь я мяла в дрожащих пальцах эту вуаль, изредка поглядывая на стоящих у гроба Игоря Анатольевича и «просто Арсения». Гости сначала подходили к ним, шепотом обменивались приветствиями, сокрушенно качали головами, а Игорь Анатольевич взглядом отсылал их ко мне, и они, кто с недоумением, кто с интересом, вглядывались в меня, пытаюсь соотнести с тем, кто лежал в гробу.

Подошедшая пара обдала меня потоками удушливого, резкого парфюма. Он склонился, приложившись к моей перчатке и продемонстрировав розовую гладкую лысину, а она, пробормотав: «Примите наши соболезнования», пристроилась сзади и прошептала спутнику, как ей казалось, на ухо: «Надо же, Галактионыч-то такую подружку от нас скрывал». Другой женский голос прошипел: «Я вас умоляю... Подружку! Захудалая моделька на содержании». Третий голос поддакнул: «Убеждена, что из валютных шлюшек!»

Люди подходили и подходили, выстраивались сзади и, не стесняясь порывов своей доброты и жалости к усопшему, обсуждали меня на все лады. Я чувствовала, как у меня начинают гореть уши, сохнет во рту, глаза набухают слезами от сострадания к этому незнакомому Галактионычу, к его одиночеству при жизни и хамскому отношению при прощании. Источая ненавистный запах «Пуазон», ко мне приблизилась молодящаяся крашенная блондинка и, сверкая бриллиантами размером в мой мобильник, вместо слов сочувствия беспардонно хмыкнула. Слова прорезались, когда она оказалась за моей спиной в стае товарок: «Хорош гусь, нечего сказать! Пригрел ребеночка! Небось хапанула немало, пока он в коме валялся!»

Слезы величиной с бриллианты крашеной блондинки забарабанили по кожаному подлокотнику, дыхание перехватило, и я, не отдавая себе отчета, вскочила, склонилась над гробом и, поливая ничего не понимающего Галактионыча слезами, завывала хриплым, низким голосом. Я говорила скороговоркой, на ходу переиначивая слова из монолога Лары над гробом Юрия

Жеваго. Этот пастернаковский монолог я читала на выпускном экзамене по художественному чтению:

— Прощай, большой и родной мой, прощай, моя гордость, прощай, моя быстрая глубокая реченька, как я любила плеск твой, как я любила бросаться в твои холодные воды. Помнишь, прощалась я с тобой тогда там, в снегах? О, я знаю, ты это сделал через силу, ради моего воображаемого блага. И тогда все пошло прахом. Господи, что я испила там, что вынесла! Господи! Нет душе покоя от жалости и муки! Прощай!!!

В глазах у меня потемнело, больно стиснуло виски; и последнее, что я видела, — это то, как Игорь Анатольевич метнулся ко мне. Он подхватил меня очень вовремя, потому что я потеряла сознание...

Очнулась я от прикосновения прохладных пальцев к моему запястью. Открыла глаза и обнаружила склонившегося надо мной молодого человека в белом халате. Попробовала вскочить, но он удержал меня за плечи.

— Тихо, тихо, не так резко! Голова не кружится?

Я обвела глазами красиво обставленную комнату, напоминающую курортный люксовый номер.

— Где я?

— В крематории, — успокоил меня доктор. — Вам сейчас нужен покой. Не надо волноваться. Это был просто обморок. Ничего удивительного, потеря близкого человека — сильнейший стресс. Необходимо время, чтобы человек смог смириться с этой потерей, научиться жить не с живым человеком, а с памятью о нем. Но ради любви к нему надо взять себя в руки и мужественно преодолевать этот стресс. Наверняка вы человек верующий и понимаете, что душа бессмертна...

— Как он... сейчас? — прервала я его монолог.

— Кто? — растерялся доктор.

— Галактионыч...

— Он ... хорошо... то есть, в каком смысле?

— В том-то и дело, что никакого смысла нет, — вдруг разозлилась я и села на кровати. — Какой смысл может быть в том, что человек жил, радовался, заводил близких людей, рожал детей, делал карьеру, строил планы и вдруг — раз, и над головой вместо неба крышка из красного дерева. Я не про смысл, а про то, что с ним теперь? Его уже кинули в вашу жуткую печь или еще измываются над его останками?

— Ну, ну, не надо так, — дотронулся до моей руки доктор с такой осторожностью, словно я была хрустальной вазой с трещиной, которая вот-вот развалится на куски. — Ведь любовь не умирает, она всегда останется с вами... его любовь, и ваша...

— Да ладно, — оттолкнула я его руку и, одернув задравшееся до пупка платье, спустила с кровати ноги. — Ненавижу, когда начинают грузить всяким бредом! Вы еще такой ... мальчик, что вы знаете про любовь? Знаете, что любовь — это когда очень-очень больно? Когда человек рядом, или когда его уже нет... временно или навсегда... это дикая, ужасающая боль! Вот что такое на самом деле любовь! Да, конечно, бывают мгновения, когда вдруг зайдешься в эйфории... так это еще хуже... потом лихорадочно ловишь этот миг как последняя психопатка. А потом оказывается, что он оставил тебя с двумя детьми, а сам смылся... — неожиданно закончила я свое короткое выступление.

Доктор совсем растерялся и зачем-то снял с шеи висящий фонондоскоп.

— Простите... я не знал, что у вас двое детей ... вы такая юная...

— Господи, да они еще не родились... И потом ... это не мои дети. Но это не имеет значения. Я про другое. Эти все... которые пришли попрощаться с покойным... злые, мерзкие твари! Я слышала, что они несли у меня за спиной. Они пришли не к нему... они зрелищ хотят, чтобы потом за коктейлем обменяться впечатлениями.

— Мне кажется, они не злые, а просто завидуют, — помявшись, тихо произнес доктор. — И тому, что вы — такая красивая... были с ним, что так оплакиваете его... Но, главное, что вам теперь достанется все его огромное состояние. Мне кажется, все дело в этом.

Я тяжело вздохнула и спросила:

— Не знаете, что я теперь должна делать? Где Игорь Анатольевич?

— Он просил дать знать, когда вы придете в себя.

— По-моему, уже пришла... Зовите.

Доктор поспешно кивнул, снял трубку, набрал номер.

— Занято. Говорит с кем-то.

Тут дверь в комнату приоткрылась, и в проеме возникла фигура «просто Арсения». Он был сегодня неописуемо хорош. Черный, в светло-голубую полоску, легкий костюм, черная шелковая рубашка со стоячим воротничком, не застегнутая на верхнюю пуговицу, и в этот прогал на шее поблескивающая золотая цепочка толщиной в мое запястье. На правой руке небрежно болтались на свободном браслете часы «Ролекс». Он был очень крутой, этот «просто Арсений».

— Я вижу, вам лучше? — проговорил он негромко и вопросительно взглянул на доктора.

— Я в полном порядке, — ответила я и тоже посмотрела на молодого врача:

— Простите, не спросила, как вас зовут.

— Фома, — коротко потрянул головой доктор, а «просто Арсений» с намеком на улыбку добавил.

— Фома, но очень даже верующий.

Рядом с Арсением вдруг появился Игорь Анатольевич. Он молча окинул меня оценивающим взглядом, я же поспешно присела на корточки возле кровати в поисках куда-то завалившихся туфель. А когда выпрямилась со своими сногшибательными лодочками в руках, Фому и «просто Арсения» точно ветром сдуло. Рядом со мной стоял Игорь Анатольевич и, потирая ладони, как после удачно проведенной сделки, негромко приговаривал:

— Умничка, просто умничка! Ты даже не представляешь, как мы их всех умыли... Ты — просто чудо! Нет слов, нет слов!..

Вместо положенных тысячи баксов я получила вдвое больше. Разделалась с долгами, переехала в съемную квартиру на Ордынке и получила постоянное место работы в крематории, вернее в Покровском Некрополе с зарплатой, которая мне и во сне не могла присниться. Я тогда, наверное, была сильно не в себе. Из-за того, что рядом со мной не было Ивана, и пока что обнаружить его следы не могли ни службы МВД, ни частный сыск, нанятый всемогущим Игорем Анатольевичем, ни старые знакомые Ариадны Артуровны из Интерпола. Коварство Ивана и то, что, возможно, его нет в живых, своей беспощадной противоречивостью раздирало меня на части. Из-за того, что в животе «Плоскодонки» подрастали зачатые втихаря от меня Тибальд и Джульетта. Из-за того, что рядом со мной не было Макса и некому было вывернуть наизнанку душу и получить мудрый совет...

Итак, одетая в строгий изящный костюм, причесанная и «освеженная» ловкими руками персонального визажиста Рауля и воодушевленная валютной выручкой, я руководила проводами в последний путь богатеньких россиян. После того как я гениальными больными словами Бориса Леонидовича Пастернака оплакала ничего не подозревающего Галактионыча, моей ролью стала добросердечная участливая хозяйка ритуального зала. Я встречала друзей и родственников усопших, говорила прочувственные слова перед началом панихиды и закрывала ее. Обаяние, темперамент, заразительность, эмоциональность — все необходимые актерские качества пригодились мне в моей новой работе. Игорь Анатольевич во мне души не чаял, а «просто Арсений» регулярно приглашал меня поужинать. Честно говоря, мне льстило его внимание. Улыбка «просто Арсения» была так же неотразима, как у Ивана. И он так же, как Иван, знал ей цену и улыбался широко и обольстительно, точно поддразнивая великолепием белоснежных зубов.

Однажды он подвозил меня домой после банкета в честь открытия очередного завода по обработке мрамора и гранита. За подобные мероприятия мне полагалось приличное вознаграждение, поэтому я «окучивала» гостей с большим воодушевлением. Шифоновое платье цвета чайной розы с открытой спиной, легкие босоножки, в пучке тщательно уложенных Раулем волос — живая чайная роза, кольцо из натурального жемчуга и длинные висячие серьги, перламутровые тени над сильно подведенными глазами, коралловый яркий рот, облако выбранного Раулем по тесту совместимости духов «Верю Валентино» — вот что я собой являла в тот вечер. С изумлением глядя на себя в зеркало, я с трудом понимала, каким образом моя новая работа превратила захудалую бледнолицую поганку в роскошную женщину-вамп.

На этом банкете, выполняя массу обязанностей по организации развлечений и поступления бесперебойной жарчки и спиртных напитков для гостей, я почувствовала, что мое укрепившееся материальное положение вполне соответствует спорной аксиоме, что первично бытие, а сознание вторично.

Когда тщательно продуманный сценарий банкета начал трещать по швам и сильно подвыпившие гости пошли вразнос, я, понимая свою ненужность, отпросилась у шефа и незаметно смылась из зала. Незаметно для всех кроме Арсения. Он догнал меня уже на улице и предложил довезти до дома. Я с легкостью согласилась и, плюхнувшись на роскошное, обтянутое белой лайкой сиденье, даже замурлыкала от блаженства. Натруженные за вечер ноги приятно гудели, от выпитого шампанского слегка кружилась голова, в салоне приятно пахло чем-то неуловимо знакомым, какой-то смесью сандала с ванилью. Ехали без водителя — Арсений любил рулить сам и делал это классно.

— Машину водите — высший пилотаж, — прервала я повисшую паузу. — Поэтому никогда ничего не пьете, чтобы не отказать себе в удовольствии сидеть за рулем?

— Для меня это действительно огромное удовольствие, — согласился Арсений. — Одна моя знакомая как-то даже заметила, что в моих отношениях с автомобилем присутствует некая эротичность...

— Да? Какие, однако, у вас знакомые... — поддержала я разговор ни о чем и, подумав, решительно произнесла: — Обещайте, что ответите на мой вопрос.

— Разумеется, Женечка. У меня от вас вряд ли могут быть какие-то секреты, — охотно отозвался Арсений.

— Так вот, мне бы хотелось знать все о том теле, которое я оплакивала месяц назад. Единственное, что мне известно, что он был дяденька не из бедных и что по батюшке величался Галактионом.

— А... Игорь Анатольевич... — промычал Арсений, но я его тут же перебила.

— Игорь Анатольевич почему-то не желает об этом говорить и на все попытки разузнать про этого человека делает мне «козу», точно я олигофрен или придурок из младшей группы детского сада. Но как-то нечестно получается... я чуть, можно сказать, лапти из-за этих похорон не откинула, а мне даже не хотят говорить, на чьей груди я с катушек долой...

— Я понимаю... — уныло пробормотал Арсений.

— Я тоже понимаю: рад бы, да шеф не велит, так, что ли? Развели на пустом месте тайны великие! Короче, вы только что обещали, и я жду.

— Ладно, — глубоко вздохнул Арсений. — Владимир Галактионович Ламбурани, как вы справедливо отметили, не из бедных, а если точнее, очень богат. По образованию — экономист, в советские времена занимал в Грузии какой-то очень высокий пост, потом после развала Союза переехал в Москву и продолжил свою карьеру весьма успешно. Вот так...

— Исчерпывающе! — иронично подвела я черту. — Как говорится, коротко, но емко. А вопросы на тему подкинуть можно?

— Можно... — кивнул Арсений и поежился, как от озноба.

— У него была жена?

— Они давно в разводе, она замужем и живет где-то за рубежом.

— У них есть общие дети?

— Да. У них есть сын.

— Совсем взрослый, — заметила я. — Кстати, сколько лет было Галактионычу?

— Шестьдесят семь.

— Немного. Мог бы жить и жить. Он болел?

— Нет.

— Его убили?

— Нет.

— Просто взял и умер?

— Да нет...

Я тянула из Арсения ответы, и меня это забавляло. Он почему-то казался перепуганным, и это меня забавляло еще больше.

— Скоропостижно скончался от сердечной недостаточности?

— Не совсем...

Все же болел?

— Недолго.

— Сколько?

— Ему стало плохо, он потерял сознание и уже не приходил в себя. А через три дня умер...

— А что послужило такому внезапному ухудшению здоровья? Что-то связанное с работой или... с сыном?

— С сыном...

— Сын жил с ним?

— Нет.

— А где?

— Последнее время он жил в Лугано, в Швейцарии.

— А до этого? Он тоже экономист? И что делает в Лугано? Прожигает папенькины миллионы?

— Он... очень крупный физик... Был. Работал в Новосибирском академгородке. А потом... попал в автомобильную аварию, получил черепно-мозговую травму. У него начались эпилептические припадки, а позже вообще впал в какое-то слабоумие. Тоже периодами: то ничего, то — полная протрация. Отец отвез его в Лугано, у него там какая-то недвижимость. Часто бывал у него. За несколько дней до смерти как раз вернулся оттуда.

— А сын там с кем?

— Насколько мне известно, его обслуживает медицинский персонал.

— Как зовут сына?

— Дмитрий.

— Сколько ему лет?

— Около сорока или чуть больше.

— Он женат? Кто-нибудь из родных находится с ним?

— Нет... Насколько я знаю, только врачи, сиделки... Там что-то вроде санатория.

— Ага. Типа психушки?

— Не знаю, Женя. — Арсений вытянул из кармана белоснежный благоухающий платок и промокнул вспотевший лоб. — Если вы думаете, что я досконально информирован, то вы ошибаетесь. Все, что я знаю, это, так сказать, какие-то обрывочные сведения, не более того.

— Хорошо, пусть так. А зачем надо было устраивать из похорон Галактионыча показательное выступление?

— Так распорядился Игорь Анатольевич...

— Насколько я понимаю, вы вполне самодостаточный партнер Игоря Анатольевича, в курсе всех дел. А тут вдруг акция с таким размахом, а вы утверждаете, что ваша хата с краю... Впрочем, да что это я! Не хотите говорить — не надо. У кого-нибудь другого узнаю, — вдруг разозлилась я и даже попросила притормозить, чтобы выйти из машины.

Арсений разволновался еще больше. Он хватал меня свободной от руля рукой, точно я собиралась на полной скорости выброситься из салона. Я вдруг поняла, что при всей сногшибательной красоте Арсений явно

с неба звезд не хватает. Не то, чтобы он был совсем глуп, но и особого ума и глубины в нем не наблюдалось.

После того как Арсений убедился, что из машины я не выпрыгну, он стал более словоохотливым.

— Дмитрий всегда был душевной болью Галактионыча. Неудивительно. Единственный сын, талантливый ученый, в тридцать лет уже с мировым именем. Галактионыч очень им гордился, и когда произошла эта ужасная авария, которая, по сути, отняла у Дмитрия все, отец был в кошмарном состоянии.

— Когда это случилось?

— Три года назад. Дмитрию сделали операцию в Новосибирске, а когда стало возможным его транспортировать, Галактионыч перевез его в Бурденко, где сам Коновалов сделал вторичную трепанацию черепа. Почти год его выхаживали лучшие врачи в Москве, а потом перевезли в Луганно.

— Вы знакомы с Дмитрием? Нет, вернее не так. Вы бывали у него в Луганно?

Арсению от моего вопроса почему-то сделалось жарко. Он покрылся испариной, и на его идеально выбритом лице проступили красные пятна. Мне стало его жалко. Как-никак, он сейчас выбалтывает мне то, что наверняка должен держать в тайне. Я положила руку ему на плечо и задушевым голосом предложила:

— Давайте погуляем. Смотрите, мы как раз на Воробьевых горах. Двести лет не была здесь.

Через несколько минут мы стояли на смотровой площадке, и под нами искрился, сиял и кичился рекламами родной город, который я любила до жути, до спазмов в сердце.

Вдохнув горьковатый от ополоумевшей сирени воздух, я тронула Арсения за плечо:

— Вы родились в Москве?

— Нет, я — питерский.

Это «я-питерский» прозвучало напыщенно и глупо. И я поняла — почему. Не потому, что он уроженец этого немислимого города, а потому что он в команде земляков президента. «Такой же холуй, как и все», — неожиданно агрессивно подумала я и осознала вдруг, какой он мне чужой, этот Арсений, с его ухаживаниями и откровенными притязаниями на интимную близость. Но сейчас этот тип был мне нужен, и я снова ринулась в бой.

— Я видела во время похорон кинокамеру. Кто-то из так называемых гостей поинтересовался у оператора, какой телевизионный канал снимает. Тот сказал — НТВ, однако ни в вечерних, ни в дневных новостях такого сюжета не было. Через два дня я залезла в Интернет и проверила, осве-

щалося ли это печальное событие в прессе. Ни в газетах, ни в журналах никакого сообщения не было. Если Галактионич был крупной коммерческой фигурой, почему его смерть умалчивалась?

Арсений молча пожал плечами, а я, вздохнув, продолжила расспросы:

— Понятно, что его сын из-за нездоровья не смог быть на похоронах. Но он хоть в курсе того, что отец скончался?

— Не знаю, — уклончиво ответил Арсений. — Тогда ему точно не сообщали — он бы все равно не понял, находился в полной невменяемости. А потом... думаю, что, конечно же, сообщили.

— И кто же был тем гонцом? Царевич Димитрий не снес ему голову за плохое известие?

— Ну, вы и шутите, Женечка!..

— Я вовсе не шучу, даже в мыслях нет, — ответила я и откровенно, протяжно зевнула. — Давайте-ка в машину. Пора по домам. Вон уже солнце встает.

Над городом сквозь голубую предрассветную накидку проступал нежно-розовый свет. На небе сейчас господствовало сочетание не сочетаемых красок. Думаю, что даже самому гениальному пейзажисту такой восход был бы не по силам. Только Тот, Единственный Творец, мог так вольно, беззаботно и безответственно выплеснуть на небосвод замес немыслимых оттенков и сочетаний. Невольно участвуя в таком ошеломляющем начале дня, задумываешься над тем, как приблизительно все, чем владеет человек — слова, поступки, творческие попытки выражения себя, мира, так называемых истин и прозрений. Можно рыдать от бессилия понять смысл своего присутствия на этой грешной земле, биться головой об стенку, бунтовать, сомневаться, богохульствовать, ерничать, а все равно наступит час, когда смиренно войдешь в храм и поставишь свечку перед Спасителем и Богородицей. Губы сложат молитву во славу Господа и попросят милости и помощи, ибо окажется, что в одиночку не одолеть ни себя, ни сомнений своих, ничего... И в этой живописи неба подсказка человеку, чтоб не рыпался в своих амбициях, а смиренно проращивал в себе ту малость, которой, на самом-то деле, ему сверхдостаточно....

— Вы плачете, Женя? — Арсений осторожно обнял меня за плечи.

— Вот еще, отродясь не плачу! — грубо возразила я басом, скинула с плеча его руку и, кулаком размазывая слезы по лицу, двинулась к машине.

Какое-то время Арсений не нарушал паузы, потом нерешительно произнес:

— Я слышал... у вас было непростое детство...

— Если вы полагаете, что по этому поводу я слабинку дала, — то очень ошибаетесь, — цинично расхохоталась я. — А детство у меня было нормаль-

ное. Если хотите знать, я вообще не верю слащавым сказкам о беззаботном детстве. Маленькому человеку всегда трудно, в какой бы среде он не рос... Приобретать опыт, когда еще головенка слабо работает, сознания — ноль, это круто. Мне всегда жалко детей, любых... из бомжатников, из беженцев, из богатых семей — все едино. Ребенок всегда несчастен, потому что силится осознать то, на что взрослый уже давно махнул рукой и понял, что все нравственные установки и моральные соображения, типа «Ты, Ванечка, должен быть честным, справедливым, добрым, чтобы мама и папа, а также воспитательница Марья Иванна тобой гордились» — из области теорий, а жизнь, эта невыносимая по жесткости и непредсказуемости субстанция, издевательски изощрена и безжалостна... Господи, да что это я?! Просто это небо... Такой восход ... Мне всегда мерещилось в живописи неба очень красноречивое обращение к нам... только код нам неизвестен.... не заслужили, наверное... а то могли бы столько узнать...

Я бормотала себе под нос, чувствуя, что сейчас засну. Всегда так — стоило мне чуть пустить слезу, как сразу до невозможности в сон клонило.

Наверное, я все же задремала, потому что, когда машина притормозила возле моего подъезда, я резко вскинулась и никак не могла вспомнить, каким образом за один миг с Воробьевых гор мы очутились на Ордынке. Буркнув что-то нечленораздельное тоже притомившемуся Арсению, я юркнула в подъезд, поднялась на лифте на пятый этаж, открыла замысловатым ключом дверь, тут же, у вешалки, скинула высоченные шпильки, прошлепала босиком в гостиную и застыла на пороге.

Из кресла навстречу мне поднималась... я... Только одета та другая я была не по-банкетному. На той мне были голубые джинсы, умело продранные на коленях, черная майка, кроссовки, а шею обвивала та самая траурная вуаль... Соломенного цвета пряди беспорядочно падали на уши, лезли в глаза. И голос у той меня оказался другим — совсем не басовитым, а мелодичным и звонким.

— Сколько можно ждать... уж и солнце взошло, — улыбнулась та другая я сдержанной улыбочкой и почесала голую коленку сквозь дырку в джинсах. — Кофе будешь? Я уже два литра выхлебала, чтоб не заснуть, — и, отодвинув меня, вторая я по-хозяйски отправилась на кухню...

«Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Цюриха. Температура воздуха плюс двенадцать градусов. Просьба к пассажирам оставаться на своих местах до полной остановки самолета».

Я вытащила из-под головы скатанную валиком теплую куртку и запихла ее в сумку под креслом. В Москве была холодная осень с пронизывающими до костей мокрыми ветрами и свалившейся внезапно знобкой, тягучей теменью. А в Швейцарии было еще совсем тепло. Везет же людям!

— Везет же людям! — словно прочитав мои мысли, произнес мой сосед и растянул рот в обольстительной улыбке.

Он начал ко мне вязаться, как только было велено пристегнуть ремни перед взлетом. Лет ему было под пятьдесят, он был сухощав, имел ухоженный вид преуспевающего бизнесмена, под глазами слегка поблескивал крем для век, а запах, который он источал, назывался «Титанум» — его обожал Рауль, но сам им не пользовался — это был парфюм для зрелых мужчин.

— Давайте знакомиться, — предложил сосед, пристегнув ремень и внимательно оглядев меня небольшими, но выразительными голубыми глазами. — Меня зовут Лев, и я лечу в Цюрих.

— Меня зовут Евгения, я лечу до Цюриха, а дальше — в Лугано.

— Вас будут встречать?

— Нет, не будут. Но мне сказали, что прямо из аэропорта идет экспресс в Лугано.

— Да, это сказочная железнодорожная трасса. Она проложена в Альпах, и поезд идет просто по райским местам. Хотя есть еще один вариант...

Лев сделал многозначительную паузу, а когда вопрос в моих глазах вырос до размеров Эйфелевой башни, предложил свой персональный автомобиль для того, чтобы доставить меня в Лугано.

— Эта дорога совсем другая. Там и крутой серпантин, и длинные тоннели в десятки километров, прорубленные в горах, и ты как бы ныряешь из светлого дня в глухую ночь, освещенную фонарями...

— Нет-нет, вот уж чего-чего, а нырять в длиннющие тоннели мне совсем не в кайф. У меня, знаете ли, страшная клаустрофобия. Даже если лифт застревает, то я мгновенно вырубаясь и падаю на руки первому попавшемуся...

— Хотел бы я оказаться тем попавшимся... — мечтательно произнес Лев. — Я и не знал, что у молоденьких красивых девушек может быть клаустрофобия.

Я ничего ему не ответила, и он вкрадчиво предложил:

— Хотите коньяку? Отличный коньяк, прямо с ереванского завода. Я сам живу в Цюрихе, но кое-какой бизнес имеется по бывшим республикам.

— Действительно, почему не выпить в хорошей компании за процветание коньячного производства в Ереване. У меня, кстати, много друзей в этом городе, и все они — классные ребята.

Лев разлил коньяк по маленьким рюмочкам. Мы выпили и закусили бананом, потом снова выпили, опять закусили, на сей раз шоколадкой, после чего я свернула теплую куртку валиком и, сообщив соседу, что мне необходимо поспать, закрыла глаза, и сразу вылез вчерашний день...

На работу я чуть не опоздала из-за получения загранпаспорта. Я оформляла поездку через турагенство, и там мне объяснили, что шенгенскую ви-

зу ставят чуть ли не перед вылетом. Но вылет пришлось на воскресенье, поэтому паспорт я забирала в субботу утром. Когда я выпрыгнула из такси перед крематорием, площадка была забита крутыми автомобилями, стоял ритуальный автобус, а по крыльцу сновал возбужденный Рауль.

— Так и знал, что припрешься с немойтой головой! А где время?! — запричитал он, но я торжественно встряхнула мешочком с мукой:

— Спокуха, бэби! Несколько движений твоей божественной чесалкой — и волосы будут чистыми.

— Знаю я эти припарки! — бухтел Рауль, пока мы неслись по коридору в мою примерку. — Они после муки тусклые, их не уложишь, будут распадаться, муку до конца не вычешешь — костюм черный, на нем все видно...

В одну секунду я вписалась в свой изысканный костюм и, натягивая колготки, заскакала к креслу Рауля.

Дверь распахнулась, на пороге застыл «Верующий Фома» в хрустящем от чистоты белом халате.

— Слава богу, приехала! Мы уж изо всех сил от шефа скрываем твое опоздание.

Натянув, наконец, колготки, я плюхнулась в кресло, Рауль высыпал мне на волосы горсть муки и, запрокинув голову в поддон для мытья, принялся яростно втирать ее в мои волосы.

— Что-то не понял... — нависло над моей головой изумленное лицо Фомы.

— А чего тут понимать? — радостно отозвалась я. — По сусекам поскребли, сейчас Раульчик колобок скатает и вместо покойничка в печку...

— Ну, знаешь, твой черный юмор... — взвился Рауль, уже вычесывая гребнем муку.

— Все, все, ребята, я замолчала! Просто вдруг поняла, что ужасно к вам присохла душой, а мне ведь завтра улетать... я буду очень скучать.

— Только на недельку тебя шеф отпускает? — поинтересовался Фома.

— Ага. Больше, говорит, пока не заслужила.

— Да ну, в Турции сейчас уже прохладно, и море не то. Ты говорила, в Кемере твой отель? — Рауль проворно сварганил изящный пучок из моих волос, приделал черный муаровый бант и приказал: — Закрывает глаза. Тени положу, а тушью сама красишь, пока я румянец подберу, ты сегодня непривычно розовая. Кстати, не обгори там, на море.

— Правильно! — торжественным голосом произнес Фома, и мне на колени лег какой-то сверток. — Ей сегодня и полагается быть розовой. С днем рождения, дорогая!

Не открывая глаз, я пощупала сверток.

— Спасибо, Фома. А что там?

— Увидишь. Игорь Анатольевич заказал зал в «Мариотте». Не слабо, да? Я убежал, говорят, сегодня контингент пожилой, мне надо быть начеку.

Когда мне было разрешено открыть глаза, разглядывать подарок Фомы было уже некогда.

— У меня тоже есть для тебя презент, но уже потом. — Рауль окинул меня критическим взглядом и состроил кислую гримасу: — Имей в виду, твое опоздание — на твоей внешности.

— И это заметно только тебе, — усмехнулась я, уже в дверях показала ему язык и понеслась в ритуальный зал...

Вечером Игорь Анатольевич действительно устроил в «Мариотте» ужин в честь моего дня рождения. Еще накануне он предложил мне пригласить всех, кого я захочу. Я никого не пригласила. Мне хотелось как можно короче отпраздновать свой «день варенья» в родном коллективе и свалить пораньше, чтобы собрать сумку и хоть немного поспать перед вылетом.

— Слово господину Краснову, — торжественно объявил Фома, когда все расселись вокруг изысканно сервированного стола, забитого разными вкусами.

Игорь Анатольевич встал и, периодически поглаживая мою макушку, тепло и красноречиво начал меня расхваливать. Из его слов всем стало понятно, какая я умница, красавица, талантище, добрая, исполнительная и порядочная, и что жить мне долго-долго без огорчений, стрессов и болезней. Закончив говорить, он преподнес мне коробочку с дорогими часами и конверт. Все заулыбались, захлопали. Игорь Анатольевич дождался, пока гости выпили, и, улыбкой пытаясь смягчить сообщение об очередном подарке, негромко произнес:

— Всем известно, что Арсений Михайлович в командировке в Штатах. Он просил меня передать Женечке от него поздравление.

Игорь Анатольевич подал знак, и в зал внесли двухметровую клумбу кремовых роз. Я сразу прикинула, что отошлю это буйство «Плоскодонке» — пусть накануне родов получает эстетическое удовольствие, а мне все едино завтра с утра в аэропорт.

— Женечка завтра улетает в Турцию на неделю, и я к поздравлениям присоединяю пожелание хорошо отдохнуть.

Игорь Анатольевич сел и, положив рядом с моей тарелкой еще один конверт, шепнул:

— Это от Арсения.

Поначалу я возмутилась — понятное дело получить в подарок деньги от шефа, а этот-то толстокожий, он что, совсем сдурел?.. Но, заглянув в конверт, я поняла, что сильно недооценивала, мягко говоря, его своеобразие.

Заинтригованный Рауль, сидящий напротив, вопросительно кивнул, а я ему ответила тоже знаком — подождешь, мол, если конечно, не лопнешь от любопытства.

После тостов и «обжираловки» начались танцы. Двигаясь в объятиях Рауля в ритме медленного танго, я сообщила ему о презенте Арсения. Глаза у того выкатились из орбит, и он потрясенно просипел:

— Ну, ни фига себе... Я понимаю, что это тянет на двадцать тысяч баксов... Но все же... как-то...

— К тому времени, когда я соберусь отдать концы, это местечко потянет на все пятьдесят.

— погоди, это ведь там, где березовая роща и часовенка. Рядом с прудом. Там самое дорогое захоронение.

Рауль дернул за руку потягивающего шампанское Фому:

— Слышь, Фома, Арсений подарил Женьке место на кладбище.

Глаза у Фомы тоже округлились, но он быстро взял себя в руки и сдержанно констатировал:

— А что? Хорошее вложение денег. Продаст, кому захочет, цены-то растут.

И вдруг все втроем мы замолчали. Словно каждый пытался понять, каким ветром занесло нас, нормальных, в общем-то, людей, в этот непонятный, извращенный деньгами круг запрограммированных на обогащение особей с первобытными инстинктами и немереными аппетитами.

— Женька, у тебя такое сейчас лицо, что чует мое сердце — конверт вернется обратно к отправителю, — проблеял Фома, сам еще до конца не понимая, как следует реагировать на получение такого экстравагантного подарка.

— Ну уж, это маком, — возразила я, пытаюсь сохранять на лице выражение крайнего пофигизма и наглости. — Я — барышня благовоспитанная, и понимаю, что это полный моветон — не принять от всей души предложенное место для упокоения моих бранных останков. Более того, я просто никогда не предполагала, насколько наш Арсений перспективно мыслящий человек. От вас, мои дорогие, я получила чудесные подарки для меня теперешней, а Арсений позаботился о моем, надеюсь далеком, будущем. И это очень, очень трогательно с его стороны. Не правда ли, изысканный подарок? — обратилась я к подошедшему Игорю Анатольевичу, который прослушал мой прочувственный монолог.

— Другими словами, Женечка, вы хотите сказать, что у богатых свои причуды, — рассмеялся он. — Если позволите, я не буду комментировать поступок моего друга, единственное, что могу сказать: все, что в ваш адрес от Арсения — это искренне. Я думаю, надо нам закругляться, чтобы Женя могла выпасться. Поэтому разрешите, мадемуазель, пригласить вас на тур вальса.

Музыканты заиграли вальс Хачатуряна, и Игорь Анатольевич обнял меня за талию. Он танцевал легко и красиво, слегка откинув седеющую голову и чутко прислушиваясь к моим движениям.

— Вы — замечательный партнер, — милостиво одарила я его комплиментом. Он согласно кивнул и коротко добавил:

— Директора моих предприятий тоже так считают.

«А женщины?» — чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прихлопнула свой рот. Мой шеф все понял и, наклонившись к моему уху, шепнул с нарочитой доверительностью.

— На остальное нет времени... и сил.

Я с сомнением покачала головой и подумала, что, в принципе, ничего о нем не знаю. Он был моим благодетелем — оплачивал просторную двухкомнатную квартиру, зарплата превышала все разумные нормы, но я боялась его умной, прозорливой, виртуозно законспирированной и опасной, как рудоносные залежи, сути. Я видела, как беспроигрышно и хладнокровно убивает он с дороги конкурентов, как беспощадно перекрывает кислород тем, кто ему мешает, и оказаться в его немилости было крайне дискомфортно.

— О чем задумались, Женечка? Я распорядился, чтобы Николай отвез вас завтра в аэропорт. Надо только уточнить время.

Я заставила себя обворожительно улыбнуться и поспешно отказалась:

— Меня отвезет приятель. Мы уже договорились. Его жена с ребенком тоже летят в Анталию и тем же рейсом, так что все крайне удачно сложилось.

— Хорошо, дорогая, как скажете. Дадим Николаю отбой. Привезите какой-нибудь сугубо турецкий сувенир.

Последняя фраза прозвучала с хорошо скрытой иронией, и я, почувствовав, как в висках застучала кровь, а ладони стали влажными, проворно выдернула свою руку из руки шефа и, смеясь, поправила туфлю.

— Ну вот, чуть башмачок не потеряла, как Золушка, — проговорил Игорь Анатольевич, и в его взгляде мне почудилась ироничная, недоверчивая усмешка...

... Рука Льва осторожно потрепала меня по плечу.

— Нам предлагают горячую закуску. Рыбу или мясо?

— Спасибо, я не хочу есть. Если желаете, могу уступить вам свою порцию. А я буду спать...

И на сей раз действительно провалилась в сон.

Мне снилась лесная полянка, залитая веселым солнечным светом. Я сидела прямо на траве, и при порывах ветра высокие колокольчики нежно гладили меня по лицу лепестками своих лиловых чашечек. Я заморожено смотрела на человека, сидящего напротив на низеньком пеньке. Его лицо

было почему-то туманно и расплывчато, но все равно я знала его наизусть, и сердце щемило от нежности и радости обретения этим человеком.

«Ты мой?» — радостно складывали губы, а он откидывал густые волосы до плеч, смеясь, утвердительно кивал и дотрагивался теплой ладонью до моей голой коленки, нахально вылезавшей в дырку на голубых джинсах. Рядом с его ногами зачем-то валялась трость с набалдашником с повязанной нелепым бантом черной муаровой вуалью. Мы смотрели друг на друга и слышали, как где-то высоко над нами отсчитывают секунды мощные невидимые часы. Этот звук беспокоил и настораживал. Я вдруг вскочила, прижала его голову к своей груди, лихорадочно шепча: «Не отдам, не отдам!», и почувствовала, как пересыхает от жажды рот, как от сухости деревенеют язык и губы. Солнце грело макушку, в кустах беззаботно трещали цикады, птицы переговаривались друг с другом с ветвей дубов и берез. «Потерпи, родная моя, потерпи...» — чуть слышно прошептал мой суженый и ловким движением надел на безымянный палец правой руки кольцо с большим, нестерпимым светом сияющим бриллиантом. — Видишь, мы теперь обручены. Обручены навеки...»

Я попыталась сказать ему, как я бесконечно люблю его, как счастлива, что, наконец, его нашла, но горло свело от сухости, и я только прошептала: — Пить...

Шевельнулись ветви кустарника, радостной руладой зашлась сладкоголосая птица, неслышной походкой двинулся по тропинке мне навстречу белоголовый старик с всегдашней сумкой через плечо, с корявым посохом в легких руках. Его яркие, как полуденное небо, глаза в один миг поведали мне о моей участи... Я слабо вскрикнула, а он положил мне на голову свою невесомую ладонь, другой рукой привлек к себе моего любимого, точно соединяя наши судьбы, и шепнул ласково:

— Ничего не бойся, девочка. У каждого свой крест... И нести его должно мужественно. Поверь, за все воздастся... Господь видит все...

От прикосновения его ладони к моей макушке желанная влага заполнила горло, рот, растеклась по всему телу, одаривая прохладой и умиротворением. Я хотела спросить про часы, так громко и неумолимо чеканящие каждую уходящую секунду, но над ухом послышался голос:

— Наш самолет начинает посадку. Просьба всем пристегнуть ремни и вернуть кресла в вертикальное положение.

— Если не секрет, что вам снилось, Женечка? У вас на лице была такая... то скорбная, то радостная улыбка, — бодрым тенорком поинтересовался Лев.

— Ой, не поверите... мне снилось, что я лежу в ванне из отборного коньяка вашего ереванского завода. Лежу себе и думаю: «Ну, надо же, вот

в шампанском некоторые кавалеры купали своих барышень, но чтобы в коньяке... Такое может себе позволить только очень любящий и очень богатый ухажер».

Лев неопределенно хмыкнул и насторожился. Я постаралась его успокоить.

— А потом... этот коньяк разлили по бутылкам и отправили в магазин. По-моему, в «Седьмой континент». Так что для всех получился хэппи-энд...

Как только мы выгрузились из самолета и двинулись к паспортному контролю, у меня зазвонил мобильник. В трубке зажурчал манерный голос Рауля:

— Женюрка, ты приземлилась?

— Ага. Топаю к паспортному контролю.

— Цветы доставили твоей беременной приятельнице. Осуществил собственноручно. Знаешь, какая была реакция?

— Спустила тебя с лестницы вместе с цветами?

— Не суди по себе, дорогая. Она заплакала. Так рыдала, что я перепугался. Потом мы все втроем — Диана, Николай и я — расставили их по вазам и банкам. Короче, получилась настоящая оранжерея.

— Ну, как она сама-то?

— Диана? Очень сильно беременная, живот выше носа. Объяснила, что скоро уже рожать, и что у нее двойня. А вообще какая-то она потерянная. Мужик-то у нее есть? Судя по квартире, живет одна.

— А на хрена ей мужик, Рауль?! Уж мы-то с тобой знаем, что от них одна головная боль. И без мужика вырастим. Деньги отдал?

— Не взяла. Причем наотрез отказалась. Но, уходя, я все равно ухитрился конвертик на столе оставить.

— Молодец! Хвалю за службу!

— Служу Советскому Союзу! Как погодка в Турекции?

— Пока не поняла. Говорят, жарко.

— Не обгори. Кожа ползет — никакой тон не ляжет.

— Слушаюсь, товарищ начальник. Всем привет. Чао!

Мой сосед не соврал — дорога в Лугано была немыслимо живописной. За окном экспресса мелькали ухоженные поселки с симпатичными домами и спующими по своим каждодневным делам неторопливыми людьми. А потом исчезала жизнь людей, и альпийские луга, похожие на раскинутые ковры, карабкались к подножию многозначительных в своем величавом безмолвии гор, и белели не тающие снежные вершины, точно нанизанные на пики, побледневшие от страха заплутавшиеся облака.

Поезд останавливался буквально напротив дома, где я должна была прожить положенную мне неделю. Пристроив за плечи рюкзак, я пересекла

наискось площадь и пошла по аллее к добротному серому зданию с небольшой автостоянкой и парком с убегающими вглубь деревьев мощеными дорожками. Из аккуратных клумб торчали огромные анютины глазки, цвели розы и петунии, и только изредка шуршащие под ногами желто-красные листья свидетельствовали о том, что здесь тоже осень, но какая-то совсем другая, без надрыва, грязи и тревожного ощущения начала конца света.

Вежливый администратор забрал мой паспорт и, доброжелательным взглядом отметив отсутствие какого-либо багажа, отдал ключ от моего номера мальчику в фирменном пиджачке с золотыми пуговицами. Этот дом не был гостиницей, как мне говорили в Москве, здесь были апартаменты для VIP персон. На первом этаже расположился уютный ресторан, где сейчас вкушали ланч солидные дамы и господа. На миг я ощутила себя голодраной самозванкой, но сразу приободрилась от мысли, что немало шагает по таким местечкам миллиардеров, для которых внешний прикид лишь головная боль, и им до фонаря, как они одеты и как их воспринимают. Все это, видимо, было известно и администратору, взиравшему на мой скромненький рюкзачок с уважением и почтением. Выдав благодарственную фразу на очень приличном английском, я прошествовала в лифт и уже через минуту очутилась в огромной светлой квартире. Надо сказать, что убранство этих трехкомнатных апартаментов выглядело чрезвычайно скромно. Было видно, что мебель, сантехника, ковры, люстры стоят немалых денег, но это — как маленькое скромненькое платьице от Живанши, цена которого в купюрах как раз заворачивалась в этот кусочек материи. Я представила себе лицо Рауля, невероятно ценившего дорогую простоту, и хмыкнула. «Смотри, Женюрка, и учись. Лучше гроб из натурального дуба, чем то же самое, обитое блестящей парчой с золотыми кистями» — прозвучал в памяти его жеманный голосок.

Я плюхнулась в кресло, выбрала из корзины фруктов огромную гроздь черного винограда и попыталась привести мысли в порядок. Мыслей было так много, что моя бедная черепушка разламывалась от этого изобилия. «О чем вы все время так сосредоточенно думаете, Женечка? У вас даже между бровями морщинка появляется», — допытывался в последнее время Арсений. Я не удостаивала его ответом, хотя могла бы сказать, что зато его безупречно гладкое лицо не обезображено ни одной мыслью. Короче, надо было еще раз продумать все-все, предусмотреть возможные непредвиденные обстоятельства, настроить свою плохонькую нервную систему на предельную мобилизацию. Из рюкзака призывно закурлыкал мобильник.

— Здравствуй, Жека! Ты где? Говорить можешь? — услышала я бодрый голос Макса.

— Да, да, могу. Я в Турции... то есть, тьфу, я в общем-то в Лугано, — пролепетала я голосом первоклашки-двоечницы, поставившей кляксу в тетрадке по чистописанию.

— Ну да, это же примерно одно и то же, — засмеялся Макс. — А чего жуешь?

— Виноград... Без косточек.

— Прожуй виноград и еще раз ответь — ты в Турции или в Швейцарии?

— В Швейцарии. Это точно, — ответила я бодрым голосом и тут же жалобно пискнула. — Мне так не хватает тебя, Макс.

— Сейчас или по жизни? — уточнил Максим.

— И так, и так. Я без тебя все время ... запутываюсь. Сегодня в самолете опять старик снился.

— Опять водой поил?

— Да.

— А запутываешься, Борисова, потому что много врать стала, — противным голосом детдомовской директрисы завел всегдашнюю игру Макс, и я мгновенно подхватила.

— С вами тут не соврешь — не проживешь, Раис Петровна.

— У Свободина хамству научилась, Борисова! С кем поведешься... Так он парень, ему и горя мало, а ты девочка, тебя вон в кино снимать будут...

— Макс, — оборвала я своего друга и прижала руку к внезапно расходившемуся сердцу. — Если со мной что-нибудь случится... одним словом, я написала завещание, оно у моей бывшей соседки Лариски. Ты ее знаешь...

В телефоне повисла пауза, потом Макс нарочито насмешливым голосом проговорил:

— Понятно. Ты завещаешь мне все свои акции на нефть и газ, а также счет в женевском банке. Ладно... Не буди во мне зверя, Борисова. Что ты делаешь в Лугано?

Я испуганно оглядела стены и даже провела рукой под журнальным столом в поисках подслушивающего устройства.

— Я сейчас в гостинице... Потом... перезвоню.

— Ах, даже так? Я буду ждать. Когда перезвонишь?

— Через час. Обещаю.

Я отключила мобильник, подошла к окну и почувствовала, как наваливается жуткая, тоскливая усталость. Я сейчас опять соврала моему лучшему другу. Через час я ему, конечно же, не перезвоню. И позже — вряд ли... Что я могла ему сказать?

Взяв себя в руки, я позвонила портье и попросила соединить меня с клиникой нервных болезней...

Спустя сорок минут я входила в просторный вестибюль клиники санаторного типа, как сообщалось на изысканной серебристой табличке. Прежде чем подойти к дежурному, беседующему по телефону, придиричиво осмотрела себя в зеркало. Я была одета и причесана точь-в-точь, как на похоронах Галактионыча. То же изящное черное платье, те же замшевые туфли с капельками горного хрусталя, волосы подняты в высокий пучок, на шее — золотая цепочка замысловатого плетения с маленьким крестиком. В зеркале увидела, что дежурный положил трубку и вопросительно уставился мне в спину. Одаривая его ослепительной светской улыбкой, я сообщила, что пришла навестить господина Дмитрия Ламбурани. У нас с ним телефонный разговор, и он договорился с лечащим врачом о моем визите. Дежурный согласно закивал и предложил мне пройти с ним. Путь был коротким. По мраморной лестнице мы поднялись на пролет выше и через роскошный зимний сад вышли в уютный холл, в который выходила дверь, обитая белой кожей. Дежурный указал на дверь и скрылся в зимнем саду. Облизав пересохшие губы, я потянула ручку и, чуть приоткрыв дверь, спросила:

— Простите, можно?

— Можно, — отозвался мужской голос.

Я вошла в комнату и остановилась на пороге. Навстречу мне из-за письменного стола, оторвавшись от включенного компьютера, приподнялся темноволосый молодой человек и приветливо улыбнулся.

— Здравствуйте, Кристина. Честно говоря, уж кого я не ждал с визитом, так это вас. Ну что вы застыли? Проходите.

А у меня действительно ноги приросли к полу. Это был тот человек, которого я видела во сне в самолете. Это его тонкое нервное лицо с серыми большими глазами и чувственным красивым ртом я знала наизусть. Знала всегда. Наверное, даже еще до своего рождения, когда моя душа блуждала где-то там в «предсуществовании». Я почему-то знала о нем все и чувствовала, как вдруг сузился круг всей моей жизни, сконцентрировался вокруг внезапно и мощно обозначившегося эпицентра. Я знала прикосновения его рук к своему телу, знала, как он дышит во сне, как вздрагивают его веки при пробуждении, как, всякий раз тяготясь надоевшей привычкой, он запускает в свои густые черные волосы нервные пальцы и тербит непослушные пряди, как ненавидит не заполненную до краев чашку с чаем, как страдальчески кривит губы от невыносимости красоты осеннего леса и звуков любимого моцартовского реквиема, как никогда не заворачивает тюбик с зубной пастой, как всюду является на десять минут раньше положенного времени, как...

Мир рухнул, и, переминаясь на его болезненных осколках, я вдруг отчетливо поняла, что все, что было со мной раньше, это не более чем под-

готовка к этой встрече... Я молчала, поняв впервые в жизни по-настоящему, какая пустая процедура — произносить вслух звуки. Он тоже молчал, чутко подслушивая мою возрастающую лихорадку. В висках бился только один вопрос, и, мучительно пренебрегая банальностью слов, я отважилась сложить непослушные губы в немую невнятную артикуляцию.

— Ты меня узнал? — молча спросила я.

А он горестно мотнул головой, мгновенно услышав мой вопрос и, не отвечая, развернул ко мне компьютер.

С экрана смотрело мое лицо с отчаянным выражением заплаканных глаз, устремленное чуть вниз. Щелчком мышки Дмитрий вывел на экран следующую фотографию. Теперь был виден гроб с телом Галактионыча, и снова над ним мое безутешное лицо. Еще щелчок мышкой — и снова я с раскинутыми руками, точно для полета, — я помнила этот миг: еще секунда, и, упав на грудь Галактионыча, я прорыдаю чужие слова, которые тогда были абсолютно моими.

— Когда я увидел тебя... единственное, что родилось во мне сразу — благодарственные слова моей судьбе, которая дает мне больше, чем я просил бы. Сатанинские игры, большой бред... Теперь, когда я не имею права, не должен, не могу — одним словом, когда моя природа умудрилась наложить запрет на все, что я хочу... вдруг — ты. И опять запрет: ты — женщина моего отца. Одновременно нестерпимая боль и облегчение: раз отец, то ничего нельзя. А если бы ты была доступной, то все равно нельзя... Моя болезнь, моя исковерканная плоть... Ничего нельзя...

Я слушала его слова и не понимала, как удается ему говорить, не открывая плотно сжатого рта, с вдруг резко обозначившимися скорбными морщинами. Потом поняла, что он молча рассказывает мне о себе, о нас, о той пропасти невозможного, которая никогда не сомкнет своей алчной прожорливой пасти, именуемой жизнью, никогда не позволит нам соединиться... С ужасом я услышала где-то высоко над головой глухое тиканье гигантских часов, отсчитывающих упущенные мгновенья, и ощутила знакомую непереносимую сухость во рту. Но надо было заснуть, чтобы получить из ладони старика блаженную влагу и силы жить, а спать было некогда, так делово и все более отчетливо ворошил внутренности нарастающим отсчетом времени гигантский всемогущий маятник. Дмитрий наверняка тоже услышал его, потому что настороженно прислушался, в его глазах-озерах промелькнуло сначала недоумение, потом растерянность, а потом серый цвет глаз сменился на стальной, взгляд стал жестким и ужасающе безнадежным. Наверное, приговоренный к немедленной смерти смотрит так на беспощадный мир прощальным взглядом.

— Бездарные ходики, претендующие на прорыв вечности. То, что истинно не уловить ни зрением, ни слухом, — вырвалось у меня...

Дмитрий вздрогнул, а я, заставив свои ноги отклеиться от пола, сделала шаг ему навстречу и дрожащим от волнения голосом проговорила:

— Нечего на пустом месте трагедии разводить.

Сделала еще шаг, другой и потрясенно застыла у письменного стола.

Вся нижняя часть его тела была тщательно запакована в инвалидное кресло. Клетчатый стариковский плед укутывал ноги, и с двух сторон болтались концы ремня, похожего на тот, которым пристегивают малышей в прогулочной коляске.

То, что я делала дальше, совершенно не зависело от моих собственных побуждений, импульсов, желаний... Вернее, не так. Все это рождалось во мне, но какая-то неведомая сила спрессовывала все ощущения в огромный энергетический ком, словно чудовищной многовольтности электростанция пропускала через меня свой мощный заряд. Ощущая в себе протест, способный снести любую железобетонную преграду, я рухнула на колени перед Дмитрием и, прижимаясь пылающей щекой к мягкому ворсу стариковского пледа, горячо и страстно зашла в единственной молитве, которую выучила в робермановском доме. «Всякие утоли болезни, великий наш заступниче Николае: растворяя благодатная врачевания, услаждающая души наша, сердца же веселящая всех усердно к помощи твоей притекающих, богу же вопиющих: Аллилуйа.

О, пресвятой и пречудной отче Николае, утешение всех скорбящих, нынешнее наше прими приношение, и от геены избавитися нам Господа умоли, богоприятным Твоим ходатайством, да с тобой воспевает: Аллилуйа».

Мелькнул перед зажмуренными от горьких слез глазами образ белоголового старика с посохом. Разлилось по макушке тепло от его благодатной ладони, растеклась по всему телу прохладная влага, напоила, приподняла над бедой, промыла замыленные суетной сиюминутностью глаза.

«Ничего не бойся, девочка...» — прошелестел в ушах его тихий голос...

— ... и я не боюсь, ничего не боюсь. Слышишь, Митенька? Помнишь, как в Альпах мы собирали маки, как я сплела из них для тебя венки, ошиблась в размере и повесила тебе на шею огромное, алое, пылающее на солнце ожерелье... А как мы встречали восход на горе Моисея на Синае. Как загадали с первыми лучами наступающего дня самое заветное желание. И молча смеялись глазами, понимая, что оно получилось одно на двоих... А как шествовали по Сахаре верхом на верблюдах в бедуинских одеждах, и тебя все принимали за араба и пытались изъясняться на этом гортанном непостижимом языке... А ты кивал согласно и сочинял в ответ невнятную абракадабру... А помнишь море? Помнишь, как в одну секунду его чудотворные воды залечили рану на твоей ноге... И теперь так же будет. Ты будешь здоров, Митенька. Бог не оставит нас. Конечно, наши грехи неизмеримы,

но это если раскидать на каждого единый чудовищный грех всего человечества. Но ведь есть и другая точка отсчета, ее не может не быть.... если каждый персонально. Должно же мне воздасться за мое несостоявшееся, нарушенное детство. Я буду молить Бога, пусть он даст нам шанс, мы уедем отсюда, поселимся где-нибудь подальше от людей, соорудим этакий скит и будем там молиться, слушать тишину и жить только той щедрой малостью, что добудется Христа ради. Ты сейчас же, немедленно откажешься от сумасшедшего наследства, в которое вот-вот по праву вступишь... Поверь, это важно, я так чувствую.

Я захлебнулась словами, а Дмитрий подхватил мои слова, точно это был наш общий монолог.

— Оно уже не мое. Все твое, девочка. Только той, что в такой смертной тоске провожала моего отца, должно принадлежать все, что было его. Я скоро кончусь, а ты будешь жить. Я помню, все помню, дорогая моя девочка: и восход над Синаем, и удушливую Сахару, и маки в Альпах... Но это другая реальность. Когда смерть так глубоко вонзила свои когти в мое тело, я уже больше чем наполовину ушел. Ты молилась сейчас святителю Николаю. Это неслучайно. Я никогда не вспоминаю об этом, но при моем рождении родители, которые уже тогда жили порознь, не сошлись в едином мнении по поводу моего имени. Отец зарегистрировал меня Дмитрием, мать окрестила в церкви Николаем. Ты просишь заступничества у моего небесного покровителя, и это справедливо. Но раб Божий Николай обречен — окончательно и бесповоротно. Не все обратимо, солнышко мое, во всем есть предел. Я не сомневаюсь в могуществе слова Христова и деяний Его святых, но я не Лазарь и не слепец перед Иерусалимским храмом, чтобы на мне были явлены дела Божии. Понимаешь?

— Это богохульство, — слабо возразила я, — Христос не мог самоутверждаться ...

— Бог вообще не может самоутверждаться, это удел смертных и закомплексованных. Бог — вне оценок и характеристик, но всякому дозволено на своем убогом уровне устраивать с Ним «разборки», выяснять отношения, и такой диалог не может быть богохульством или ересью. Он может быть обычной человеческой слабостью. — Дмитрий прерывисто задышал и совсем тихо добавил. — Я пришлю тебе весточку... оттуда.

— Нет, нет, нет! — вскочила я на ноги. — Не отдам! Не для того я тебя нашла!

— Господь с тобой, милая! Нам с тобой дарована вечность — неужто мы будем цепляться за какой-то огрызок времени.

Я отшатнулась от Дмитрия, лихорадочно вглядываясь в его побледневшее от волнения лицо и пытаюсь понять, не шутит ли он так неловко.

— Не шучу... — шепнули его безмолвные губы.

С коротким стуком в дверь на пороге появилась роскошная блондинка в шуршащем от чистоты белом коротеньком халатике. Подтолкнула вперед маленький столик на колесиках с разложенными на салфетке ампулами и одноразовыми шприцами, ослепительно улыбнулась Дмитрию и вопросительно мазнула по мне синеоким взглядом. Одарив ее в ответ таким же мгновенным броском сузившихся от ревности глаз, я получила от Дмитрия согласие «продолжить знакомство» после процедуры, а теперь минут двадцать подышать воздухом в парке.

Ощущая на каждой ноге по стопудовой гире, я спустилась по лестнице, вышла на улицу и, рухнув на скамейку, застыла кособоким уродливым извоянием. Меня точно парализовало, лишь мозг лихорадочно взывал к ответу. Через двадцать минут мы «продолжим знакомство»... Ничего себе... Я уже была не в состоянии вычленить из моего полного и окончательного выпадения из реальности то, что произошло на самом деле и что пригрезилось моей взбаламученной душе... «Ты не человек, Жэка, а какая-то изнанка» — как-то, еще в детстве, в сердцах обронил Макс...

«Точно, изнанка», — спустя пятнадцать лет криво усмехнулась я в ответ на несомненную правду, сформулированную моим другом, а потом, немного успокоившись, поняла, каким спасением стало для меня появление медсестры.. Не явись она, я бы, наверное, уже лежала в глубоком обмороке рядом с инвалидным креслом... Такого эмоционального припадка со мной не случилось с похорон Галактионыча. Тогда мое воображение поменялось местами с реальностью, и я на всю катушку прожила чужую жизнь и оплакала, как родного, абсолютно чужого мне человека. А теперь... Что это было? В голове с бешеной скоростью замелькали воспоминания последних месяцев. Когда Арсений после нашей прогулки по Воробьевым горам притормозил возле моего подъезда, всемогущая память тоже сбросила скорость обратной перемотки, и я, утомленно кивнув ему на прощание головой, поднялась в свою квартиру.

Открыла замысловатым ключом дверь, тут же, у вешалки, скинула высоченные шпильки, прошлепала босиком в гостиную и застыла на пороге. Из кресла навстречу мне поднималась... я... Только одета другая я была не по-банкетному. На той были голубые джинсы, умело продранные на коленях, черная майка, кроссовки, а шею обвивала та самая траурная вуаль... Соломенного цвета пряди беспорядочно падали на уши, на шею, лезли в глаза. И голос оказался другим — совсем не басовитым, а мелодичным и звонким.

— Сколько можно ждать... уж и солнце взошло, — улыбнулась другая я своей обычной сдержанной улыбочкой и с дурацкой привычкой почесала

голую коленку сквозь дырку в джинсах. — Кофе будешь? Я уже два литра выхлебала, чтоб не заснуть, — и, отодвинув меня, другая я по-хозяйски отправилась на кухню.

Я оторопело смотрела ей вслед и даже с чувством пошлепала себя по щекам, чтобы убедиться, что я не сплю, и мой двойник действительно существует.

— Не занимайся рукоприкладством, — донесся из кухни веселый голос. — Я когда твою фотку увидела, тоже ошалела. Но я знала, что у каждого на планете существует астрономический близнец, поэтому в отличие от некоторых в транс не впадала. Хотя я ведь технарь по образованию, а ты — человек творческий. Есть разница.

Она появилась с подносиком, на котором дымились две чашечки кофе и горкой возвышалось печенье.

— Извини за скромную трапезу, но холодильник в этом доме перво-зданно чист и пуст, — хмыкнула она и придвинула мне кофе.

— Ты... кто?

— Догадайся с трех раз, — снова хмыкнула моя «близняшка» и аппетитно захрустела печеньем. — Мы с тобой, правда, дико похожи, особенно на пленке.

— На какой пленке?

— Там, где ты провожаешь в последний путь господина Ламбурани.

— Ты... Кристина? Дочь Игоря Анатольевича?

«Близняшка» совершенно моим движением откинула назад голову и зашлась громким заразительным смехом.

— Я знала, что ты вся в меня. Такая же толковая и сообразительная. Если бы ты была тупая бестолочь, я бы тут не сидела.

Я с усилием проглотила слюну и, поражаясь легкости и естественности Кристины, сипло пробормотала:

— Для того чтобы тут сидеть, надо было войти в дом. Не по воздуху же...

— Обижает. Я человек цивилизованный. Исключительно в дверь вхожу. Только вот что. Ты меня сейчас пустяками не грузи. У нас мало времени. Видишь ли, самое позднее через неделю ты должна вылететь в Швейцарию.

Я подавилась кофе и закашлялась.

— Я?! В Швейцарию?! Зачем?

— Чтобы спасти одного замечательного человека. А заодно и нас с тобой. Излагать буду тезисно, через полчаса я должна испариться, так что врубись на всю катушку.

От напряжения у меня заломило в висках.

— погоди, Кристина. Игорь Анатольевич знает, что ты здесь? Он ведь на днях говорил, что ты в Сорбонне.

— Вот именно. Запомни. Мой отец — самый страшный человек из всех живущих на земле. И никакой он мне не отец, он — отчим. Упаси Господь ему узнать, что я здесь и с тобой. Это бы означало, что мы обе — покойники. Теперь слушай...

... Я все так же продолжала сидеть изваянием на скамейке, вспоминая встречу с Кристиной, и вдруг в голове мелькнула мысль: мой безмолвный диалог с Дмитрием, возможно, был исключительно монологом моей податливой на извращения фантазии. Ни в коем случае сейчас нельзя соскальзывать на провокации собственной непредсказуемой природы. Если так — все пропало. Нечего было и лететь сюда, захлебываясь во вранье и с трудом преодолевая возникающие преграды. Потом... я потом разберусь в диком хаосе чувств к этому человеку, в одно мгновение обозначившем, что все мои прежние влюбленности — лишь жалкие подмены... Я очнулась от пиликания мобильного в моем кармане. На дисплее обозначился Игорь Анатольевич. Сердце скакнуло в головокружительном кульбите, рука трусливо забросила мобильник обратно в карман. В ушах зазвенел голос Кристины: «Упаси Господь ему узнать... Это бы означало, что мы с тобой покойники»». Потной ладошкой я вновь извлекла телефон и, набрав воздух в легкие, сказала нарочито запыхавшимся голосом:

— Рада вас слышать, Игорь Анатольевич...

— В самом деле? — иронично квакнул мобильник. — Сдается мне, прямо из моря тебя выудил. Или не так?

— Почти так. Гуляю по пляжу, сохну на солнышке.

— Не простудись, дорогая. Возьми в привычку после купания сразу переодеваться в сухой купальник. Кристинку приучил к этому с детства.

— Как она?

— Думаю, что неплохо. Через месяц-другой получит степень бакалавра. У меня к тебе небольшая просьба.

— Да, Игорь Анатольевич. Слушаю вас внимательно.

— Я вышлю тебе эсэмэской адрес своего партнера в Анталии. Повидайся с ним — он отдаст пакет документов для меня.

Я почувствовала, как от ужаса волосы на макушке встали дыбом и на лбу выступил холодный пот.

— Алло, Женечка, что-то не так? Алло! Что ты молчишь?

— Все так... Все так, Игорь Анатольевич, просто медуза ногу обожгла. Я стою по щиколотку в воде, а их здесь целое стадо... Присылайте адрес, я все сделаю.

— Ты сначала созвонись с ним. Возможно, он привезет их тебе прямо в отель. Как называется твоя гостиница?

— «Жасмин», — не задумываясь, ответила я, мысленно объявляя благодарность предусмотрительной Кристине.

— Что, Николай? Что-то срочное? — отвлекся на охранника Игорь Анатольевич. — Так. Я прощаюсь с тобой, Женя. Еще позвоню. Нелегкая принесла санэпидстанцию. Не обгори на солнце. Пока!

Я отключила мобильник и тут же соединилась с Кристиной. На крыльцо выпорхнула ангелоподобная медсестра и, взмахнув призывно крылом, поехала на ветру, переступая нетерпеливо длинными стройными ножками.

Я поднялась через зимний сад к обитой белой лайкой двери, помедлила мгновенье и, пытаюсь собраться, шепотом скомандовала самой себе: «Дубль два, Борисова. Вперед!»

Мизансцена в палате Дмитрия несколько изменилась. Теперь он полулежал в высоких подушках на кровати, и лицо у него было виноватое, точно он извинялся за то, что не встречает меня в вертикальном положении.

Я одобряюще кивнула ему и присела на стул, предусмотрительно придвинутый к кровати. Несколько секунд мы молча проверяли друг в друге готовность начать совсем другую историю. Без горького подстрочника.

— Вы уже побывали в городском парке, Кристина? — подал, наконец, голос Дмитрий, чтобы разрушить затянувшееся молчание.

— Нет... Пока нет. Но обязательно побываю. И что там посмотреть? Ну, разумеется, кроме самого парка. То есть кроме природы, растений... Что еще?

— Там есть удивительное произведение искусства: скульптура Марка Антокольского «Умиравший Сократ». Меня иногда вывозят в парк, и я прошу подъехать к нему. В его правой руке, той, что бессильно лежит на подушке, — всегда маленький букетик цветов. Странно, что я постоянно думаю об этом букетике, вернее пытаюсь понять, кто с таким изумительным постоянством вкладывает кусочек жизни в эту мертвую руку. Почему меня так занимает этот букетик? Он мне иногда даже снится...

— Просто вы часто думаете о смерти. Наверное, поэтому. А душа ваша протестует, живой должен жить живым. Или я неправа?

— С некоторых пор я с трудом воспринимаю слово «должен» применительно к движениям души, — сдержанно улыбнулся Дмитрий. — Если в современном человеке что-нибудь и сохранилось божественного, так это тот тихий голос свыше, который есть и совесть, и нравственность, и полет... Впрочем, когда я был здоров, и у меня не было времени слушать себя, я был счастливым человеком, Кристина, я жил своей профессией с упоением, азартом, даже фанатизмом.

Я перебила его, и мой голос прозвучал нервно и жестко.

— Зачем вы говорите о себе в прошедшем времени? Не рановато ли складывать вещички?

Дмитрий изумленно прислушался к моему тону и внезапно вздохнул:

— Я завидую Сократу. В мою руку никто не вложит букетика цветов.

— Ну, это-то верх сытости и благополучия — завидовать дохристианскому гению. Значит, вы преувеличиваете свою обреченность, если способны позавидовать недостижимости. Ну, не можете передвигаться посредством ног, зато посредством мысли, мозгом, нервами, интеллектом, знаниями можете долететь до луны и выше. Думаю, если реанимировать Сократа и учесть, что гениям присущи все человеческие слабости, — он бы вашему положению мог бы тоже позавидовать. У вас вон компьютер на столе, и вместо того, чтобы травить себя картинками с похорон вашего отца — священнодействуйте в своем деле. Насколько я знаю, вы чуть не стали нобелевским лауреатом за открытия в области квантовой физики. Это ж не кот чихнул!

— «Чуть» не считается, — пробормотал Дмитрий.

— Поразительно обывательская и расхожая оценка. Я чувствую, вы здесь совсем загнили... в этой богадельне. Мои дилетанские представления о мыслящем физике — это богатейшая система образов в мозгу. Я знаю ваш диагноз, Дмитрий, но это всего лишь медицинский диагноз, выведенный из малой толики тех знаний о человеке, которые на сегодняшний день отвоевала наука у целого океана еще непознанного. Если исходить из того, что мы в дне шестом, и Господь все еще творит человека, то рано ставить на себе крест. Знаете, я в детстве тоже должна была умереть — решила прогуляться по мокрому карнизу между первым и вторым этажом, упала, потеряла сознание. Был ушиб мозга и сильное сотрясение, пять дней находилась в коме. Врачи сказали, что у меня шансов нет. И вот видите, вот она, я, — живая, правда, со специфическим неврастеническим подвывертом. А у кого его нет, не странен кто ж... У меня даже голова болит крайне редко. Так что я получила шанс жить отнюдь не от врачей — команда пришла свыше. Может, ангел-хранитель отвоевал мою душу и получил индульгенцию у Всевышнего. Значит, для чего-то нужна моя жизнь на земле. Кто знает, может быть для того, чтобы я оказалась здесь и сейчас. Возможно, я вам очень нужна, но вы об этом пока не догадываетесь...

Я засмеялась сиплым тягучим басом и сама вздрогнула от густых обертонов своего голоса. По-моему, я опять вела себя неадекватно, но мне было невероятно трудно. Так хотелось с состраданием и нежностью прижать его длинноволосую голову, вдохнуть его запах, ощутить на вкус смуглую кожу, разрыдаться как ребенок и услышать слова утешения, изойти в его крепких объятьях бешенством взамен тех тисков самообладания, от которых ломило в висках... Но мне оставалось рядиться в гнев и врать без зазрения совести.

— Ваш смех напоминает мне орган в Домском соборе, — улыбнулся Дмитрий.

«Почему именно в Домском соборе, вы что, больше нигде не слушали орган?» — хотела спросить я, но сразу прикусила язык, потому что увидела узкие улочки старой Риги, мощные крупным старинным булыжником, площади и живописные готические дома с башенками. А потом зарвавшаяся в бессовестном иезуитстве память преподнесла ожившую картинку Домского собора, проехала панорамой по застывшим в благоговении лицам и трансфокатором укрупнила сидящие по разным сторонам прохода фигуру черноволосого молодого человека и светлоголовой девушки.

Он время от времени искоса бросал на нее заинтересованный взгляд, а она все сильнее чувствовала беспокойство, вертелась в кресле и, наконец, их встретившиеся глаза замкнуло... Под сводами собора орган ворочал глухими древними звуками, а эти двое, намертво сцепившись в мучительном и радостном обретении, уже заканчивали внутренний лихорадочный бег предстоящих отношений и, дойдя до финала, одновременно с усилием отвели глаза...

Поспешно опустив взгляд, я прерывисто дышала, как трусливый заяц из мультика «Ну, погоди!» Черт подери, надо же, чтобы так клинило! Что бы сказала Кристинка на такое непредвиденное, мягко выражаясь, осложнение? Я взглянула исподлобья на Дмитрия. По-моему, он еще не вернулся из Домского собора. Мягкая полуулыбка, которая расслабила его напряженное лицо, делала его трогательным и романтически-возвышенным. Я негромко кашлянула. Он вскинул на меня глаза и обескуражено покачал головой.

Тут раздался хозяйский стук в дверь, я вопросительно взглянула на Дмитрия, и он пояснил:

— Я попросил медсестру принести свежавыжатый сок.

Ангелоподобное создание, смиренно сложив накрахмаленные крылья, внесла подносик с двумя стаканами сока и тут же выпорхнула. Но не успели мы ликвидировать опять затянувшуюся паузу, она опять, уже без стука, нарисовалась в палате и, озабочено обведя взглядом комнату, с воздушным бризом полуулыбки пристроила на вешалку мою висящую на спинке стула куртку. Проводив ее недовольным взглядом, я негромко проворчала:

— Эта... модель долго будет напрягать своими визитами?! Не сосредоточишься...

Дмитрий понимающе улыбнулся, и в его глазах заплясали веселые чертики. Он был чертовски внутренне подвижным, этот свалившийся мне на голову изумительный, одним своим появлением набело переписавший черновик моей предшествующий жизни, господин Дмитрий Ламбурани.

— Она теперь долго не появится, у нее закончилось дежурство. Пейте сок, Кристина. Здесь какие-то невероятно вкусные апельсины. Пахнут солнцем и летом.

Я отпила сок и подумала, что до дна опорожнять тонкостенный легкий фужер нежелательно. Дмитрий заметит, как у меня дрожат руки, а мне это совсем ни к чему.

— Знаете, что меня удивило, — твердой рукой вернув стакан на стол и промокнув салфеткой губы, — сказала я. — Меня удивило, что вы меня совсем не ждали.

— «Совсем не ждал» — это неточно, а вот просто «не ждал» — это уже верней. Я мог предположить, что вы появитесь, но думал, что это произойдет после того, как я свяжусь с вами.

— Вы хотели со мной связаться?

— Да. Я дал распоряжение нотариусу, чтобы он продумал, как целесообразней переписать на вас то, что принадлежало отцу.

— Не надо...

— Молчите, Кристина, прошу вас, я знаю, что делаю. Не понимаю только одного. Почему отец скрывал вас от меня? У нас были на редкость откровенные, дружеские отношения. Он знал о моих делах абсолютно все и отвечал мне тем же. Я помню, несколько лет назад он рассказывал мне о своих отношениях с женщиной, которая была моложе его, но не значительно. Отец был чрезвычайно подозрителен, ему все время мерещилось, что окружающие люди, в особенности женщины, используют его как богатого преуспевающего бизнесмена.

— Между прочим, ему правильно мерещилось... — вырвалось у меня.

Дмитрий внимательным взглядом окинул мое лицо и заметил:

— Но ведь вас он не мог подозревать в корысти?

— Меня — не мог.

— И сколько времени вы были знакомы?

— Чуть больше года.

— А где вы познакомились?

— На банкете. Мой отец взял меня с собой. У меня были каникулы, я маялась от тоски и таким вот образом оказалась на этой бездарной возрастной тусовке. У меня сложилось тогда ощущение, что районный собес проводит показательное выступление. Владимир Ламбурани был самым молодым... после меня и моего предка.

— Простите, Кристина, а сколько вам лет?

— Двадцать четыре. Только не говорите, что мне можно дать значительно меньше. Я это знаю, но мне, сами понимаете, это по барабану, ибо в моем возрасте это не принципиально. У меня тоже вопрос к вам, Дмитрий. У вас нет ощущения, что автомобильную аварию, в которую вы попали, подстроили?

— Есть. Более того, я в этом уверен. «КамАЗ», преследующий меня, просто сбросил меня в кювет. Отец разве не говорил вам об этом? Он тогда

поднял на ноги ГАИ, МВД, ФСБ — все, что только можно было всколыхнуть по этому поводу.

— Значит, не очень-то они всколыхнулись, — криво улыбнулась я. — Или нашлись силы, которые приказали не очень-то колыхаться по этому поводу?... Нет, конечно же, Владимир... он рассказывал... Но ваше тяжелое состояние беспокоило его намного больше. Он... плохо спал. Его совсем замучила бессонница, не помогало даже снотворное. А я ... я ведь не могла быть с ним постоянно. Надо было заканчивать магистратуру в Сорбонне. Кстати, Дмитрий, человек, который доставил вам видеокассету... Он рассказывал обо мне?

— Нет. Я узнал про вас, когда просмотрел ее. И по моей просьбе он ответил, что вас зовут Кристина Краснова... И все же до меня с трудом доходит, как отец мог ни одним словом не обмолвиться о вас. В этом есть что-то... ненормальное.

— Вы преувеличиваете, Дмитрий. Если учесть, что, когда мы познакомились, вы уже были не в порядке, ничего особенного в этом нет. Для вас подобная информация явилась бы дополнительным стрессом. И потом, сами посудите. С сыном случилось несчастье, он перенес тяжелую операцию, проходит непростое лечение, а его папаша в это время крутит роман с какой-то профурсеткой. Как бы это выглядело?..

— Да, да, конечно, это так. И все же не так...

— Ну, хорошо. Я не хотела вам этого говорить, знаете, очень больно узнавать о планах человека, которые не состоялись, потому что человека уже нет. Владимир хотел прилететь со мной к вам на ваш день рождения. Чтобы мы познакомились без предварительных объяснений и разговоров. Это должно было произойти второго августа.

В кармане куртки противно запиликал мобильник. Я взглянула на Дмитрия. Он утвердительно кивнул и потянулся за фужером с соком. На экране высветился номер Игоря Анатольевича.

— Женя, я связался с Анталией. Пакет тебе привезут в гостиницу.

— Отлично! Пусть позвонят мне на мобильный или оставят на ресепшене — если это безопасно.

— Ну, это уже на их усмотрение. Хотя я бы не возражал, если бы документы передали тебе лично. Как море? Сколько градусов? Тридцать воздух и двадцать восемь вода?

— Чуть-чуть ошиблись. Море — двадцать пять, а температура воздуха — двадцать семь.

— Полагаю, дорвалась до солнца и уже обгорела?

— Ну, в общем-то, слегка поджарилась. Загар красный, как у индейца. Не беспокойтесь, я же себе не враг. Когда облезает кожа и нос лупится — красоты мало.

Дмитрий подавился соком и закашлялся.

— Кто там дохает? Не подхвати какую-нибудь заразу.

— Не-ет, это совсем не то... Тут под соседним тентом немцы расположились. Он подавился соком и теперь его жирненькая фрау лупит его по спине. Вообще здесь одни немцы и французы, соотечественников совсем не видать.

— Ничего, к ужину обозначатся, они сейчас на шопинге, — засмеялся Игорь Анатольевич. — Ну, давай, созвонимся.

— Ага. Счастливо.

Я отключила мобильник и молча уставилась на Дмитрия. Удивленное выражение его лица медленно вытесняла усталость.

— А это что за сюжет, Кристина? — вяло поинтересовался он.

— Это... сюжет из неоконченного детектива под названием «Если не старушка Марпл, то кто же?» Знаете, Дмитрий, если можно, я ничего сейчас не буду объяснять, хорошо? Вы устали от меня.

«Я не могу устать от тебя, даже если ты бессовестная изворотливая врушка» — прочла я в его потускневшем взгляде. Но мне даже не было стыдно. Я чувствовала в точности такую же свинцовую усталость в мышцах, в мозгах, в душе, так как практически сутки не спала.

— В какое время завтра могу снова навестить вас? — спросила я Дмитрия.

— После обеда, если вас это устроит. С утра у меня продолжительная и неприятная процедура. После нее я — никакой. — Дмитрий откинулся на подушку, и я заметила, что он сильно побледнел, а под глазами проступили темные круги.

— Может быть, позвать врача? — Я осторожно дотронулась до его руки и вздрогнула от знакомого до озноба ощущения... Уже тысячу раз я чувствовала под ладонью эту руку с длинными сильными пальцами и бугорками вздувшихся вен.

Он тоже замер и, казалось, перестал дышать. Влажные глаза, не мигая, смотрели сквозь меня, точно напряженно считывали с книги бытия какие-то горькие мудрые строки. Словно сквозь многослойную вату глухо и отстраненно затикали всемогущие ходики. Дмитрий поморщился от их беспристрастного биения и чуть слышно произнес:

— «... неубранный стоит забытый день...»

Я слегка пожала его руку и, прихватив куртку, прикрыла за собой белую кожаную дверь.

На улице уже смеркалось. Пошатываясь от усталости, я шла по дорожке парка, поеживаясь от промозглой осенней сырости. Наконец сообразила, что бреду в одном платье, а куртка так и торчит подмышкой. Навстречу

катилась инвалидная коляска, точь-в-точь такая, как у Дмитрия. Беспомощное, завалившееся набок тело больного время от времени подправлял мощный санитар с равнодушным хищным лицом наемного киллера. Наверное, я совсем была плоха, потому что, поравнявшись с коляской, еле удержала в горле дикий крик. Из-под надвинутой до самых бровей шерстяной шапки на меня бессмысленно смотрели глаза Ивана Переладова...

На следующий день, продрвав глаза лишь в полдень, я отправилась бродить по Лугано. Казалось, все население этого города встало на ролики — машинам въезд в центр был запрещен, и по улицам, скверам, площадям кто с лихостью, кто осторожненько, а кто и вовсе с опаской и неуклюже, катались разные люди и получали массу удовольствия. Столько улыбок и веселых лиц мне никогда не приходилось видеть. Я поймала себя на том, что у меня тоже рот растянут до ушей в радостной улыбке без повода — ощущение для российского гражданина, прямо скажем, почти дикое. Просто радоваться жизни — это был удел качественно совсем других людей. Из просторных светлых площадей я ныряла в узкие улочки, где крыши домов по обе стороны почти смыкались и, казалось, что я попала в коридор сказочной коммуналки, из которого то один, то другой прохожий внезапно испарялся в маленькую дверь кафе, антикварной лавки, собственного дома. Было ощущение, что это один большой дом, где люди не мешают друг другу и не замечают друг друга. Оказывается, можно жить и так, но, видимо, тогда этому должны предшествовать столетия совсем другой истории... Экцентричный, элегантный юноша в модных очках на складном стульчике, перегородив узкую улочку, стучал по клавишам «ноутбука». Я легонько тронула его за плечо. Он повернулся ко мне с уже заготовленной приветливой улыбкой и, легко вскочив на обутые в ролики ноги, притиснулся с мгновенно сложенным стулом к стене дома, уступая мне дорогу. Я кивнула, вернув ему улыбку, но, пройдя несколько шагов, вернулась и спросила, где я могу купить ботинки с роликами. Он довольно рассмеялся и объяснил, что находится этот магазин буквально в десяти шагах.

Через полчаса я уже скользила на роликах как полноправный житель Лугано по набережной. Яркое солнце отражалось в озере, озорно заигрывало с людьми, жмурило глаза, заставляло прятаться за темными очками, разноцветными бликами играло в витринах кафе и магазинов, вычерчивало причудливые тени от крон деревьев на мостовых и тротуарах. Одним словом, здесь царили безмятежность, гармония, единение человека с природой, а внутри меня глубоко и больно ворочалась тяжелая глухая тоска. Мне больше всего на свете хотелось, чтобы сейчас рядом со мной был Макс. Я бы сначала долго и безнадежно редела в голос, уткнувшись в его

широкую сильную грудь, а он бы гладил меня по голове своей заскорузлой ладонью и, не утешая, не перебивая, молча вникал в мое отчаянье. Потом я, запинаясь, путая слова и перескакивая с одного на другое, пыталась бы разгрести все, что во мне творилось. А он озадаченно крутил бы своей большой головой и с каждой моей фразой загружался, принимая на себя мои проблемы. А мне бы становилось все легче и безответственной, потому что рядом со мной был мой мудрый старый друг, который знал меня лучше, чем я сама себя. Вот пусть он во всем и разбирается! А я... я отдохну. Улыбка на моем лице стала еще шире, точно я уже пообщалась с Максом. Я разогналась так, что ветер засвистел в глазах и, конечно же, едва успев чуть притормозить, врезалась в молодого человека с ноутбуком. Он принял меня в свои объятия.

— Привет! — радостно выдохнул он мне в лицо мятным дыханием. — Я знал, что мы еще раз увидимся.

— Привет! Ты что, фигурным катанием занимаешься? Мы с тобой сейчас прямо исполнили что-то из обязательной программы.

Я осторожно высвободилась из объятий молодого человека и бережно поправила ему очки, сползшие на кончик носа.

— Выпьем кофе? — предложил он. — Тебя как зовут?

Я быстро прикинула, каким именем ему представляться, и с вздохом сожаления ответила:

— Кристина. Я — из России. А ты?

— Я — Марио. Живу в Риме. Могу говорить с тобой на плохом русском.

Мы подрулили к уличным столикам маленького кафе, заказали кофе и мороженое, и я поинтересовалась:

— А откуда ты знаешь русский?

— Когда учился в школе — ездил в Москву по школьному обмену. Жил в русской семье. Ты хорошо говоришь по-английски. Чем занимаешься?

— Заканчиваю магистратуру в Сорбонне. Биолог. А ты?

— Я — свободный художник. Никак не могу определиться, что мне интересней всего. Нет, ты не подумай, образование получил по полной программе. Родители спали и видели своего обожаемого сыночка юристом. Мне-то это совсем не нравилось, но, так как противопоставить было нечего, я подумал: ладно, будет вам юрист. Знаешь, когда ты въехала в мои объятия, у тебя на лице была какая-то странная улыбка, а в глазах — слезы. Я к тому, что, если тебе нужна помощь, можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо. — Я судорожно сглотнула слюну. Он, видимо, был славный парень, этот Марио. Его добрые глаза смотрели с искренним сочувствием. — Просто дала слабину. Знаешь, бывает. Так ты живешь здесь или в Риме?

— Сейчас здесь. У моего дяди в Лугано своя фирма. А я обожаю этот город. Знаешь, как здесь весной поют соловьи, свихнуться можно! Кажется, только для этого и родился на свет, чтобы услышать, как в Лугано поют соловьи. Ну а чтобы не висеть на дяде балластом — веду несколько дел в его фирме.

— Если не собираешься дальше быть юристом, чего ты хочешь? — поинтересовалась я, украдкой взглядывая на часы.

Вместо ответа Марио глубоко вдохнул, и над городом, заглушая все остальные звуки, взвилась чистая, как горный воздух, божественная мелодия какой-то итальянской песни. Голос у него был совершенно немыслимый — сильный, легкий, с невероятным диапазоном — от колоратурных верхов до низкого контральто. У меня даже перехватило горло, а по телу побежали мурашки. Я со своим абсолютным слухом сразу уловила мелодию и, подчиняясь непреодолимому импульсу, нахально вплела свои обертоны в его очень высокий для мужчины голос. Марио почему-то не удивился и одобрительно кивнул. Со всех сторон к нашему столику неслись на роликах восхищенные слушатели. Не переставая петь, Марио шутливым жестом поставил на пол тарелку. Публика радостно загалдела, и в тарелку полетели деньги. Когда песня закончилась, раздались аплодисменты и крики «браво!» Мы с Марио поклонились. Он озорно взглянул на меня и запел «Подмосковные вечера». Тут уж я дала шороху! Припав всем своим актерским нутром к тому, что «трудно высказать и не высказать все, что на сердце у меня», я ринулась завоевывать публику со всем азартом и страстью. Не знаю, завоевала ли я сердца жителей Лугано, но то, что Марио был покорен, я поняла с последними звуками песни. Его глаза за стеклами запотевших очков выражали восторг и восхищение. Под аплодисменты он привлек меня к себе и нежно поцеловал в лоб как талантливого ребенка. А потом так же нежно приложился к моей руке — в знак благодарности за партнерство.

Мы заказали еще кофе. Народ стал расходиться. И тут произошло непредвиденное. Из толпы людей раздался радостный вопль и с криком «Кристина!» мне на шею бросилась худая, спортивного вида пожилая женщина с короткими волосами, покрашенными в экзотический пепельно-голубой цвет.

— Девочка моя родная, какая неожиданность! Надо же, Господь привел где встретиться! Вот уж мир тесен!

Тискавшая меня женщина была права, еще никогда я не ощущала тесноту мира такой катастрофической. Высвободившись из объятий и радостно улыбаясь чудесной встрече, я усадила женщину на свой стул и, виновато буркнув «я сейчас», испарилась в недрах кафе, отыскивая туалетную комнату. По дороге я лихорадочно набирала номер Кристины, но ее телефон

был «временно недоступен». На ватных ногах добравшись до туалета, я умылась ледяной водой, проверила запоры на выходявшем во двор окне и, убедившись, что открыть его — раз плюнуть, закрылась в кабинке, села на крышку туалета и застыла в позе васнецовской «Аленушки». «Думай, Борисова, думай, на то тебе мозги даны» — шептала я, разговаривая сама с собой. Наконец решив, что выход из ситуации лишь один — через окно, я прислушалась, вышла из кабинки, открыла окно и прямо в роликах, перевалив через подоконник, свалилась в груды строительных материалов...

Такси подрулило к входу в отель. Я попросила шофера подождать десять минут и лихо въехала в холл. Пакет с моими ботинками остался висеть на спинке стула в кафе, и мне ничего не оставалось, как передвигаться на роликах. Из ресепшена мне понимающе улыбнулся уже знакомый менеджер. Выражение его лица как бы говорило: «Знаю я эти развлечения богатых, насмотрелся за свою долгую жизнь. Теперь меня ничем не прошибешь!» На глазах у шокированных обитателей ВИП-заведения, отдыхающих в креслах роскошного холла, я промчалась к лифту и, лихо притормозив замысловатым пируэтом, в гордом одиночестве въехала в кабинку. Когда я увидела себя в зеркале лифта, отражавшем всю мою фигуру в полный рост, меня разобрал смех. Пребывание в грудке мусора под окнами туалета откорректировало мой облик. Из волос торчали какие-то стружки, куртка была порвана, джинсы измазаны какой-то вонючей мастикой цвета «детской радости», через всю щеку краснела и набухла ссадина, пальцы обеих рук были поцарапаны, а локоть правой руки противно ныл от удара. Еще удивительно, что таксист отважился загрузить в свою машину такое чучело с сомнительной репутацией. Впрочем, наверное, как и пожилой менеджер, чего он только не насмотрелся за свою жизнь...

Времени у меня было в обрез. Сбросив одежду, я прыгнула под душ. Локоть ныл и распухал на глазах. Я была рада этой физической боли — она отвлекала от невеселых мыслей и внутреннего раздрая. Интересно, что теперь поделывает симпатяга Марио в обществе экзальтированной тетечки? Не приведи Господь, эта особа пойдет по моему следу. Хорошо еще, что мы с Марио не успели обменяться номерами мобильных, и я ни одним словом не обмолвилась о месте своего проживания в Лугане. Но больше всего на данный момент напрягало то, что телефон Кристины безмолвствовал. Я постаралась припомнить в подробностях наш последний разговор.

— Кристина... ты себе даже не представляешь! Я шла по парку... от Дмитрия. Навстречу санитар вез в инвалидной коляске больного. Он был такой... почти бездыханный, все время заваливался набок. Знаешь, кто это был?

— Сейчас, минуточку можешь подождать? Я через час вылетаю в Анталию, и сейчас прохожу таможду.

Какое-то время я слушала, как Кристина объясняется со служащими аэропорта, потом вновь зазвучал ее оптимистичный голосок:

— Черт бы подрал этого папашкиного турка! Такая накладка! Мне так важно быть в Москве, а тут такой загруз!

— Погоди, а Игорь Анатольевич... он ведь думает, что ты в Париже, готовишься к экзамену.

— Ну да, он думает, что я в Париже, а я в Москве, и через три часа буду в Турции. Короче, что с больным, который заваливался.

— Это... Иван...

Кристина часто-часто задышала в трубку и пробормотала внезапно осипшим голосом.

— Блин! Ты уверена?

— Абсолютно.

— Он... узнал тебя?

— Узнал?! Я думаю, он даже забыл, как его зовут, и кто он такой. У него лицо... полного идиота... мутные глаза... у рта слюни... — Голос мой сорвался, и я отчаянно зарыдала.

— Так. Евгения, немедленно возьми себя в руки! Я поняла. Значит, его убрали заблаговременно, чтобы не сумел поддержать тебя, если что... вмешаться... Я так полагаю, он ведь единственный очень близкий тебе человек? Больше никому ничего не грозит?

— Ну да... Если только Макс. Но он далеко.

— Это твой кореш из Америки? Вообще-то понятие «далеко» для э-т-и-х ничего не значит. У них все схвачено, Женя.

— Господи... Кристина, давай я позвоню Максиму и все ему расскажу...

— Ты сошла с ума! — голос Кристины стал жестким и властным. — Нельзя. Даже думать про это забудь!

— Тогда ты скажи мне, ведь кроме твоих инструкций я ничего от тебя не слышала.

— Короче, Женя, что ты хочешь знать?

— Если ты попала в мою квартиру через дверь... значит, у тебя был ключ. Или тебе кто-то виртуозно помог. Не сама же ты...

— Разумеется, не сама.

— Так кто?

— Об этом потом, сейчас это не главное. Если тебе так будет спокойней, есть человек, который в курсе всего. И он настоящий, мужественный и очень верный. Все, Женя, и прошу тебя, не иди на поводу у эмоций. Я бегу на посадку. Позвоню.

Быстро высушив феном волосы, я внимательно оглядела себя в зеркало. У этой пацанки с распухшей ссадиной на щеке и непослушными прядями соломы не было даже отдаленного сходства с элегантной, знающей себе цену хозяйкой ритуального зала элитного крематория. У той в глазах была уверенность, у этой — растерянность и страх, как у приبلудной, несчастной дворняжки. Все правильно. За это меня на актерский факультет и взяли. Умение меняться даже внешне в предлагаемых обстоятельствах — неременное условие для этой профессии. Так, Борисова, надо поменять выражение глаз. Чему тебя учил с детства мудрый, как старец, Максим Свободин? Он часто думал о том понятии, которое волей судеб явилось корнем его фамилии.

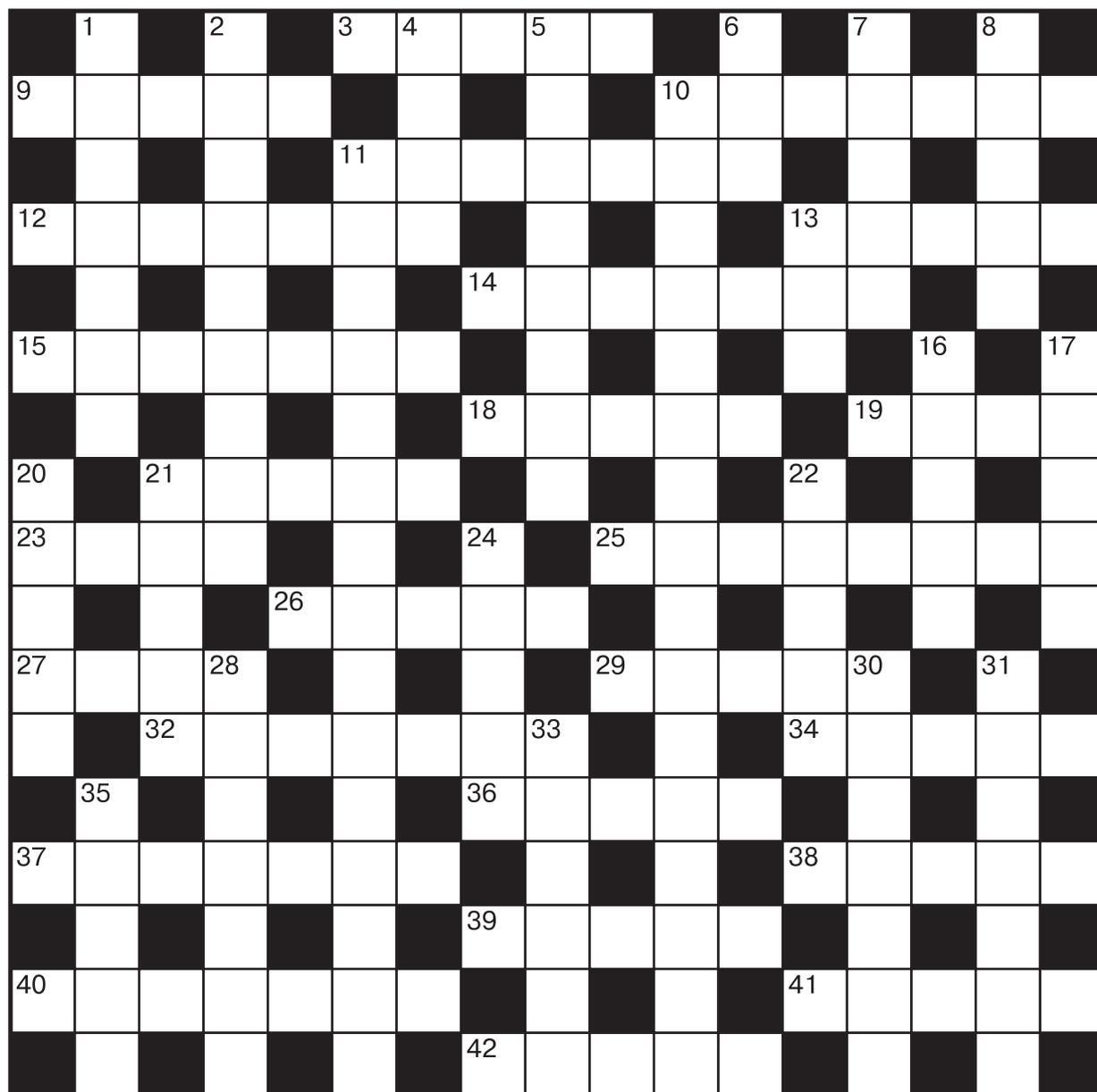
«Свобода, Жэка, это не предельное достижение человека, это путь, — прозвучал во мне его голос. — Человек, который извне ничем не поработен, может стать рабом своих страхов, своих страстей. У нас с тобой, изначально лишенных права быть свободными, есть шанс быть воистину свободными. Надо только любой ценой отвоевать право решать свою судьбу, отдать себя под строжайшую самодисциплину, научиться властвовать над собой, победить все то, что может превратить в рабов, поработить... И, главное, ничего не бояться. Нам с тобой, Жэка, привит такой иммунитет в нашем убогом приюте. Страх — это высшее проявление рабства...»

— Я всю жизнь пытаюсь усвоить твои уроки, Макс, но, наверное, я нерадивая ученица, — прошептала я, придавая посредством туши выразительность и объем бесцветным хилым ресничкам. — Ты с самого детства, твоего кошмарного, ущербного детства, сумел увидеть свободу как предельное проявление любви. Выбрал среди детдомовской оравы самую слабую, разглядел какой-то тебе одному видимый свет и ринулся отвоевывать эту хилую душу. Без тебя меня бы точно забили, изуродовали. Чем бы я стала без тебя, Макс, страшно подумать... А теперь, теперь мне так важно, чтобы ты мной гордился....

Прикинув на себя маленькое платьице от Живанши, я со вздохом сожаления отвергла его. Распухший локоть торчал из-под короткого рукавчика, как уродливый нарост чаги на стволе дерева. Подумав секунду, я продела поднывающую руку в свободный рукав джинсовой рубашки, натянула джинсы, надвинула на лоб кепку с длиннющим козырьком, влезла в кроссовки и, пристроив на плечи рюкзачок, решительно вышла из комнаты. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Лучший плод против зимней депрессии. **9.** Кем работал в торгпредстве герой комедии «Полосатый рейс»? **10.** Красочная индивидуальность художника. **11.** Кто у Льва Толстого стал рононосцем из-за Вронского? **12.** Мужчина в самом расцвете сил с пропеллером за спиной. **13.** Кому образ Кармен принес

олимпийское золото Турина? **14.** Какой морской рак способен на самый быстрый удар среди животных? **15.** Какими орехами зоологи категорически не советуют кормить белок? **18.** Каждое из чудес Дэвида Копперфилда. **19.** Кто из звезд встретил даму сердца на съемках фильма «Гараж»? **21.** Кто из экономических

противоречий капитализма вывел теорию классовой борьбы? **23.** Что композитор для оперы сочиняет? **25.** Легенда советской тяжелой атлетики, чью мать символично звали Олимпиада. **26.** Кто лишился чуть ли не ста голов? **27.** Заливка крошки. **29.** Мексиканский индеец. **32.** Надзиратель из желтого дома. **34.** Источник крупы, способной подавлять работу щитовидной железы. **36.** В каком окошке билеты покупают? **37.** Гуру из аула. **38.** Какое произведение Сергей Прокофьев впервые написал в девять лет? **39.** Масштабный метеор. **40.** Завхоз из барского дома. **41.** Патриотическая акция «... памяти» в ознаменовании снятия Блокады Ленинграда. **42.** Общага на зоне.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто купил вишневый сад чеховской Раневской? **2.** Квиток из ломбарда. **4.** Чем управляют ядерные ракеты? **5.** Уст-

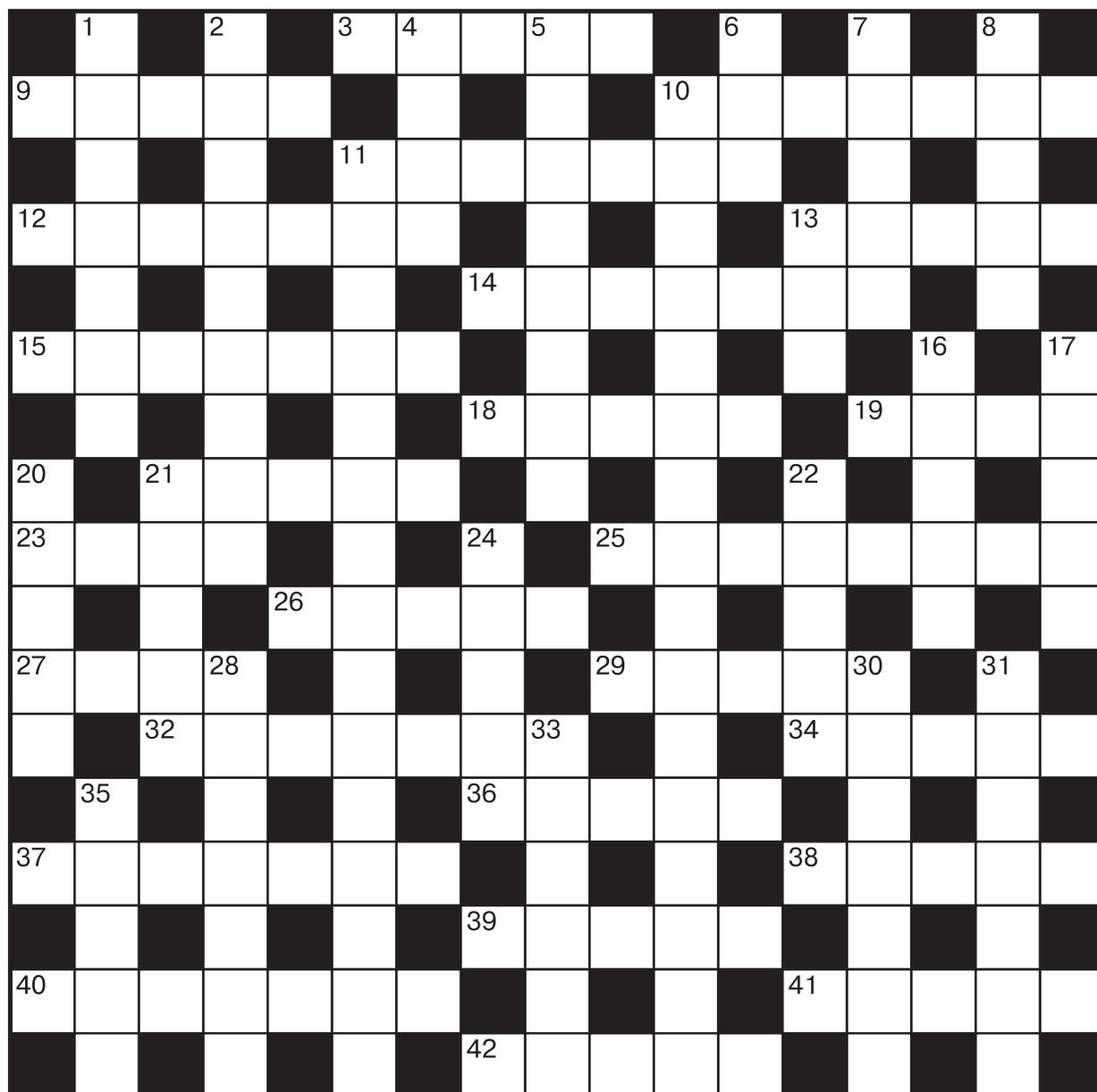
рой-ство для чтения мыслей из фильма «Гостя из будущего». **6.** Особо уважаемый итальянец. **7.** «Я поднимаю свой ..., чтоб выпить за твое здоровье». **8.** Что, согласно поговорке, до клубка доведет? **10.** С каким жанром связано начало режиссерской карьеры Эльдара Рязанова? **11.** Под какую из сталинских авантур подвели раскулачивание? **13.** Что изображено на дорожном знаке «Пункт питания»? **16.** Образец в натуральную величину. **17.** К какой категории относят криминальные романы? **20.** «Узница» класера. **21.** Кого из царей выдавали ослиные уши? **22.** «Фамильный морг». **24.** Кого Иван Грозный послал Сибирь покорять? **28.** Гроза посевов. **30.** Какое растение, как считали славяне, невинная девушка может рвать голыми руками? **31.** «Официальная ...» в верхах. **33.** Что избавляло Вольтера «от трех великих зол: скуки, порока, нужды»? **35.** ... прибора.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Фуэте. **9.** Спрос. **10.** Либерия. **11.** Дебошир. **12.** Соловей. **13.** Ковка. **14.** Шолохов. **17.** Порог. **20.** Обоз. **23.** Ворота. **24.** Кабалевский. **25.** Гнев. **26.** Вошь. **27.** Ритор. **29.** Берег. **31.** Робот. **32.** База. **33.** Пение. **34.** Взвод. **35.** Лотос. **37.** Пирог. **38.** Должник. **39.** Лилия. **40.** Манты. **41.** Досмотр. **42.** Каток.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Опрос. **2.** Доход. **4.** Улей. **5.** Творог. **6.** Тир. **7.** Серов. **8.** Нитка. **10.** Лимон. **11.** Детонатор. **13.** Косой. **14.** Шопен. **15.** Волга. **16.** Чокер. **18.** Водопад. **19.** Бальзам. **21.** Зависимость. **22.** Аскет. **23.** Видеозвонок. **28.** Роговица. **29.** «Бородино». **30.** Великан. **32.** «Боржоми». **36.** Диета.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Второй шейный позвонок. **9.** Виртуальное приключение. **10.** Начальник гребцов на боевых судах Древней Греции. **11.** Кто стоял у истоков современной анатомии? **12.** Финансовый чиновник в ранней Византии. **13.** Заупокойный молебен. **14.** Геометри-

ческая фигура. **15.** Помесь зайца с глухарем, «выведенная» шведом Рудольфом Гранбергом. **18.** Хрустящий десерт американцев. **19.** Кузина Тани Гроттер. **21.** Чья оперетта легла в основу первого немецкого фильма Марики Рекк? **23.** «Космические воды» у индусов. **25.** Скорость им-

мунных реакций организма. **26.** Местное наречие. **27.** Знаменитый ученик Стефана Банаха. **29.** Траншейный ... в спортивной стрельбе. **32.** Какой певец дважды выступал за Россию на «Евровидении»? **34.** Промышленная катушка. **36.** Супруга библейского Авраама, попавшая в плен к египетскому фараону. **37.** Город в Сахаре, где для строительства домов используют соляные кирпичи, не опасаясь, что они пострадают от дождя. **38.** Подкладка для верхней части голенища. **39.** Основной меч самурая. **40.** Автор «принципа возможных перемещений». **41.** Светское имя еврея при общении с неевреями. **42.** Первый, в кого Всевышний вдохнул душу, среди приматов из фантастического боевика «Планета обезьян».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Город Кришны», чье описание можно найти в «Махабхарате». **2.** Букетная «елочка». **4.** Первая в мире женщина, став-

шая командиром подлодки. **5.** «Пламенная Долорес» во главе коммунистической партии Испании. **6.** Ближневосточный аристократ. **7.** Сахар низшего достоинства. **8.** Чем прощупывают водную гладь? **10.** «Жульническая» регистрация страницы в Интернете по именам знаменитостей. **11.** Современная медийная технология. **13.** К кому Ветхий Завет возводит родословную моавитян и аммонитян? **16.** Старинный медяк из Грузии. **17.** Суповое растение у египтян. **20.** Китайский символ, послуживший основой монеты в один доллар из Сингапура. **21.** Что погубило стахановца из песни «Случай на шахте» Владимира Высоцкого? **22.** Богиня молодильных яблок. **24.** Французский социалист, любивший только шахматных и карточных королей. **28.** Грузинский лаваш. **30.** Величайшая река Европы для древних греков. **31.** Орловская порода голубей. **33.** «Первый в мире искусствовед». **35.** Женская кофта из Индонезии.

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Сахар. **9.** Гуран. **10.** Водичка. **11.** Галатея. **12.** Броккен. **13.** Фотон. **14.** Лаудруп. **17.** Ниман. **20.** Абик. **23.** Гелада. **24.** Лангобардия. **25.** Адаб. **26.** Фила. **27.** Ропак. **29.** Факон. **31.** Фукус. **32.** Сика. **33.** Сорит. **34.** Табар. **35.** Тегао. **37.** Хонсу. **38.** Дандоло. **39.** Тигон. **40.** Ньево. **41.** Булдава. **42.** Халай.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чудра. **2.** Хакка. **4.** Алан. **5.** Агаран. **6.** Соя. **7.** Пироп. **8.** Аксон. **10.** Венди. **11.** Гелиограф. **13.** Фузея. **14.** Лайба. **15.** Чапан. **16.** «Пилар». **18.** Казимир. **19.** Ханагай. **21.** Каботинство. **22.** Аркас. **23.** Гипоталамус. **28.** Куделица. **29.** Фумарола. **30.** Кобольд. **32.** Саудади. **36.** Ульва.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

! ВНИМАНИЕ!
Анонс на №11-2024

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

24010

Имя графа Александра Христофоровича Бенкендорфа всем хорошо известно. «Бывший генерал-адъютант императора Александра I, при Николае I он стал главой корпуса жандармов Третьего отделения и фактически вторым лицом в империи. Своим главным предназначением Бенкендорф считал видеть везде и во всем опасность для существующего строя и по возможности ликвидировать ее. О нем говорят, что он был беспощадным борцом с декабристами, надзирателем над поэтом А.С. Пушкиным, но это не совсем так. Наделенный природным умом и имея огромный жизненный опыт, он никогда не предавался особой радости по поводу своей должности и значимости.

Александр Ралот «Держиморда всяя Руси»

«Режиссер Кира Муратова относится к числу художников неудобоваримых, а потому непонятных. Ее образная среда, на первый взгляд, совершенно проста, но по замыслу очень глубока и сложна. Фильмы Киры Муратовой для нашего восприятия (самой Киры Георгиевны уже четыре года как нет с нами) оказываются вполне понятными и несут в себе предсказания скорого будущего, которое нас уже настигло...

Юрий Осипов «Синдром Муратовой»

«Все мы смотрели оscarоносный фильм «Москва слезам не верит» и подпевали вальсу «Что происходит на свете? — А просто зима...» Эта песня написана на стихи поэта Юрия Левитанского, который не очень любил, когда его поэзия становилась текстом к музыке. До самой смерти Юрий Давыдович не только сохранял за собой право на свою жизнь и выбор, но и оставил нам напоминание, как делать этот выбор и как поступать в разных жизненных ситуациях...

Евгения Гордиенко «Каждый выбирает для себя...»

«На Руси издавна существовал позабытый ныне красивый праздник — Кострома, главным действующим лицом которого было чучело из рогожи и соломы «Кострома». В конце праздника чучело сжигали — так сказывалась вера наших предков в очистительную силу огня. Вот отсюда и произошло название этого чудесного города Кострома, по другой версии, название город получил от протекающей там речки Кострома. Сегодня Кострома славится знаменитым костромским сыром, костромским льном, своими монастырями и замечательными людьми, жившими в этом городе.

Дмитрий Зелов «Кострома, Кострома, дальняя планета»

Окончание остросюжетного романа Екатерины Марковой «Плакальщица»